Институт языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»
Муромский историко-художественный музей
Отделение Российского исторического общества в Республике Коми

Ю.М. СМИРНОВ

МУРОМ: ГОРОД НА ОСОБИЦУ
(субъективные заметки о муромском менталитете)

Повседневная жизнь российской провинции
Выпуск 7

Сыктывкар, 2022

УДК 15+91Мур
ББК 88.5+28.89Мур

С 50 Смирнов Ю. М. **МУРОМ: ГОРОД НА ОСОБИЦУ. (Субъективные заметки о муромском менталитете)**. – 2-е изд., дополненное. – Сыктывкар: ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН», 2022. – 184 с. (Повседневная жизнь российской провинции; вып. 7).
ISBN 978-5-89606-642-2

Книга посвящена особенностям мировоззрения жителей одного из древнейших городов России – Мурома. Рассчитана на широкий круг читателей.

Smirnov Yu. M. **MUROM: A CITY ON AN INDIVIDUAL. (Subjective notes on the Murom mentality). –** 2nd ed., supplemented. – Syktyvkar: FRC «Komi Science Centre, Ural Branch, RAS», 2022. – 184 p. (Daily life of the Russian province; Issue 7).

The book is devoted to the peculiarities of the worldview of the inhabitants of one of the oldest cities in Russia – Murom. Designed for a wide range of readers.

УДК 15+91Мур
ББК 88.5+28.89Мур

Редакционная коллегия:
И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), С.В. Бандура, Н.М. Игнатова, О.В. Золотарев, П.П. Котов, Л.А. Максимова, М.А. Мацук, М.В. Таскаев

Подготовка текста:
Л.И. Глущенко

Ответственный редактор:
директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов

Рецензенты:
профессор Белорусского государственного университета
доктор исторических наук В.И. Меньковский
продекан философского факультета Университета Матея Бела
доктор философии М. Шмигель

На обложке фотографии из фондов Муромского историко-художественного музея.

ISBN 978-5-89606-642-2

© Л.И. Глущенко, подготовка текста, 2022
© ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022
© Муромский историко-художественный музей, иллюстрации, 2022

ЧИТАТЕЛЮ, ОТКРЫВАЮЩЕМУ КНИГУ

Возможно, Вы начинаете знакомство с городом Муромом с этой книги. У авторов предисловия ситуация была другой. Наше знакомство с городом началось с рассказов о Муроме замечательного человека и талантливого исследователя Юрия Михайловича Смирнова.

Юрий Михайлович с таким увлечением и мастерством описывал этот старинный русский город, что вариантов оставалось немного. Надо было или при первой возможности ехать в Муром, или настаивать на переводе устных рассказов на бумагу. Или совместить оба варианта. Что мы и сделали. И теперь можем наслаждаться и текстом, и воспоминаниями о Муроме.

Название книги точно отражает специфику города. Особая история, особые герои, особая судьба. На общем фоне российской истории, российской провинции, российского менталитета. Взгляд на большую страну и народ через призму одного города и его жителей. Взгляд россиянина и муромчанина. Профессиональное перо историка и писателя.

Эта книга, выходящая уже вторым изданием, далеко не первая для автора. Мы с удовольствием читали его предыдущие работы, прекрасно знали Юрия Михайловича как замечательного лектора и докладчика. Увы, наш друг ушел из жизни в 2021 году, не дожив до переиздания одного из любимейших своих трудов. Надеемся, что знакомство с текстом книги не только доставит Вам удовольствие, но и станет шагом к знакомству с многообразным творческим наследием Юрия Михайловича Смирнова.

И обязательно съездите в Муром!

Друзья автора

Игорь Жеребцов, *доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация;*

Михал Шмигель, *доктор философии, продекан философского факультета Университета Матея Бела, Банска Быстрица, Республика Словакия;*

Вячеслав Меньковский, *доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь.*

МУРОМ: ГОРОД НА ОСОБИЦУ

(субъективные заметки о муромском менталитете)

***

Если бы эта работа была написана лет сто или даже пятьдесят назад, то, скорее всего, ее название звучало бы по-другому: что-то вроде «Очерка быта и нравов…» или «Мировосприятие муромских жителей», а может «Муромский характер». Однако в последние десятилетия широкоупотребительным стали термины «менталитет», «ментальность», к которым исследователи относятся неоднозначно – вплоть до полного неприятия – но обойтись без них уже не могут[1]. Недостаток этих терминов в том, что, в общем-то, обозначая вполне конкретное явление, они, тем не менее, имеют разные определения. Дабы не блуждать в теоретических дебрях, считаю возможным остановиться на том содержании, которое вкладывает в это понятие Ж.Д. Ефремова: менталитет – это исторически сложившееся долговременное единство наиболее устойчивых представлений, стереотипов и архетипов, проявляющихся на осознаваемом и неосознаваемом уровнях в виде особого образа мыслей, мироощущения и мировосприятия и имеющих аксиологическое, эмоциональное и поведенческое воплощение[2].

Менталитет социума не является суммой индивидуальных или групповых менталитетов, его составляющих. Однако в обыденном сознании представления о менталитете нередко складываются на основе прецедента, который в дальнейшем становится мифом вроде разговоров о «загадочной славянской душе», и, в свою очередь, начинает играть конституирующую роль, тиражируясь не только в обыденном сознании, но и в публицистике, в популистских лозунгах, политической практике. Наиболее ярко такие стереотипы проявляются в зоне контактов культур, имеющих различные парадигмы. Вместе с тем различия в ментальности имеются и у социумов, принадлежащих к одной культуре. Еще ярче – даже с некоторой демонстративностью – проявляются они у представителей субкультур.

Ментальность – явление историческое, в том смысле, что с одной стороны обусловлена конкретной ситуацией существования ее носителей и имеет тенденцию изменяться вслед за ситуацией. С другой – тяготеет к константности, сохраняя в этой же ситуации устойчивые

черты, что обычно называют консервативностью. Так что в этом смысле менталитет вполне подпадает под научное (не бытовое и журналистское) определение традиции. Динамика современной жизни такова, что традиции в настоящее время претерпевают гораздо большие изменения за менее короткие периоды, чем это было в предыдущие исторические эпохи. Отсюда с неизбежностью вытекает вывод, что ни одну из черт ментальности нельзя абсолютизировать. При этом не следует забывать, что «менталитет молчалив и проявляется скорее в повседневной деятельности людей»[3].

Сами носители ментальности, т.е. ее субъекты, разумеется, не замечают в ней ничего особенного, более того – это необходимая и единственно верная норма: именно так, как они думают и поступают, все и должно быть. Подмеченные же в контактах с представителями других культур (читай: менталитетов) особенности обычно воспринимаются как некие странности и служат объектами насмешек и недоумения. Случаи взаимовлияния менталитетов, которые также имеют место, я в данном случае выпускаю.

На сегодняшний день современная теория функционирования и развития социокультурной ментальности пока не выработана. Адекватных методик исследования также не существует[4], хотя некоторые методики позволяют буквально «просчитать» ментальность, разложить ее на составляющие. Однако в этом случае исчезает некий флер очарования, как в гармонии, проверенной алгеброй, так как многие черты ментальности просто невозможно отделить друг от друга и превратить пусть и в стройную логическую, но схему. Многие ментальные черты в их реальном проявлении нельзя разделить, когда одно качество нераздельно связано с другим, третьим, четвертым или же завуалированно проявляется в ситуации, не имеющей, казалось бы, к нему никакого отношения. (Достаточно отметить, что в русском языке существует до полутора тысяч слов, обозначающих разные психологические черты людей[5]; если из сочетаний семи нот гаммы человечество сумело составить неисчислимое многообразие мелодий, то число характеров, скомбинированных из полутора тысяч составляющих, сравнить, пожалуй, можно только с бесчисленностью звезд во вселенной). К тому же мне хотелось показать именно устойчивые стереотипы, а посему пришлось отказаться от хронологической разбивки. И еще один немаловажный ас-

пект, обозначенный исследователем в отношении купеческого менталитета: «Провинциальный город – это, прежде всего, объединение людей, живущих в определенной социальной среде, являющихся носителями присущих данному социуму культуры. Это приводит к необходимости изучения купечества уездного провинциального города (а Муром до начала XX века был именно таким городом. – *Ю.С.*) в тесной связи с социокультурной городской средой»[6]. Это замечание справедливо не только для купечества: менталитет любого социума неразрывно связан со средой его существования, поэтому вторым равноценным героем работы стал сам город – Муром. Для меня город – это живое существо, организм, который развивается, болеет, впадает в депрессию, расцветает, засыпает, пробуждается, хандрит, радуется, держит удары и отвечает на них, короче – живет и иногда… умирает.

Мои заметки – это не строгое научное исследование в полном смысле, а скорее впечатления, сложившиеся от общения с городом за длительное время, которые я пытаюсь подкрепить известным мне историческим материалом. Я не случайно отметил, что особенности менталитета ярче проявляются на фронтире культур или социумов. Дело в том, что я не родился в Муроме, и мое обитание в нем не было непрерывным. Я жил и в других городах – Ленинакане, Краснодаре, Барановичах, Саратове, Горьком, Москве, Киеве, Душанбе, Сыктывкаре, Западном Берлине, частыми наездами бывал в Ленинграде/Санкт-Петербурге; к тому же с разными экспедициями – этнографическими, археологическими, религиоведческими, социологическими, геологическими и проч. (их было более полусотни) – исколесил полстраны. Помимо моей воли увиденное, новый опыт проецировались на лекало муромского школьного детства и откладывались где-то в подсознании, чтобы время от времени неосознанно всплывать, обозначая фронтиры. Позже, когда опять же помимо моей воли, но в силу обстоятельств, Муром вторгся в сферу моих научных интересов и нагло стал диктовать свои условия, его постоянно рассыпающийся, трудноуловимый, замутненный и залапанный воинствующими краеведами облик (в Муромском музее говорят: «Невидимый град Муром») стал предметом рефлексии, которая послужила одновременно и отправной точкой, и базой для предлагаемой работы.

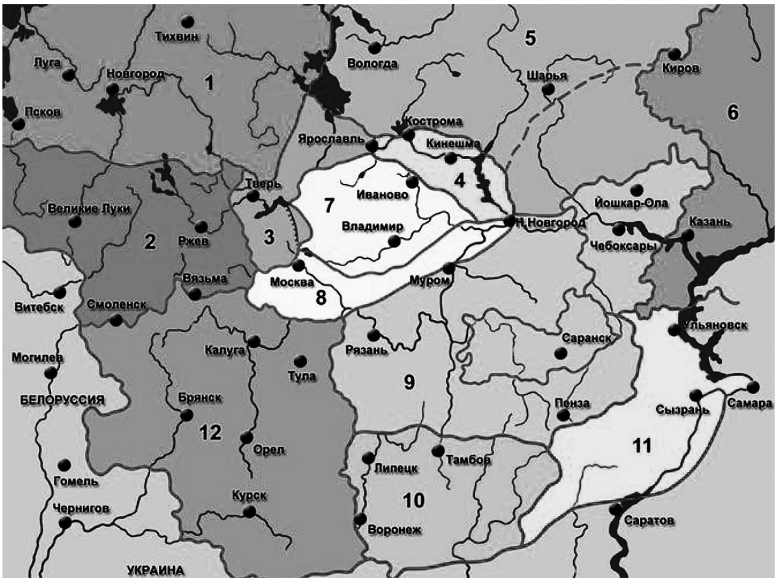
Пытаясь постичь непонятный для меня город, я много разговаривал с людьми, своим желанием или – чаще – волею судеб оказавшимися в Муроме. Иногда по нескольку десятилетий они живут в городе, ставшим «средой их обитания», но продолжают видеть его как бы со стороны. Поражала схожесть их не весьма лестных оценок – откуда бы кто ни приехал.

Цепляясь друг за друга, отдельные факты и оценки, раскиданные по научным штудиям, старым документам, немногочисленным мемуарам, письмам, дневникам, свидетельствам современников, соединялись в цепочку причудливого плетения. Она-то и стала для меня, как в свое время нить Ариадны для Тесея, путеводителем по столбовым улицам и закоулкам муромского менталитета. В этой цепи стоит отметить воспоминания В.В. Стратонова, в 1912 году направленного контролером в Муромский банк: «Древний Муром, каким он был тогда… представлялся поистине замечательным городком. На триста или четыреста лет старше Москвы… Но столетия проходили за столетиями, везде развивалась культура, а этот уголок как будто оставался в стороне от течения истории. Внешний вид Мурома, конечно, изменялся, но перемены можно было заметить, только сравнивая между собою столетия»[7]. Приехав в Муром из столицы, он сразу и в полной мере окунулся в провинциальную жизнь, зорким глазом умного интеллигентного чужака отмечая ее особенности и странности. Года жизни здесь ему вполне хватило, чтобы получить нервное расстройство.

Особый интерес представляют работы М.В. Ахметовой, выполненные на основе материалов двух экспедиций, проводившихся в городе в 2005–2006 годах Государственным республиканским центром русского фольклора. Это, по сути, единственная попытка научного осознания пространства и образа Мурома[8]. Меня порадовало, что многие наши наблюдения совпадают.

Следует учитывать, что население Мурома с 15 тыс. в начале XX века возросло сейчас до 116 тыс. и коренные жители составляют достаточно малочисленную часть городского социума. В последние десятилетия советской власти население Мурома значительно прирастало за счет деревенских жителей, работавших на муромских предприятиях и до сих пор сохраняющих прочные связи с селом; собственно, этот процесс начался еще до революции. В условиях

сложной экономической ситуации тенденция лишь усилилась. Муромляне сетуют: «Мигранты из деревень наводнили Муром и присваивают себе блага, которые должны принадлежать коренному населению. Сами деревенские описываются как хитрые, бесчестные и бескультурные люди, наподобие того, как в столичных (московском и петербургском) текстах описываются "лимитчики"»[9]. Но, увы, как ни крути, а они стали частью муромского населения и, следовательно, носителями и творцами его менталитета. Заметная часть представлена специалистами, приехавшими в разное время; в основном это техническая интеллигенция и медицинский персонал. И, наконец, еще одна составляющая современного населения Мурома – мигранты (беженцы, переселенцы) осевшие в городе после распада Советского Союза.



Географические зоны антропологических типов русских

1 – ильменско-белозерская; 2 – валдайско-соротская; 3 – западная верхневолжская; 4 – восточная верхневолжская; 5 – волго-вятская; 6 – вятско-камская; 7 – клязьминская; 8 – центральная; 9 – дон-сурская; 10 – степная; 11 – средневолжская; 12 – верхнеокская.

Именно поэтому предлагаемый очерк носит характер субъективных заметок, в которых ни в коем случае не дается оценочных харак-

теристик, не сравниваются стереотипы разных социумов, хотя возникли заметки именно из подмеченных несовпадений на фронтирах и при взаимодействии разных носителей менталитета. Нет сомнения, что сходные с муромскими черты, равно как и отличия, присутствуют в ментальности других сообществ, однако их типология – это уже работа совершенно иного уровня.

Когда в 1958 году меня привезли в Муром, первое, что я увидел, выйдя из вагона на перрон – стайку воробьев. Удивлению моему не было предела: это были воробьи, но совсем не такие, как в Краснодаре!..

***

В настоящее время существует два равноупотребимых названия жителей Мурома – муромляне и муромцы, которыми я буду пользоваться. Третий вариант – муромчане – в городе распространения не получил[10].

Антропологическая подгруппа русских, в которую входит население Мурома, относится к центральной подгруппе и формой ареала расселения напоминает кривой муромский огурец, узкий конец которого (примерно 40–50 км) на востоке покрывает Муром, уходя до Нижнего Новгорода, а широкий почти через 300 км захватывает Москву и уходит еще километров сто на запад (примечательно, что в свое время славянская колонизация края шла как раз от Мурома к Нижнему)[11]. Территория однородна антропологически. Средние величины признаков ее населения близки к средним суммарного типа русских[12]. Считается, что население Мурома и округи сложилось в результате слияния автохтонного финно-угорского племени мурома и пришедших славянских племен. Длительное время – до начала XX в. – оно не испытывало заметных вливаний каких-либо других групп[13]. От окружающих подгрупп Нижегородского, Рязанского и Владимирского регионов население, составляющее эту подгруппу, внешне отличается менее высоким ростом, плотной, довольно коротконогой фигурой; широким, порою достаточно скуластым лицом. Существует и муромский говор – к «оканью» (как у рязанцев и нижегородцев) они прибавляют «уканье»: «угурод», «удеялка», и уж совсем отличаются в говоре от «яканья» и «еканья» владимир-

цев и «аканья» москвичей. Правда, в последние десятилетия «уканье» почти совсем исчезло.

Что касается языка муромы, то долгое время считалось, что от него осталось единственное слово – наименование племени, которое и дало название городу. Однако исследования финского филолога А. Альквист, проанализировавшей несколько десятков топонимов с корнем «муром», показали, что местность, где впоследствии расположился город, называлась так еще до прихода племени и что, судя по всему, племя получило имя по местности, а не наоборот[14]. Даже если следовать простой житейской логике, то по обилию топонимов с этим корнем следовало бы признать, что племя мурома занимало чуть ли не пол Европы, чего на самом деле, разумеется, не было. Достаточно отметить, что село с названием Муром есть в Шебекинском районе Белгородской области; там же протекает одноименная река[15]. Упоминание об этом селе встречается в летописях под 1667 годом. Местный краевед Н.Н. Кузюлев считает, что название села связано с якобы переселенными сюда в начале XVIII века семей Балакиревых, Рыжковых, Сергеевых, а фамилии эти и сейчас, по его данным, встречаются в городе Муроме. Сейчас-то встречаются, но вот в XVII веке мне встретились только Сергеевы. Кроме того, протекающая в этом регионе река Муром однозначно показывает, что название появилось гораздо раньше, чем здесь могли бы поселиться ссыльные из города Мурома[16]. Однако все это не помешало назвать разбитый в селе парк в честь Петра и Февронии Муромских[17].

Большинство исследователей считает язык муромы финно-угорским, однако ничего конкретного сказать о нем не могут. Некоторые роднят его с эрзянским языком, другие – с языком меря или мещеры, третьи полагают, что такого языка не существовало вовсе, однако убедительных аргументов в свою пользу никто привести не может. Тем не менее, с начала XX века предпринимаются попытки реконструировать язык муромы. В 1911 году К.С. Кузнецов, считавший этот язык близким мерянскому, попробовал для восстановления языка использовать топонимы. Версия Кузнецова вызвала большую критику лингвистов и не была принята. В настоящее время как минимум три энтузиаста пытаются гальванизировать муромское наречие. Два

из них – медики. Один в качестве исследовательской базы использует финно-угорские языки, считая, что мурома существовала еще в XVII веке и жила в Судогде[18]. Второй – член-корреспондент РАМН – полагает, что язык муромы был близок чувашскому. (В чувашском языке, который относится к булгарской группе тюркских языков, действительно, в силу исторических причин сохранились и финно-угорский, и древнемонгольский субстраты, это не считая арабских и русских влияний)[19]. Предками же чувашей он считает… скифов. Соответственно, мурома тоже вроде бы как скифского происхождения. Скифы говорили на языке одной из ветвей индо-иранского языка, и его потомком считается современный осетинский. Таким образом, по этой гипотезе выстраивается совершенно невообразимый ряд, в котором иранский язык превращается в финно-угорский и затем в тюркский. Полагаю, что вряд ли стоит дальше говорить об этой попытке. И, наконец, третий подход: здесь филолог, доктор наук, основываясь, опять же, на топонимах, пытается доказать, что языка муромы вообще не существовало[20].

***

Муромские земли лежат в регионе, который ранее назывался Белой Россией – средней частью Российского государства, находившегося между Великой Россией и Малой. По В.Н. Татищеву они назывались Му́рома или Озерная, а в ней «древний знатный город Муром»[21]. Шведский дипломат и историк конца XVI – начала XVII в. Петр

Петрей Де Ерлезунда, посетивший Россию в период Смуты, пишет, что в «40-ка милях к востоку от Нижнего Новгорода лежит маленькая область, называемая Муром, имевшая прежде собственных Князей и Государей, но ныне и город, и крепость разорены и принадлежат к Московскому управлению». Название же Белой Руси он, в духе того времени, объясняет анекдотично: там мужчины в летнее время носят на голове белые шапки, а женщины красят и подделывают себе лица белилами[22]. Странным образом этот анекдот контаминирует с драматическими событиями, когда муромский протопоп Логин укорил жену муромского же воеводы в чрезмерном использовании белил и румян, что и послужило поводом для дальнейшего преследования протопопа.

Первые упоминания Мурома в Западной Европе встречаются уже в скандинавских сагах: «В том государстве (или в той стране), которая зовется Руссия и которое мы называем Гардарики, главные города: Муром, Ростов, Суздаль, Хольмгард (Новгород Великий), Сирнес (?), Полоцк и Кенугард (Киев)»[23]. Однако на наиболее ранних дошедших до нас морских картах – портоланах XIV в. – в том месте, где должен был локализовываться Муром, помещен топоним Comania Plana (половецкая равнина), где «живут амазонки – женщины-воительницы»[24]. На европейских картах Муром появляется во второй четверти XVI в. благодаря посланнику в России германского императора Максимилиана I (в 1517 г.) и Карла V (в 1526 г.) барону Сигизмунду Герберштейну, где изображался традиционным картографическим символом крупных городов[25]. После этого многие картографы помещают на своих картах Муром – то в чистых степях, то окруженный лесами – в регионах Владимира, Московии, Рязани и даже Касимовского княжества. Анализируя изображения и надписи на картах, Н.К. Фоменко (не путать с А.Т. Фоменко) делает интересный вывод, что «жители муромского края в представлении европейцев XVI в. были смекалистым, хитрым народом или населением, связанным с хлебопашеством и производством хлеба»[26].

Яркую картину отличий муромских жителей от соседей рисует в середине XIX века полковник Генштаба Талызин в военно-статистическом описании Владимирской губернии: «В пределах Владимирской губернии жили в древности, в диком состоянии, два народа: Мурома и Меря (Чудь). Первый занимал пространство от границ Тамбовской губернии по берегам Оки, до впадения ее в р. Волгу… Трудно в теперешних жителях губернии, составляющих с Москвою как бы центр Русского народонаселения и связанных издавна одною религиею, подметить какие-нибудь следы обрядов и привычек поколений, давно исчезнувших, давно обрусевших. Время не могло совершенно изменить одного – наружного вида, и действительно, тип Финского племени и народа Мурома, сходного с ним, сохранился в некоторых местах. Так, жители уездов: Муромского, Меленковского, Гороховецкого и южной части Покровского резко отличаются, по наружному виду, от жителей уезда Владимирского и прилежащих к нему частей Суздальского, Александровского, Юрьевского и верхней части Пок-

ровского: первые (т.е. в том числе и муромцы. – *Ю.С.*) малорослы, уродливы и носят на себе известный отпечаток Финского племени; вторые отличаются высоким ростом, хорошею наружностию, правильностью черт лица, представляя вполне тип Славяно-Русса. Первые, сверх того, вообще ленивы, невежественны, тогда как вторые сметливы, ловки, деятельны, известны по всей России своею красотою и смышленостью. Первые потомки народов: Мурома и Меря, смешавшиеся с Русским поколением; вторые потомки Славяно-Руссов, переселившихся из Новгородской земли и мало слившихся с Финским поколением»[27]. («Богатыри они были, неладно скроенные да крепко сшитые», – отметит позже другой наблюдатель. – *Ю.С.*)[28]. Этнограф XIX в. описывал их так: «Как правило, роста среднего, волосы имеют темнорусые, глаза – серые. Физически сильны, здоровы, проворны, ловки»)[29]. Однако не весьма лестные в отношении муромцев сентенции Талызина заканчиваются резюме, неожиданным и противоречащим вышесказанному: «Нынешний Муром есть один из лучших городов губернии по богатству жителей, по промышленности и образованию»[30], – чего, казалось бы, никак не могло быть из-за «лености», «невежества» и «уродства» муромских жителей. А вот жителям Владимира их «большая образованность и смышленость» на пользу не идет: она «часто обращается в плутовство, в разгульную, беспорядочную жизнь по трактирам и кабакам. Более скромною, правильною жизнью отличаются мещане Муромские и Суздальские»[31]. Екатерина II, возвращаясь из Симбирска и Казани, проезжала через Муром 12 июня 1767 года и также отметила: «Где чернозем лучше и лучшие произращения, как то Симбирская провинция и половина Алатырской, там люди ленивы, и верст по 15 пусты, не населены, а земли не разработаны. От Алатыря до Арзамаса и от сего места до Муромских лесов, земли час от часу хуже, селения чаще и ни пяди земли нет, коя бы не была разработана, и хлеб лучше, нежели в первых сих местах, и нигде голоду нет»[32]. В середине XIX века К. Арсеньев словно вторит императрице: «Во Владимирской губернии природа не щедра, не она богатит жителей, а трудолюбие их и промышленность»[33]. Правда, уже известный нам Ерлезунда основой благосостояния губернии считает все-таки природные условия: «Область Володимерская – очень красивая, плодоносная страна, изобилует вос-

ком, салом, скотом, пчелами, рыбой и хлебом, так что иногда от одной бочки семян земля дает 12, 16, 18, а в иную пору и 20 бочек зерна»[34]; голландский художник и путешественник Корнелий де Бруин, проплывая мимо Мурома в 1703 году, отмечает: «Говорят, что здесь родится лучший по всей России хлеб»[35], а Я. Рейтенфельс доносит герцогу Тосканскому, будто край «так роскошно плодоносен, что часто пять мер пшеницы приносят благоприятный прирост во сто крат»[36]. На самом деле такого природного изобилия не было, а благосостояние муромцев, в значительной степени зависевшее от естественных условий и катаклизмов, не в меньшей мере строилось на их упорстве, работоспособности, приспособляемости[37].

Современные исследователи также отмечают более высокий уровень экономического развития городов Владимирской губернии, в число которых входил и уездный Муром, от ряда соседних, скажем, Рязанской, во второй половине XVIII века[38].

Если не вдаваться в детали, первая часть в чем-то справедливого замечания Талызина не находит отражения в муромском менталитете. В отличие от взгляда стороннего наблюдателя сами «муромляне в большинстве своем совершенно не ощущают себя наследниками финно-угров… В "муромском мифе" важен лишь факт существования муромы, что она была; к дальнейшей ее судьбе миф безразличен. Иными словами, происхождение от финно-угорского племени актуализируется лишь в "историческом" тексте, но не переживается муромлянами как повод для выстраивания своей идентичности. Племя мурома для "муромского мифа" – это персонаж не столько истории, сколько "предыстории". Историю же муромляне наполняют "русскими" символами»[39], хотя сомнений в том, что племя мурома внесло свою лепту в формирование населения Муромского края, у современных исследователей не возникает[40]. Открытым остается вопрос, сколь значительна была эта лепта. Этот вопрос с неизбежностью выстраивает после себя целую цепочку вопросов: а была ли мурома самостоятельным племенем или входила в мордву или мерю? на каком языке говорило это племя (ведь, наверное, были у Адама Олеария неизвестные нам основания для того, что бы даже в XVII веке назвать Муром «Mordvinorum», т.е. мордовским)? насколько жизненный уклад муромы повлиял на сложение местной культуры? как антропологический

и генетический тип автохтонного населения наложил отпечаток на облик и характер «русского» Мурома? и вообще существовало ли само племя как этническая общность? В первой трети XIX века высказывалось мнение (Н.М. Макаров, Г. Вельтман), что «древнейшее ее начало» следует искать в «индийской секте Мура», изгнанной из Индии после неудавшегося восстания против вишнуизма, и что мурома была «родственницей» булгарам, но «не была соплеменницею ни Мордве, ни Черемисам, ни финнам»[41]. В 30-е годы XX века А.А. Гераклитов, специалист по этнической истории мордовского народа, утверждал, что мурома не представляла собой отдельную этническую группу, а являлась частью мордвы[42].

Справедливости ради следует отметить, что несколько лет назад Институт генетики при организационном участии Муромского музея начал исследование геномных маркеров коренных жителей Муромского района. Подобные исследования, доноры для которых отбираются по определенной методике, позволяют определить наличие генетически передающихся национальных признаков. Автор исследования – профессор, доктор биологических наук, заведующая отделом молекулярных основ генетики человека Института молекулярной генетики РАН, один из основоположников работ по молекулярной генетике человека в нашей стране – С.А. Лимборская пришла к выводу, что «этническое облако популяции Мурома слегка выдвигается из ядра центральных русских популяций, и выдвигается в сторону финно-угорских народов. Возможно, что таким образом здесь проявляется влияние генофонда племени мурома, которое вошло в состав современного населения региона и относилось к финно-угорскому миру… Возможно, что после полной расшифровки генома… этих индивидуумов мы сможем увидеть более детально сохранившиеся в их геноме финно-угорские особенности»[43].

В 2007 году вышла книга Е. В. и О.П. Белановских «Русский генофонд на Русской равнине»[44]. Познакомиться с этой работой мне пока не удалось. В аннотации говорится, что «впервые проведен комплексный анализ данных разных наук о генофонде русского народа на основе генногеографической технологии. Сведена воедино вся имеющаяся на сегодняшний день информация о физическом облике, кожных узорах, группах крови, аутосомных ДНК маркерах, мито-

хондриальной ДНК, Y хромосоме и фамилиях сотен русских популяций… Авторы провели обширное экспедиционное изучение русского населения – от Белого моря до Черного»[45]. Упоминание об этом, видимо, исследовании, мелькнуло в статье М. Голденкова «Забытые корни русской нации»: «Проведенный в 2000–2006 годах… анализ ДНК как раз и показал, что славяне не пересекли восточных границ еще Киевской Руси, и восточнее Курска, Брянска, Вязьмы и Твери так и не расселились: восточнее этих областей у населения России начинается уже сугубо финский генофонд. Однако многих в России этот вполне естественный и объяснимый факт возмутил. В ответ на исследования Института популярной генетики посыпались обвинения в какой-то "фальсификации истории" и прочее»[46]. Но как бы ни разрешились все эти сложные вопросы в общеисторическом контексте, в контексте данной статьи ясно одно – финно-угорские корни не повлияли на самоидентификацию современных муромских жителей, уйдя даже не в мифическую, а некую «параллельную» историю. Правда, в последнее время «финская тема» начинает потихоньку прорезаться в сознании отдельных муромцев, до которых дошло, что именно финно-угры на этой территории являются автохтонным населением, и, следовательно, принадлежность к ним означает большую, чем «русскость», древность, как честолюбиво пытается доказать один из представителей муромского рода Мяздриковых: «Предполагаю, что это были русские финны (Sic! – *Ю.С.*). То есть именно Мяздриковы самые коренные жители, в отличие от пришлых славян типа Зворыкиных и Гладковых[47]». Аргументов, однако, никаких привести не может, кроме того, что «фотографию известного купца первой гильдии И.П. Мяздрикова можно спутать с портретом моего муромского прадеда Тимофея Ивановича», а посему предлагает всем ныне здравствующим Мяздриковым сделать антропометрию, т.е. специальные обмеры, по которым установить их древнее финское происхождение.

К XII веку упоминания о племени мурома исчезают из летописей. В середине XIX муромцы вполне определенно отделяют себя от финно-угорских соседей. «Идеал у русского человека вовсе не таков, чтобы легко скрутить свою жизнь с какой-либо "поганью", – рассуждал основоположник русской антропологической школы

А.П. Богданов, – как и теперь еще сплошь и рядом честит русский человек иноверца. Он будет с ними вести дела, будет с ними ласков и дружелюбен, войдет с ними в приязнь во всем, кроме того, чтобы породниться, чтобы ввести в свою семью инородческий элемент. На это простые русские люди и теперь еще крепки, и когда дело коснется до семьи, до укоренения своего дома, тут у него является своего рода аристократизм, выражающийся в отношении к инородкам. Часто поселяне различных племен живут по соседству, но браки между ними редки, хотя романы и часты, но романы односторонние: русских ловеласов с инородческими камелиями, а не наоборот. Чтобы получить в этом фактическую уверенность, стоит просмотреть рассказы этнографов о вольности нравов многих инородцев в женских своих представителях в настоящее время. Граф А.С. Уваров сообщил мне сделанные им наблюдения в его имении, в котором русские находятся поблизости с мордвою, а именно, что русские никогда не женятся на мордовках, не веря твердости их нравов, искушать кои легко, как они знают по собственному опыту. Если мы допустим такие отношения, то увидим, что хотя мордва женится только между собою, но великорусское влияние, кровное и антропологическое, мало-помалу завоевывает в ней свое место. Этнограф, видя с одной стороны постоянную женитьбу мордвы в кругу своего племени и замечая, несмотря на то, все большее и большее постепенное обрусение, отнесет его к влиянию обычаев, языка, распространению русских нравов. Антрополог несколько скептически отнесется к этому исключительному влиянию языка и нравов, а припишет кое-что и природе, и постоянному, хотя и медленному, влиянию русской крови на народонаселение»[48].

Сентенции, высказанные А.П. Богдановым, достаточно долго просуществовали в русской науке: здесь не место заниматься их разбором, тем более, что к настоящему времени, как мы уже видели, они значительно сдали свои позиции. В рассуждениях антрополога для нас важно упоминание крестьян из поместья А.С. Уварова. Название имения не приведено, но, если учесть ареал расселения мордвы, то речь, скорее всего, идет не о Поречье под Можайском, а о Карачарове (Красной горе), находившемся в четырех километрах от Мурома, а ныне вошедшем в городскую черту.

В самом Муроме в начале XIX века также существовал закрытый для посторонних брачный круг. «В Муроме почти все население – особенно его верхи, купечество, – было между собою сродни. С чужими родниться не любили… Было несколько фамилий, которые в городском населении повторялись несчетное число раз. Такими фамилиями были, например: Суздальцевы, Зворыкины, Мяздриковы, Тагуновы и еще две-три других… Их часто муромляне различали только по кличкам: "Зворыкин глухой", или "Суздальцев кривой", или "Суздальцев у Вознесенья" и т.п. Были, разумеется, в городе и другие фамилии, но лишь немного»[49]. В XIX в., например, купцы Жадины роднились с купцами Гундобиными, Усовыми, Суздальцевыми, Засухиными[50]. Когда же будущий академик живописи И.С. Куликов, происходивший из крестьян, сватался к Елизавете Аркадьевне Гундобиной, «на стражу сословных различий встала вся ее семья: как это возможно выйти замуж за крестьянина! Молодым людям пришлось долго ждать родительского благословения», хотя ко времени сватовства он уже был известным живописцем и вместе со своим отцом построил собственный двухэтажный дом в Муроме[51].

Малоимущие невесты – те, кому повезет – обеспечивались пособиями из процентов с капиталов М.Е. Ермаковой и П.С. Суздальцева. Например, газета «Муромский край» сообщала, что «на 24 марта с.г. (1914. – *Ю.С.*), в 10 часов утра в помещении городской управы назначено вынутие жеребьев на получение бедными невестами пособий»[52].

Фамилия Зворыкиных была одной из самых распространенных (к концу XIX века – более двадцати семей); соответственно, их семейные кланы имели множество прозвищ: Зворыкины-Подгорные, Зворыкины-Якори, Зворыкины-Ткачи, Зворыкины-Железные, Зворыкины-Козоморовы, Зворыкины-Торские, Зворыкины-Успенские[53]. Еще в шестидесятые годы XX века многие фамилии коренных жителей – купцов или строителей – были своего рода городскими топонимами: дом Гундобина, дом Каратыгина, дом Никитиных[54], Вощининский магазин, Жадинский пруд, Зворыкинское болото, Каратыгинская гора[55], дом Быкова, Зоммеровские дома, дом Орловых, дом Разуваевых[56]. Сейчас они, как правило, известны только людям, знающим историю Мурома.

Н.М. Зворыкин (Торский-Железный) заметил интересную особенность: «Возьмите муромские купеческие фамилии; ни одной фамилии позитивного характера – сплошной "негатив": Жадин – от "жадный, скупой", Вощинин – от "тощий, худой", Лихонин – от "лихо – злой дух, сатана", Страхов – от "страха, боязни", Нехорошев – от "нехороший", Неустроев – от "неустрой – беспорядок, неурядица, непорядок", Бахарев – от "бахарь – бахвал, хвастун, болтун", Мяздриков – от "отвратительно пахнущего мяздрой (кожей животных), из которой варили хозяйственное мыло", Зуев – от "зуя – вертлявой, подвижной болотной птицы", Гундобин – от "гондобить – экономить, беречь материал, скупердяйничать", Тагунов – от "имеющего привычку ходить согнутым дугой (тагуном)", Косульников – от "нищий, попрошайка", Гладков – от "гладкий, сытый, полный, пухлый", ну и т.д. Одна, наверно, фамилия "Титов" – позитивная, так ведь она образована не от прозвища, а от церковного имени Тит – "почтенный". Ну и нейтрального характера купеческие фамилии ещё есть; скажем "Суздальцев" – от города Суздаль, название которого, в свою очередь, произошло от древнерусского глагола "зиждить" – опирать на что-либо, строить, созидать.

Не представляет исключения из представленного выше ряда Муромских купеческих фамилий и фамилия "Зворыкин". Как было показано ранее, она образована от прозвища "Зворыка". "Зворыка" же, как написано в различных словарях, справочниках по ономастике переводится, мол, на наш современный язык, как "вспыльчивый". Но это будет очень мягко сказано, это – своего рода эвфемизм, т.е. удобное для словесного использования в "приличном" обществе слово, заменяющее грубое "неприличное" слово. Более правильным будет перевод "Зворыки" как "психованный, бешеный". Но и это будет лишь приближением к подлинному значению. Тут теряется звуковая экспрессия, выражаемая "рычащей" частицей *"рык"* в этом коротком, всего в несколько букв, но хлестком слове. В общем, в старое время о человеке одним словом "Зворыка" в негативном плане было все сказано»[57].

Что же касается «уродливости» муромлян, то таковыми они себя не считают, равно как и их современные ближайшие соседи: «Девушки муромские – красавицы»[58]; «У нас в Нижегородской области… тоже неплохие есть девушки, но таких красивых нет… Это потому что, наверное, все-таки корни-то старославянские. Мне кажется, лица

и обличья все равно какие-то вот настоящие русские… Такая старославянская раса такая прямо (Sic! – *Ю.С.*). Четко выраженная»[59]. (Моя бы воля, я бы этих красавиц учил еще трем вещам: красиво ходить, правильно говорить и со вкусом одеваться; пожалуй, можно попросить и меньше материться. – *Ю.С.*). Вот таким, несколько неожиданным, образом связываются и даже идеализируются в обыденном сознании нынешнее представление о красоте муромских девушек и их этнической принадлежности к русским, однако не следует забывать, что с начала XX века в городе появилось много некоренного, пришлого населения, которое внесло свою лепту в изменение облика населения.

Коренные муромцы считают себя исконно русскими, однако «русскость» в их понимании означает древность. «Для мифологии города Мурома определяющим стал его возраст (Муром впервые упоминается в летописи в 862 г.). Основными признаками Мурома в "локальном тексте" становятся следующие: это город русский, древний, православный, былинный. Как показывают интервью с муромлянами, первый признак (русский) семантически объединяет остальные, тем самым становясь главным топосом муромского "локального текста"»[60]. При этом муромец никогда не назовет себя «владимирским». «Областной патриотизм» у муромлян развит слабо, и они отделяют свой город от области в целом. При этом говорят и о своего рода соперничестве с областным центром[61]. И в деятельности своей ориентирован как раз по тому самому «муромскому огурцу» – на Москву и Нижний.

Для примера открываю, что называется «на вскидку», два лежащих на столе сборника материалов областной краеведческой конференции за 2010 и 2011 годы. В первом сборнике из восьмидесяти пяти обозначенных участников муромский один, да и то, скорее, по долгу службы: это сотрудник городской библиотеки, у которой с областной библиотекой, проводящей конференцию, есть совместные проекты. Во втором из восьмидесяти девяти авторов ни одного муромца. И основания для этого, в общем-то есть. Я бывал на этой конференции, и, надо сказать, приятного впечатления она не производит. Как-то все очень провинциально-галочно и скучно. И пафос организаторов впечатляет: «Сидите вы там в Муроме в своей провинции…», – это, простите, дословная цитата. Я не буду сравнивать издания и конфе-

ренции, скажем, Муромского музея – не хочу обижать коллег из «исторической столицы России». Заявки на участие в «Уваровских чтениях» в Муроме уже давно поступают и со всей России, и из-за рубежа. Владимирцы тоже приезжают, однако сотрудники Владимиро-Суздальского музея-заповедника жалуются нам, что дирекция заповедника их в Муром не отпускает.

***

Поскольку для составления военно-статистического описания проводилась большая работа – рекогносцировки, опросы населения и пр., осмелюсь предположить, что приведенное Талызиным мнение является не только результатом личных наблюдений его и его подчиненных, но и в известной степени отражает отношение к муромцам их ближайших соседей. Действительно, судя по прозвищам, которые даны были муромцам, пиетета по отношению к ним у соседей не было. Если Рязань по фольклорной характеристике традиционного ремесла была «косопузой» из-за особой манеры завязывать кушаки, позволявшей бродячим рязанским плотникам носить за поясом топор – хотя муромские плотницкие артели были не менее известны, – пермяки ходили с «солеными ушами» из-за переноски кулей с солью, – хотя основными грузчиками соли по Оке и Волге были ватажки муромских отходников, – то первое прозвание муромцев было «калачники». Была в Муроме и Калачная улица – одна из самых длинных. Однако муромские калачи, несмотря на свою широкую известность, не были ни главным предметом производства жителей, ни основой городской экономики, но на городской герб, кстати, второй по счету, они попали[62], а сейчас ни одна встреча официальных гостей, как, впрочем, и в XIX веке, не обходится без потчевания их калачами, точнее, сегодня – их подобием: рецепт и технологии не восстановлены. Правда, то, что муромские калачи имели специфическую форму (впоследствии она была названа «замкообразной», но это едва ли отражает первоначальный смысл ее конфигурации), что тесто готовилось без добавления сдобы (т.е. было архаичным по рецептуре) и долго вымешивалось – «терлось» – на льду, что вода для них бралась из строго определенных источников, что выпекались они в специальных печах, что рецепт их держался в тайне, что еще в XIX веке они преподносились на именины

или по какому иному торжественному случаю, невольно заставляет задуматься об их ритуальном происхождении и изначально сакральном значении. При этом в русских пословицах и поговорках вокруг калача и калачников сложилось определенное семантическое поле, где калач, с одной стороны, выступает знаком достатка, праздности и сытости («Кяхтинский чай да муромский калач – полдничает богач»), а с другой – обманного, невыполняемого обещания («Калач в руки, а камень в зубы»). Сам калачник – фигура не особо положительная, прижимистая («Захотел от калачника дрождей! Либо их нет, либо самому нужны»).

Другие прозвища, несомненно, указывали на непростой, поместному – «гонобобистый», характер муромцев: «рогатые орехи», «вертячие бобы», «святогоны», «козозвоны», «водохлебы»[63]. Как видно, все прозвища носят если не обидный, то, во всяком случае, достаточно ироничный характер. Из всех самое нейтральное, и, кстати сказать, употребляемое и для населения других регионов (архангельцев, вологжан, ярославцев) прозвище – «водохлебы»[64], намекающее на пристрастие к чаю. Косвенно оно могло свидетельствовать и об относительной зажиточности муромцев, поскольку удовольствие это было для того времени дорогим, и в провинции чаепитие выражало одно из отличий купцов от простых горожан и крестьян[65].

Весьма необычно окссюморонное прозвище «рогатые орехи»; его происхождение объясняется достаточно просто: неподалеку от Мурома находится озеро, где еще до недавнего времени росло не часто встречающееся в этом регионе растение – чилим, водяной орех. На скорлупе ореха имелись напоминающие рога выросты. Хотя орех съедобен, муромцы его не ели, но время от времени продавали на базаре. «Вертячие бобы» – это другое название того же самого чилима, однако как прозвище оно приобретает несколько иной оттенок – не столько необычности, сколько некой показушности и суетности. Кстати сказать, М.Е. Салтыков-Щедрин использовал его в «Истории одного города», поместив в достаточно издевательский ряд – «моржееды, лукоеды, гущееды, клюковники, куралесы, вертячие бобы, лягушечники, лапотники, чернонёбые, долбежники, проломленные головы, слепороды, губошлёпы, вислоухие, кособрюхие, ряпушники, заугольники, крошевники и рукосуи»[66].

Откуда взялось обидная кличка «козозвоны», мне неизвестно. Возможно, что она имеет окказиональное происхождение, так же, как и, например, в «Истории села Брехова» Б. Можаева[67]: «А прудковских, например, прозывали козозвонами. У энтих коза в набат ударила… Паслась она в церковной ограде. А веревка с пожарного колокола свисала очень низко и привязывалась к березе. Кто увидит пожар – подходи и дергай за веревку, звони – собирай народ. Ну, коза рогом и зацепилась за веревку… Дернула головой – "Дон"! Она в сторону – опять: "Дон!" Она с перепугу метаться, – то туда, то сюда… а на колокольне: "Дон! Дон! Дон!" Набат! Все село и сбежалось на потеху… С тех пор их и прозвали козозвонами. Оно прозвище-то вроде бы и случайное, а причинность все ж таки имеет. Народ прудковский непутевый, пустозвонный»…[68] Вполне вероятно, что писателю было знакомо и прозвище муромцев, и его происхождение, поскольку на фронт в 1941 году он уходил из сборного пункта в Муроме[69].

Наконец, самое одиозное прозвище – «святогоны». Муромцы получили его, изгнав из города в XIII веке святого епископа Василия Рязанского. И до, и после этого случая подобные прецеденты у муромцев бывали: не опознав пророков в своем отечестве, сначала они не пустили в город св. князя Глеба, несколько позже крайне неприветливо обошлись со св. князем Константином, а потом изгоняли из города св. Февронию (ее муж Петр последовал за ней). Нетрудно заметить, что подвергшиеся остракизму святые были пришлыми из других мест.

Один из корреспондентов местной газеты в начале XX века вообще назвал Муром Пропадинском – может быть, и не очень остроумно, но от души.

Все эти прозвища сейчас практически вышли из употребления, однако появилось новое: «муромские куркули», которым чаще всего пользуются жители Мурома, приехавшие сюда из других мест и ощущающие ментальную разницу с коренным населением. Исконные же муромцы куркулями называют жителей близлежащих сел: Карачарова – оно, как уже говорилось, сейчас стало районом города, – и Панфилова, которые в советское время построили свой достаток на выращивании помидоров на приусадебных участках. Огородничество в Муроме как минимум с XVII века носило торговый характер.

Но «сверх сего всему гражданству общий промысел состоит в огуречных огородах»[70]. Семена муромских огурцов пудами вывозили для продажи в другие города, что свидетельствует о весьма солидных объемах производства. Например, по «Книге записной мелочных товаров Московской Большой таможни 1694 г.», только в Москву муромцами было поставлено более 142 пудов «семяни огурешного»[71].

Нелишне, наверное, напомнить, что уже в первой половине XVII века одними из самых богатых людей России были Наум и Демид Пахомовы Глотовы и их племянники Богдан и Иван Никифоровы Глотовы, «муромского сельца Карачарова крестьяне». О размерах своих торгов сами они писали в одной из своих челобитных: «А сходит с нас, сирот твоих, тебе, государю, в казну печатных и перекупных пошлин в сибирских городех на год рублев по 150 и больши, оприче десятые пошлины, а десятые, государь, пошлины сходит с нас, сирот твоих, в твою государеву казну на Мангазее и в Енисейском острожке соболей сороков по 5 и больши, опричие московские пошлины»[72].

***

Известные исторические источники не дают основания назвать средневековых жителей Мурома особо задиристыми и воинственными, однако свои интересы они отстаивали всегда, в том числе и на поле брани, и демонстрацией силы, и хитростью. С XI по начало XVII века горожанам не менее тридцати раз с разными результатами приходилось отражать нападения неприятеля[73]. Однако и за пределами города муромская дружина вела себя достойно – и на Куликовом поле, и при взятии Казани Грозным. В годы Великой Отечественной войны более двадцати жителей города и района получили звание Героя Советского Союза.

Существовало и обывательское мнение, что «город в прошлом мало страдал и от татар, и от других политических невзгод – просто купечество откупалось»[74]. Откупалось – не откупалось, но подарки государям подносили знатные. Родиными дарами от муромцев царевичу Алексею Михайловичу 20 мая 1629 года стали «два кубка весу 4 гривенки 20 р., сорок соболей 15 р.»[75].

Показательна ситуация, сложившаяся при крещении Мурома и известная по «Сказанию о граде Муроме», или, по другому названию, «Повести о водворении христианства в Муроме», входившей

в цикл так называемых «Муромских повестей». Жители Мурома, понимая неизбежность принятия христианства, тем не менее, шантажом и угрозами выторговали себе наиболее выгодные условия с малыми данями от них, подарками им и ежедневной княжеской трапезой «для всех сословий»[76]. И совершенно непонятно, почему это время в истории Мурома исследователи нередко называют периодом «религиозных войн»: «В городе Муроме произошли серьезные кровопролитные схватки между княжескими дружинниками и народом, который решительно не хотел принимать крещения. Многие были убиты дружинниками, многих насильно столкнули в воду, многие бежали в другие места»[77]. На самом деле ничего подобного, судя по текстам «Сказания», не происходило – это была блестяще проведенная муромцами торговая сделка[78].

Так или иначе, но отношения с соседями – владимирцами, а затем и рязанцами – у муромцев не заладились изначально, свидетельства чему можно найти и в летописях, и в повестях муромского цикла, как, например, в «Повести о Марфе и Марии», где прослеживаются реминисценции неприязни Рязани и Мурома. А после смерти Андрея Боголюбского в Ростове, Суздале и Переяславле едва ли не паника началась: «И вся дружина, от мала до велика, съехавшася к Володимерю, и реша: "се ся уже тако створило, князь наш убьен, а детей у него нету, сынок его в Новегороде, а братья его в Руси: на кого хочем послати в своих князехъ? Нам суть князи Муромские и Рязанские близь в суседехъ, боимся льсти их, еда поидут изънезапа ратью на нас, князю не сущу у нас"»[79]. Вообще у суздальских летописцев муромцы вкупе с рязанцами назывались не иначе, как людьми гордыми, буими, непокоривыми и своеобычными[80]. Схожую характеристику давал муромцам и историк В.Н. Татищев[81].

С другой стороны, нет, наверное, необходимости в особо пристальном взгляде на русскую историю того времени, чтобы задаться вопросом: «А у кого же из соседей тогда были добрые отношения»? Принадлежавший в разное время разным князьям и входивший в разные княжества, Муром, тем не менее, сохранял свое «отдельное значение», которое утратил с перенесением великокняжеской столицы из Киева во Владимир. Однако сложные отношения латентно сохраняются до сих пор, и даже сторонний наблюдатель отмечает: «Жесто-

чайшая подсознательная конфронтация с городом Владимир[82]. Обиды, зависть, злорадство, вынужденное подчинение»[83], – тем более, что в середине двадцатых годов прошлого века поднимался вопрос о создании Муромского промышленного округа[84].

В середине 70-х годов прошлого века на базе Владимиро-Суздальского музея-заповедника решили объединить все музеи области. Сотрудники Муромского музея, как вспоминает директор объединения А.И. Аксенова, «с самого начала с подозрением, оппозиционно были настроены к идее объединения». По области «половина сотрудников не имела высшего образования, в том числе и руководители музеев. Некоторые директора откровенно отсиживались, подыскивая место с лучшей зарплатой. Только директор Муромского музея Ольга Александровна Лукина отвечала необходимым требованиям, правда, была она колючей, злой, обуреваемой тревогой и подозрениями относительно целей и перспектив объединения, но была грамотным специалистом, большой патриоткой города, искренне болеющей за родной музей… Везде, кроме Мурома, пришлось менять директоров»[85].

В целом современная оценка отношений своей местной сообщности муромцев с соседями отражена в данных М. Крылова (%)[86]:

	Позитивная	Негативная	Неоднозначная	Как не имеющей специфики	Насмешек со стороны соседей нет	Насмешки со стороны соседей есть
Школьники	17	4	18	44	0	0
Местные	17	0	17	0	33	16
Неместные	0	25	0	0	25	25

И непростые отношения с соседями, и статус первого города, возникшего в регионе, и его перманентное пограничное положение – сначала на восточных форпостах Руси, а затем на внутренних административных границах – способствовали осознанию некоторой самодостаточности Мурома[87] и постоянно сохраняемой настороженности его жителей. За время своего существования он был и само-

стоятельным городом, и попадал под руку Рюрика, великих киевских князей, Чернигова, Рязани, Москвы, Владимира, Казани, Нижнего Новгорода, а часть его земель ушла в Иваново; имел вече[88], князей и воевод, был резиденцией татарского баскака[89]. Даже на протяжении XX века административное положение и подчинение города менялось не один раз[90]. Например, сразу после революции, в 1918 году, Нижегородские власти начали борьбу за отторжение от Мурома части его уезда, и уже в 1921 году ни Муромский, ни Владимирский исполкомы не смогли противостоять натиску военных и органов НКВД, и 17 января Выксунский район на правах уезда Постановлением ВЦИК отошел к Нижнему Новгороду под абсурдным предлогом: иначе Нижегородскому военкомату план по набору призывников не выполнить![91]. Отсюда постоянный расчет только на собственные силы, и как следствие – независимая позиция по отношению к начальству, нежелание что-то просить, отсутствие представлений о том, что им кто-то что-то должен; главное – чтобы не мешали. Порою даже складывается впечатление, что муромцы живут по принципу «чем хуже – тем лучше». Сложные обстоятельства заставляют жителей города внутренне мобилизоваться. В девяностых годах XX века оборонная промышленность, составлявшая до того основу экономики города, развалилась, как и по всей стране. Дефолт 1998 года нанес окончательный удар по производству. Официальная статистика сообщала, что в городе самый высокий прожиточный минимум и самые низкие зарплаты по области, которые, кстати, не выплачивались месяцами, но вместе с тем и самый высокий товарооборот; говорят, что торговых площадей на душу населения в Муроме больше, чем в Москве (а в кризис 2008 года Муром был единственным – не считая Владимира – городом области, где работали фонтаны). Очевидно, что распад экономической системы, выстроенной в советское время по искусственно установленным административным границам, реанимировал старинное значение Мурома как торгового центра исторически сложившегося региона.

Характеристика основных черт традиционной культуры восточной части Владимирской области, куда входит и Муромский край, дана Н. Данченковой в статье «Пространственный образ в крестьянском фольклоре Восточной Владимирщины»[92]. Автор указывает, что

в конце XIX – начале XX в. здесь сложилась своеобразная крестьянская культура с яркой фольклорной традицией, элементы которой – похоронно-поминальные обряды, причитания, духовные стихи – не утратили своего значения в деревенском быту до сих пор. Истоки своеобразия Н. Данченкова не без основания видит в исторических условиях, отделивших регион от пространственно недалеких Москвы и Владимира и связавших его «крепкими узами с Поволжьем». «Это высокоразвитый земледельческий район с предприимчивым, подвижным населением. Крестьянский уклад здесь был чужд консервативной патриархальности: обрабатывание земли сочеталось с занятием ремеслами, отходничеством»[93]. Одной из особенностей региона исследовательница считает «известную открытость культурного пространства», в котором деревни и села объединяются в своего рода обширные землячества, а это, в свою очередь, объясняет существование похожих напевов в песенном фольклоре на территории нескольких приходов. Также в статье отмечается постоянное взаимовлияние города и деревни и сильное воздействие старообрядческой культуры, рассматриваемой «как импульс к творчеству внутри устной традиции на прочной христианской основе»[94].

Справочно-статистическое издание в 1930 году так характеризовало этот регион: «Центр округа – гор. Муром – издавна являлся крупным торговым пунктом. Удобное расположение Мурома на стыке трех железнодорожных линий: Муром-Ковров-Москва, Муром-Москва и Муром-Казань и такой большой магистрали, как река Ока, дало возможность городу распространить торговую деятельность на территорию не только современного Муромского округа, но и на территорию Гусевского, Селивановского и Меленковского районов, Владимирского округа и Елатомского района, Рязанского округа. Это значение торгового центра округа Муром сохранил и до настоящих дней (1930 г. – *Ю.С.*).

Еще до момента проведения административно-экономического районирования Муром являлся центром торговозаготовительной деятельности местных учреждений… обслуживавших кроме Муромского уезда и смежные – Гусевской, Выксунский и часть Вязниковского уезда. Точно также и по линии потребительской, сельскохозяйственной и лесной кооперации Муром обслуживал два смежные с ним

уезда – Выксунский и Гусевской»[95]. Сейчас такие районы, образованные самим обществом, принято называть вернакулярными (от англ. vernacular – местный, народный, родной)[96].

Купеческая жилка предков, как оказалось, еще не изжита в характере муромцев. Это явление отметили географы: «В постсоветский период наблюдается возвращение к историческим названиям топонимов, шаг за шагом происходит возрождение как локальной самоидентификации, так и низового регионализма. К сожалению, системных исследований этой проблемы не проводится, более того, термин "вернакулярный район" вообще мало известен широкому кругу географов. Но, как уже говорилось, вернакулярные районы – создание отнюдь не профессионального ученого, поэтому они формируются и существуют даже при полном его "попустительстве". Хоть каркас советского АТД (административно-территориального деления. – *Ю.С.*) и "вдавился в территорию и оестествился", но все же за прошедшие 10–15 лет без жесткого контроля сверху многие его границы "разлились", появились горизонтальные связи, местные власти стали действовать самостоятельно, без оглядки на центр субъектов. У нас такие районы еще недавно можно было пересчитать по пальцам: Мещера, Полесье, Поморье, Даурия. Сегодня можно почти повсеместно наблюдать возрождение полузабытых районов (вроде Бежецкого Верха, Оковского леса, Селигера в Тверской области) или появление совершенно новых (например, Прихоперье на стыке Волгоградской, Саратовской, Воронежской и Тамбовской областей, "Муромские леса" на стыке Нижегородской, Владимирской, Рязанской областей и республики Мордовия, Кацкий стан в Ярославской области). В указанных районах, невзирая на сетку АТД, существуют активные внутренние двусторонние связи»[97]. Характерно в этом смысле название вышедшей в 2004 году в Выксе книги Е.С. Макарова «Муромское заречье», ностальгически отсылающее к традиционным связям между двумя частями одного произвольно разорванного региона.

Мне есть с чем сравнивать: в этот период, как ни странно, довелось много поездить и по стране – по относительно близким регионам (в музейные экспедиции; поездки для создания Ассоциации музеев Нижней Оки – это, собственно, установление тех самых вернакулярных связей), и достаточно далеко, когда в экспедициях Центра стра-

тегических исследований Приволжского федерального округа объехал десятки малых городов Поволжья, занимаясь изучением проблем городской среды[98], – и за пределами России. Возвращаясь после сотен маршрутных километров, десятков обследованных городов, после прослушанных отчетов коллег, работавших в других местах, я невольно уже «настроенным» глазом рассматривал Муром. Сравнение всегда было в пользу последнего: жизнь здесь не затухала, как бывало в только что увиденных населенных пунктах. Она менялась; может быть, не так и не столь быстро, как хотелось бы. Работал городской общественный транспорт – более того, он стал ходить по расписанию, чего никогда в Муроме не было; освещались улицы; действовали коммунальные службы; ремонтировались дороги; устраивались художественные выставки; осуществлялись многие культурные проекты и проч. Самое главное, что в Муроме не было слышно разговоров, к которым мы с неизбежностью привыкали, общаясь с населением других мест, о том, что «нам должны дать деньги, тогда мы…», «нам должны построить то-то и то-то, а сами мы не будем». Сами жители вполне осознают свою способность выживать вопреки тяжелым условиям[99].

Бывший глава округа Муром В.А. Качеван благоприятный социально-экономический климат на территории округа объяснял особенностью местного «неповторимого» менталитета: «Если уж муромский мужик задумал что-то сделать, его с этого пути не своротишь. Разобьется в лепешку, а своей цели достигнет обязательно»[100]. Однако порою это качество доходит до логического конца. Один мой знакомый, уйдя на пенсию, решил завести пасеку. Купил ульи, пчел. Вскоре пчелы заболели. Посоветовавшись с опытными пчеловодами и узнав от них действенные способы борьбы с заразой, новый пасечник решил все-таки пойти своим путем. Он промазал ульи старым проверенным средством от всех хворей – керосином. Надо ли говорить, что пчелы подохли. На следующий год купил новых пчел, посадил в ульи – и опять та же напасть. И опять он стал пользовать пчел керосином… Еще через год керосин заменил спиртом, потом еще чем-то. Результат налицо: пчелы, наконец, стали выживать. Правда, за шесть лет меда так и не было.

Выработке самодостаточности в свое время, как это ни странно, в немалой степени способствовала и громкая разбойничья слава

муромской округи. Разбойники вокруг Мурома пошаливали часто[101]. В.О. Ключевский отмечал, что в царствование Елизаветы Петровны «в Муромском уезде оказалось большое вооруженное собрание разбойников»[102]. Сами муромцы тоже погуливали в округе. В 1762 г. власти схватили муромского купца Петра Тагунова за грабежи и разбой в соседнем Гороховецком уезде. Его били кнутом, на щеках и лбу вытравили клеймо «вор», порвали ноздри и сослали на нерченские рудники в Сибирь[103]. Согласно Черепановской летописи у муромских разбойников подрабатывал извозом дед Ермака[104]. Лихо было и на Касимовской дороге[105].

Как-то, уходя от погони с Макарьевской ярмарки, в Муроме два дня отсиживался едва ли не самый знаменитый русский разбойник, похождения которого попали и в фольклор, и в литературу – Ванька-Каин (Иван Осипов)[106]. Из крупных разбоев следует, наверное, упомянуть и «дело о пограблении пензенской казны» в муромском лесу, когда в июне 1721 года «воровские люди» во время перевозки захватили немыслимую по тем временам сумму – 23 791 руб. 41,5 коп. «казенных денег». Правда, унести все они не смогли – деньги-то были металлические – оставив на месте преступления 3 тысячи серебряных рублей и 150 медных[107].

В конце концов выражение «муромский разбойник» стало нарицательным (см. А.С. Пушкин «Станционный смотритель»[108], И.А. Бунин «Дубки»[109], отзыв М. Муравьева об уставе Пестеля[110]), а «муромский лес» стал обозначать разбойничий притон[111]. Даже до Западной Европы докатилась недобрая молва о лихих муромских татях: на голландской карте 1595 года в лесах на правом, противоположном от Мурома, берегу помещена легенда: «Мордовские разбойники магометанской веры»[112]. Адам Олеарий, отметив, что город «населен русскими и татарами» (под татарами он, как и многие иностранцы в то время, подразумевал мордву – «здесь начало поселений мордовских татар, которые все покорны великому князю»), описывает, как их судно 9 июля 1636 года с правого берега обстреляла шайка «татар», преследовавшая их по берегу некоторое время[113]. «Муром… Быть может: этот город тогда стоял здесь, как крепость, как защита от этой же долго неспокойной, дикой, неугомонной Мордвы. Так ее называют и поныне соседи люди русские…

"Мордва неугомонная!" Укорительное слово, доселе употребляемое некоторыми из рязанцев»[114].

И хотя карта предупреждала о разбойниках, большее число муромских имений было расположено именно на правобережье Оки, поскольку левый берег в те времена был еще более опасным из-за набегов степняков с южных границ. Для города это имело совершенно неожиданные последствия: дворяне – несколько десятков семейств – Муромского и окрестных уездов на зиму не уезжали в Москву, поскольку летом жили они не в деревнях, в имениях, а на квартирах в городе, что представляло «резкую противоуположенность с другими городами Владимирской губернии… К этому, говорит предание, принуждены были сначала дворяне по необходимости. Муромский уезд, как известно, заключал в себе некогда сплошные леса, любимый притон разбойников; а потому отдельная жизнь по деревням и селам подвергалась опасности от неожиданного посещения лесных жильцов, которые особенно любили грабить помещичьи усадьбы. Необходимость обратилась в привычку и, мало-помалу, Муром для многих дворян сделался первым городом после Москвы»[115]. Это, конечно, способствовало росту самоценности города в глазах его обывателей. К тому же по этой причине в муромское городское благородное сословие входили и помещики, в отличие от других городов губернии, где оно состояло «исключительно из гражданских должностных лиц, чиновного сословия, наполняющего губернские и уездные присутственные места»[116]. Подобная ситуация естественным путем вела к некоторой демократизации отношений, и, судя по всему, к определенному сглаживанию границ между сословиями.

Видимо, в связи с разбоями в муромской округе сложился обычай, который со стороны воспринимается как неучтивость и негостеприимство: запирать двери и крайне неохотно пускать в дом чужаков и даже знакомых. Интересная бытовая деталь есть в «Повести об Ульянии Осорьиной» – местной святой Ульянии Муромской (Лазаревской), – написанной ее сыном Каллистратом (Дружиной) Осорьиным в XVII веке: однажды ночью, когда Ульяния встала на молитву, бесы вознамерились убить ее. Однако на помощь праведнице явился святой Никола, разогнал бесов и стремительно вышел. Ульяния бро-

силась за ним, но двери покоя, по обыкновению, оказались крепко запертыми. Надо сказать, что и до сих пор муромские жители неохотно позволяют переступить порог своего дома не только незнакомцам, но и известным им личностям, если только это не званые гости. Показательный пример: проучившись десять лет в классе, примерно половину которого составляли приезжие, я бывал у них дома по многу раз. Что касается второй, местной, половины – случилось зайти разок-другой буквально к двум-трем одноклассникам.

Не столь давно несколько членов Московского общества – любителей астрономии, прознав, что в Муроме есть частная обсерватория Спасского (создатель ее уже, к сожалению, умер) решили ее навестить. Как прошел визит, один из посетителей рассказал в отчете: «К обсерватории Спасского я прибыл 11 июня. Обсерватория выделялась среди окружающих домов своим необычным цветом и ярким серебристым куполом. А на доме весела мемориальная табличка. После нескольких минут ожидания ко мне вышел человек и долго допытывал меня – кто я и откуда. Внутрь меня не пустили, сказали, что обсерватория для посещений закрыта. Хотя этого и следовало ожидать, т.к. местные жители меня об этом предупреждали. Не удалось выяснить ничего и про инструмент. Так, что за исключением снимков здания обсерватории мне ничего не удалось получить»[117].

Званых гостей, правда, встречают радушно и хлебосольно. «В разрез с… скупостью шла традиция, чтобы во время приемов на именинах, или на других праздничных семейных оказиях, пустить гостеприимство во всю.

За неделю хозяйка начинала готовить всякие яства и закуски… Приготовления заканчивались печением пирогов, – уже накануне празднества. Труд для хозяйки был великий, потому что прислуги держалось мало – на нее неохотно тратились.

"Сам" ездил в Москву закупать вина и закуски, которых нельзя было купить в Муроме.

Собирались гости, начиналось угощение. Стол заставлялся всеми видами закусок, какие только можно было найти в московских гастрономических магазинах или изготовить дома, – однако только закусками. Вокруг стола рассаживались одни лишь мужчины. Когда все наедались до отвала, уходили отдыхать в кабинет. Стол приводил-

ся в порядок, снова заставлялся закусками, но за ним рассаживались и наедались до отвалу одни только женщины.

И женщины отрывались, наконец, от стола и шли на женскую половину расстегивать корсеты и юбки, готовясь к продолжению объедения. (Хлебосольные муромские хозяева до сих пор могут предложить гостье «расстегнуть пуговку на юбке или джинсах». – *Ю.С.*). Стол же опять приводился в порядок и заставлялся рыбою, дичью и другими основательными блюдами.

Снова наедались сперва мужчины, а после них женщины.

Через некоторое время новая смена стола: сладкие блюда, фрукты, соответственные вина. И так объедались целый день»[118].

В описании этого лукуллова пиршества явственно просматриваются архаические черты: и непомерное обжорство, и трапеза, растянутая на весь день, и, говоря модным ныне словом, «гендерное» разделение застолья. За сто лет до этого, судя по некоторым деталям, женщин до торжественного стола вообще не допускали[119]. (Не побоюсь сказать, что стол в Муроме был не просто предметом мебели. Он, скорее, олицетворял то, что символически принято называть «семейным очагом». Не случайно, по воспоминаниям Н.В. Насоновой из рода муромских купцов Гундобиных, когда семья переезжала в Москву, взяли только самые необходимые вещи, в т.ч. и березовый обеденный стол на 20 человек[120]).

Однако и здесь все было не так просто. Нередко муромский гость ест, что называется, «из приличия», и чтобы накормить-напоить его требуется поистине воинствующее хлебосольство. Иногда такая позиция гостя доходила до крайности: мне была известна женщина, которая «муромское» воспитание получила еще до революции. Когда ее приглашали на обед, она вставала с утра пораньше, затевала пироги и шла на званый обед с узелком. Придя в гости, садилась за стол, доставала пироги и ела только их. Что не съедала – уносила домой. Главное, что, поступая таким образом, она считала себя освобожденной от каких-либо обязательств в отношении пригласивших ее, в том числе от необходимости звать их с ответным визитом.

В советские времена, в условиях тотального дефицита, к торжественным событиям начинали готовиться еще раньше: за полгода, а то и за год, «доставали» дефицитные консервы, вина, майонез и т.п.,

копченую колбасу или мороженую курицу могли несколько месяцев держать в холодильнике. За несколько дней до события, как и десятилетия назад, ездили в Москву «докупать» недостающие продукты.

У моего отчима, который в те годы работал экспедитором на одном из заводов, застолье превращалось в спектакль. Гости были интерактивной публикой, а главными действующими лицами – заливное из судачка, щука фаршированная, стерлядка малосольная, стерлядка паровая, икра красная и черная – а под нее блины, буженина, салями, жаркое из лося или дикого кабана, курочка запеченая, пельмени, без счета солений и маринадов, несколько сортов хорошего дефицитного, а то и экзотического, вина. Не успевал гость положить кусок в тарелку, как отчим налетал на него ясным соколом и отбирал снедь – плохой кусок гость выбрал – и накладывал ему лучше и больше. Рефреном шла горестная фраза: «Да не едите вы ничего…» Когда объевшиеся гости откидывались в изнеможении, следовал акт второй. Под тот же рефрен предлагалось что-нибудь из деликатесных по тем временам консервов: лосось, шпроты, тушеная оленина. Нестройным хором гости просили о помиловании, но все выставлялось на стол. Заключительным аккордом (я не говорю о десерте) звучало что-то чрезвычайно редкое и местному народу неизвестное, вроде икры «заморской баклажанной», например, гурьевская каша… из пакетика, немецкие сосиски или пепси-кола. Сам отчим совершенно не пил спиртного, а любимой едой у него были вареная картошка и манная каша.

Излюбленным напитком в муромском застолье была и остается водка. До революции ее кое-где настаивали на маке. «Пили в Муроме водку действительно здорово, – отмечал В. Стратонов. – В предпраздничные дни перед винной лавкой образовывался длиннейший хвост, и вся улица была запружена телегами, ожидающими хозяев, что стояли в винной очереди»[121]. За год до приезда Стратонова Муромское чрезвычайное уездное земское собрание даже приняло решение об издании обязательных постановлений «о воспрещении торговли крепкими напитками в фабричных поселениях в дни выдачи местными фабрикантами рабочим заработной платы»[122]. Водка была подспорьем в решении многих деловых вопросов. «Нарядчик, получив от старосты задание собрать сход, ходит по домам: "Эй, дядя Павел, на сход выходи!" Причина схода: потрава стогов, найм школьного сто-

рожа, перераспределение земли (для решения этого дела предполагается "содрать по полведерку" спиртного с заинтересованных лиц). Сборы на сход – около винной лавки… На сходе крестьянин Местеров, у которого в семье не было мужских душ и рождались только девочки, просит душу (землю), по случаю рождения у него двоих сыновей, и обещает выставить за это угощение. Предчувствие выпивки побуждает крестьян решить дело в его пользу… Решать вопрос о потраве стогов, строительстве школы никто не проявляет ни малейшего желания: "Это бы отложить до другова воскресенья. Теперь выпить есть чего"… Староста предупреждает: "Только здесь не пить: Земский бранит, а разделить по десятку; четверть на десяток, там пей кто как знает. Мне бы нет нужды, да я свое дело знаю". Затем все пьют, завершив дело»[123].

Клоун С. Альперин, с труппой А. Сура выступавший на муромской ярмарке в 1912 году, в записной книжке отметил: «И повсюду главный ярмарочный российский товар – водка. Пьяных можно было встретить в неограниченном количестве и днем и ночью. А тоску русский человек изливал в бессмысленной, на мой взгляд, песне "Пускай ма-а-а-гила меня накажет за то, что я ее люблю…" Песня эта рыдающим воплем стояла над всей ярмаркой. Отец записывает: "Город специфический – в "русском" духе. Гнездо союзников. Вся наша администрация советует на манеже быть осторожными"»[124]. («Как на этой ярмарке все пахло стариной, нетронутой веками! – замечает Стратонов. – Так, будто в этом затхлом углу ничего не меняется… Сбоку площади приютился скромный провинциальный цирк»)[125]. В ярмарочные дни, действительно, пили все: «Пришедши в полицию часу в 12 вечера, – пишет муромский житель, – не заставши ни одного квартального, а застал солдат большую часть пьяных (это была ярмарка)»[126]. Коротенькая запись в личном дневнике муромского школьника 1937 года: «На кино вчера ходили с Витей Б. Назад шли.., видали пьяного, валялся без движения»[127]. Когда в 80–90-е годы я наездами из Средней Азии бывал в Муроме, первое, что по контрасту бросалось в глаза уже на привокзальной площади, – обилие пьяных. Совсем шокирующее воспоминание: часов пять утра, кучка мужичков в спецодежде за стойками привокзальной «стекляшки», перед каждым пивная кружка водки. И совсем безобидно на этом фоне звучит фраза, услы-

шанная мною много позже: «Мне мастер: "Пил, пил!" А я и не пил… полстакана только». «Вот город Муром оставил в моей памяти не такое благостное ощущение, – пишет современная туристка. – Возможно наложилось то, что видели там много пьяных компашек»[128].

Легкие вина в Муроме были не в ходу. В. Стратонов «по кавказской привычке к вину… зашел в лучший бакалейный магазин спросить вина. Спрашиваю столовое вино – один сорт, другой третий… Нет»[129]. Да что там Стратонов! Когда в городе готовился прием государя императора Павла I (1798), из губернии поступил «Реэстр о съестных припасах», где о винах столовых – красных и белых – было приписано: «Если можно отыскать». Вино, судя по запискам Гладкова, и за спиртное не считали: «С 19 февраля по 10 декабря не пил хмельных напитков (исключая красного виноградного вина)»[130].

В доперестроечное время хорошие вина в муромских магазинах бывали крайне редко; если и попадалось иногда что-то стоящее, то обычно в магазинах ОРСА (отдел рабочего снабжения, существовавший на транспорте). Весьма забавно, что в начале XX века К.С. Кузнецов, пытавшийся охарактеризовать язык муромы, само название города этимологизировал как «место пения» или «место веселия»,[131] и при этом еще указал, «что мурома… любила предаваться пению и пляске: хорографические названия очень часто указывают нам, где были у муромы излюбленные места для всякого рода общественных увеселений»[132]. Это утверждение оставим на его совести, однако в 1784 году Г.А. Ряжский утверждал, что «склонность к веселостям народа (местного. – *Ю.С.*)… видна из того, что они не только в торжества или праздники при чрезвычайном питье пива и вина, пляске и пении со своими родственниками и друзьями по целой неделе и более гуляют, но и в воскресные летние дни мущины и женщины в приятных сельских хороводах с согласнейшим восклицанием непорочность жизни своей проводят»[133].

В 1994 году, осев в Муроме, через год я с ужасом прикинул, что за год жизни в городе мне пришлось выпить водки – именно водки – едва ли не больше, чем за всю предыдущую жизнь. И до сих пор жители Мурома пьянство называют одним из «отрицательных признаков муромской провинции»[134].

Это не случайно, так как основной из форм межличностных контактов уездного купечества долгое время оставалось застолье, которое порождало одну из негативных сторон купеческого образа жизни – пьянство[135]. Подобные застолья, равно как и поводы к ним, скрупулезно перечисляются А.И. Гладковым в своем «Жизнеописании». Не могу удержаться от соблазна привести хотя бы некоторые, пусть список получается весьма солидный: «Пировал у Ивана Иванова Власова (в своем доме), поминки по сыну его Степане»; «Была в моем доме свадьба, женил сына… И так мы пировали с женою дня два»; «Был именинник дворник, державший мой двор… И рождение было этого числа сына Павла. А посему пришлось 30-го пировать свадьбу, рождение, именины и похороны»; «И в этот день пировали крестины»; «С семи часов и по 12-й час пополудни пировали в доме шурьев, крестины»; «Пировал на именинах у шурина»; «И так прекрасно пировали у Вороновых»; «Пировал на крестинах»; «Были именинницы сноха Елена Ивановна Гладкова и сестра Елена Ивановна Ковалева. У 1-й пировал в обед, то есть обедали. У 2-й часов с 6-ти пополудни»; «У Левонтия Ермолаевича пировали на именинах, с 7-го по 12-й час пополудни»; «Пировал на крестинах у Александра Дмитриева Дьяконова»; «Поминали у брата (родителя – этого числа он помер); обедали и сестра Елена; а мы еще и ужинали»; «обедал у зятя Владимира Ивановича Ковалева. Пировал на крестинах у Александра Гаврилова Каткова, который стоял у нас в доме, в маленьком домике в заду»; «Пировал на именинах Екатерины Ивановны и Екатерины Васильевны Тагуновых»; «На именинах пировал у Анны Ивановны Дьяконовой»; «Пировали на именинах у Анны Николаевны Тагуновой»; «Пришел к А.Д. Дьяконову в кабак, у него были гости: Алексей Алексеевич (бывший учитель) с женою, Николай Васильев Басыгин с женою, Иван Митрофанов Парин с женою, и сноха Исавна (жена брата). И я будто бы был приглашен. Этот день Дьяконов пировал новоселье»; «У трех служб церковных не был. Пировал на именинах у Анны Ермолаевны Калининой»; «Пировал у тещи, поминали тестя»; «У зятя Ковалева пировал на поминках, поминали его мать»; «Пировал у А.Д. Дьяконова на именинах»; «Жена была именинница, была припасена небогатая закуска»; «С утра немного выпил, с 5 по 10 час пополудни пировал у брата (была именинница у него дочь

его Александра)»; «Была Троица и крестины дочери Марьи… Пировали на крестинах я и жена»; «На именинах пировали с женой, у Левонтия Ермолаевича»; «Пировали на свадьбе Родиона Николаевича Бибина (выдал дочь свою Анну)»[136].

***

Муромское купечество, по определению Талызина, принадлежало к «старинному», т.е. ведущему торговлю в течение нескольких поколений («Старые, родовитые, тысячелетние купцы. Других профессий они не знали и знать не хотели»)[137]. В середине XVI века в Муроме числилось восемь «гостей»; в первой четверти XVIII – 122 или 9% мужского населения; в 1760-е годы – 539 мужчин и 581 женщина, т.е. 40,7%[138]; в 1776 г. при 2599 человеках мужского пола в городе торговали 162 лавки[139]; в 1784 году, например, когда население Мурома составляло 7281 чел., в городе числилось 1473 купца[140] (т.е. 20% жителей), при этом торговлей занимались и не записавшиеся в купечество мещане; в 1792 – 943[141], в начале 40-х гг. XIX столетия торговлей занимался каждый девятый горожанин[142], а торговые дела муромцы вели во многих регионах России, скупая и продавая самые разные товары: мед, воск, кожи, звериные шкуры, скот, хлеб, соль, мыло, огуречное семя, кориандр, поташ, москательные товары, железо, галантерею и проч.[143]

В отличие от нуворишей, сходных со «старинными» по «умственному образованию», они «торгуют всегда на верный капитал, довольствуются незначительными процентами и ведут скромную жизнь. Муромское купечество, например, по сию пору (середина XIX в. – *Ю.С.*) держится поговорке: чтобы бабушкин сарафан служил подвенечным платьем внучке. (Хрестоматийным стал пример, когда Екатерина II, проезжая через Муром, на вышедших покрасоваться перед ней муромских женщин «милуя подданных, костюмы русски зрела, / одобрив характер, менять их не велела»[144]; до сих пор в муромских семьях можно встретить хранящиеся отрезы ткани и одежду с товарными бирками, купленные в послевоенные, а то и довоенные годы, а в иных случаях – и до революции. – *Ю.С.*). От этого редко, или почти никогда не случается, чтобы между этим купечеством встречались банкроты, хотя промыслы их, исключительно полотняная фабрикация и кожевенные заводы, давно пали и торговля поддерживается только тем,

что купечество имеет большие капиталы, торгует с осторожностью и расчетом»[145]. «Многие сильно нажились, – несколькими годами позже продолжает другой очевидец, В.В. Стратонов, знакомый с финансовым положением муромских купцов по своей должности контролера банка, – попадались и миллионеры. Но и большие богачи мало чем выделялись от остальных. Считалось дурным тоном выказывать свое богатство». Есть и другие свидетельства очевидца второй половины XIX в.: «В Муроме я знавал купца П. Большую часть года проживал он в большом торговом селе Рожествено, неподалеку от Мурома. Это был человек почти неграмотный, но чрезвычайно богатый. На счет происхождения его богатства ходили разные слухи, но я повторять их не буду. Дом П. в селе Рожествено выглядел прямо дворцом. Здания в несколько этажей из красного кирпича, со складами и службами, составляли почти целый квартал. В обширном этом доме все полы были паркетные; дворцовых размеров, громадный зал в два света с хорами, в нем роскошный плафон очень художественной работы какого-то ссыльного поляка, огромные зеркала, дорогие канделябры, малахитовые столы, два фортепиано Эрара (С. Эрар – известный французский мастер, усовершенствовавший конструкцию фортепиано; т.е. по тем временам пианино Эрара – модная новинка не только в провинции. – *Ю.С.*), очень дорогая мебель и тяжелые драпировки. Войдя в эти роскошные комнаты, сразу видно было, что они не предназначались для повседневного жилья. Строгая симметричность, какой-то особенный отпечаток неодушевленности, свойственный нежилым помещениям, показывали, что все стоит точно так, как было установлено драпировщиками и мебельщиками. Эти парадные комнаты открывались для торжественных случаев; в приезд губернатора, в именины хозяев и вообще не больше трех-четырех раз в году, в остальное же время хозяева с семьей жили в нижнем этаже, в грязных комнатах, пропитанных запахом постной кухни, меблированных крайне простою и дешевой мебелью»[146]. Первый муромский хроникер А.А. Титов связывает происхождение этого обыкновения с временами царствования Анны Иоанновны, «крайне изнурившим народ и колебавшим финансовую систему». «Народ так привык тогда к умеренности и постоянству костюмов, что считал за стыд не только роскошь неумеренную, но и быть нарядно одетому. В Муроме немного было домов, где находились

кафтаны суконные и шубы, или тулупы крытые, хотя купцы: Мяздриков, Лихонин, Суздальцев, Тагунов, Зворыкин, Стулов и др., имея кожевенные заводы, солодовню и другую торговую промышленность, имели порядочные обороты»[147].

Несколькими десятилетиями позже Н.Г. Добрынкин описал муромские костюмы, в том числе и те, в которых муромские женщины могли предстать перед императрицей: «В то время наряд муромских женщин представлял большое разнообразие и изящество: белая, кисейная сорочка, с пышными рукавами; у них брыжи, или манжеты, обшивались кружевами. Сарафан шился из золотой материи; по верх надевалась короткая душегрейка из той же материи. Шея и грудь украшались жемчужным борком ниткою и брыжеткою; в уши вдевались жемчужные, удлиненные серьги. Головной убор составлял кокошник, шитый серебром и золотом, иногда жемчугом и драгоценными каменьями. Из под кокошника, до самых глаз, висела жемчужная, низаная в решетку ревиль. Кокошник сверху покрывался фатою, или парочкою (два, неразобранных платка), тканою золотым узором, иногда белою, травчатою кисеею, у которой лицевой край обшивался спереди золотым галуном, или сеткою. Концы парочки спускались по сторонам, едва не касаясь земли.

Верхнее одеяние, летом составлял шугай, из штофной материи, а зимою – шуба, покрытая золотной или штофной материей.

Кстати упомянуть о мужской одежде муромских граждан: она была проста и не затейлива. Цветная, преимущественно красная рубаха на выпуск, шаравары черные, плисовые, а иногда и бархатные, вложенные в сапоги с долгими голенищами – бураками; кафтан суконный, длинный со сборами, надевался вместо нынешнего сюртука, а сверху – суконный же чапан, или азям (чуйка). Знатнейшие купцы, по примеру тогдашних бояр, носили чулки и башмаки с серебряными пряжками.

Зимою носили шубу, а поверх ее надевали тулуп, крытый сукном; голова покрывалась картузом, называемым караблики, сшитым из бархата, или плиса.

Все виды одежды, в особенности женской, теперь совершенно утратились и заменились общесовременными костюмами парижских мод. Мужской костюм еще можно отчасти видеть в низшем слое го-

родских жителей, но между ними нередко можно встретить: пальто, шляпы цилиндром и т.п. современное щегольство, сильно вытесняющее прежний патриархальный наряд муромцев»[148].

Самое поразительное – и это еще одна непознанная черта муромского менталитета – что в этнографической коллекции академика живописи, уроженца и жителя Мурома И.С. Куликова нет ни одной подобной вещи из Мурома, хотя мне доподлинно известно, что в некоторых семьях они хранятся до сих пор.

«По железной дороге муромские богачи ездили не иначе, как в третьем классе. Если кто дерзал ездить во втором, его зло поносили за расточительность. Также не допускалось иметь в городе хорошие экипажи. Другое дело – лошадей; рысаков можно было иметь сколь угодно хороших, но все же лучше не слишком дорогих… (В Муроме уже в 1884 году существовало Общество охотников конского бега[149]. – *Ю.С.*). Но иногда бывали гулянья, например, катанье на масленице, когда купчихам и купецким дочерям… полагалось щегольнуть своим богатством. Катающиеся женщины показывали свои меха, жемчуги да бриллианты. Особенно хороши были старинные, родовые, еще прабабушкины кокошники, засыпанные жемчугами, бриллиантами, да каменьями самоцветными»[150]. Казалось бы, есть противоречия в наблюдениях Стратонова и Добрынкина: один (Стратонов) живописует старинные одежды на муромских дамах, другой утверждает, что в быту эти костюмы перестали носить за двадцать пять лет до Стратонова. Это противоречие объясняется просто: четверть века наряды пролежали в сундуках, а к 1912 году в Муром докатилась столичная мода на «русский стиль» и предметы старины: тогда даже придворная знать перетряхивала сундуки и перерывала хлам на чердаках, чтобы явиться на костюмированный бал «в настоящей древности».

Купца Голубева (в доме, некогда ему принадлежавшем, ныне расположен Выставочный центр Муромского историко-художественного музея), современники описывали так: «Купец Голубев, богатый и жадный, имел в дому во дворе окошко. Дома пекли булки и давали милостыню всегда через это окно» (однако, представляется, что дело тут не в жадности: такие окошки делались, чтобы не унизить принимающего милостыню – дающий не видит берущего, это форма «скрытой милостыни». – *Ю.С.*); «Купец Голубев был настолько скуп,

что ходил в старой каракулевой шапке вытертой до кожи, а летом в засаленном до блеска картузе»; «Купец Голубев ходил всегда грязный, но с кольцами и бриллиантами», а его жена «купчиха Голубева ездила в церковь всегда в экипаже и богатой шубе», хотя храм стоял у окон их дома – метрах в тридцати[151].

К этому могу добавить, что в шестидесятые годы XX века, когда я был подростком, моя не муромская бабушка, которая очень хорошо шила, старалась одевать меня по последнему писку моды, и мне – я уже не говорю про косые взгляды на улицах – приходилось несколько раз кулаками отстаивать право носить самопальные «техасы» (так тогда называли джинсы), какой-нибудь фасонистый костюм или – упаси господь! – шорты. На Казанке, в том районе Мурома, где я жил, меня знали, и особых проблем не возникало. Правда, в школьной раздевалке запросто могли срезать погончики с нового плаща. А вот из других районов города, скажем, с соседней Собачаевки, бывало, подваливали целые кампании с требованием «одеваться прилично». Свидетельством тому – перебитый кастетом хрящ на правом ухе. К слову, мои оппоненты носили расклешенные брюки, клеши у которых были с клиньями или встречной складкой, куда привешивались рыболовные колокольчики или разноцветные лампочки, зажигавшиеся от батарейки в кармане. Приезжавшие к нам коллеги из Арзамаса не раз отмечали, что арзамасские жители, особенно женщины, одеваются гораздо лучше муромских: «Арзамасец будет недоедать, но купит себе дорогую обновку».

Приверженность муромцев к традиционным вещам отметил и Н. Челищев, родившийся в Муроме в 1933 году. Своего муромского детства он не помнит, но «была фотография: в санках, плетеных из ивовых прутьев, сидит серьезный круглолицый младенец – я… Через 50 с лишним лет я зимой приехал в Муром за копией свидетельства о рождении и с удивлением увидел на заснеженных улицах города высокие плетеные санки моего раннего детства»[152].

Во второй половине девяностых был я в гостях в одном доме. Гвоздем вечера стал просмотр видеозаписи с утренника четвероклассницы 20-й школы – дочки хозяйки. Я, пожалуй, и сейчас не смогу описать те чувства, которые нахлынули при просмотре: сценарий этого утренника я помнил наизусть, потому что его написала наша учительница, когда я учился в четвертом классе той же двадцатой школы

в 1962 году. Слова, музыка, движения, позы – голова и тело вспоминали все, забегая вперед и предсказывая, что будет дальше. Даже костюмы для утренника были теми же. Нет, не в том смысле, что бумажные шляпки и маски хранились три с лишком десятилетия – они были сделаны по тем же выкройкам и так же раскрашены.

***

Свою выгоду муромские жители знали всегда. Воевода И.И. Скрипицын так ей увлекся, что в 1689 году 114 горожан послали челобитную «великим государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу» с жалобой на произвол, чинимый воеводой. «Мы, бедные сироты ваши, видим от него одни затейливые нападки: …всякое дело челобитчиков держит он… по своим прихотям, и отсылая нас в приказ за решетку в великих цепях, по своему произволу – ежечастно угрожая побоями… видя его толикое устращение и намерение нас изубыточить, а себя обогатить и то, что он на дворе своем бьет батогами всяких чинов людей иногда из своих рук, мы… убоялись… давали ему многие посулы деньгами и огуречным семенем и анисом… пополняли, покупая сверх для его двора лучину, телеги, сани, ужича, рогожи, горшки, корыта, ведра, стойки, бочки, иные великие припасы… На него же, воеводу, всякого дела мастеровые люди по мастерству своему делают по неволе безденежно… особенно запрещая бить челом вам, великим Государем, о его беспорядках, говоря: в которые де времена станете бить челом и в то де время я наживусь и насмеюсь… от его стеснения и обид… подъячей… с товарищи, также стрельцы и пушкари из города разбежались… по ночам емлет нас, сирот ваших, к себе многою неволею и ругая всячески, дерет бороды и бьет батогами; сняв рубах по нагому телу жжет свечами, вымучивая, чтобы нашли ему денег, сколько он не запросит»[153], – и это далеко не полный перечень алчных и жестоких деяний градоначальника.

Местный правдолюбец Фирс Ревякин в 1683 году от имени монахов Борисоглебского монастыря уже не в первый раз жаловался на произвол строителя Нифонта (строитель монастыря – это руководитель, под которого монастырь подстраивается; впоследствии он становится игуменом обители). На этот раз подробная жалоба заняла восемь столбцов. «Мы, – пишут монахи, – строительскую ему келью

отвели и келейника дали; и стали его звать хлеба есть за трапезу, а он строитель есть с нами за трапезу не ходит, а сказал нам, яз де беру к себе в келью, мне де вы братством не указывайте». Взял он к себе в келью и монастырских работников Якушку да Проньку «без братского приговору», а когда конюший старец Мартирий «стал говорить, чтоб он Якушко пошел на конной двор… и он Якушко его старца Мартирия учал бранить матерны и хвалился зарезать ножом». Впечатляет список монастырского имущества, присвоенный Нифонтом: и «жеребенок чал», и деньги, и «сума кожаная с рухледью, закрыта замком», и различная одежда, и «четыре шубы бараньих, в том числе две новых», и «10 пуд меду, 4 пуда воску, и, взяв, медом покорыстовался». Не забывал строитель и о «сродниках». Своего «родственника старца Макарья посылал на ватагу, и завладели 5-ю рублями от монастырской рыбной продажи». А своему слуге Проньке «дал оселок по розванию в Новоселках, на чем пшеницу севали, да ему же даван многой хлеб безщетно… Да с ним Пронькою из монастыря в Муром к сродичам своим, к сестре и племяннику, посылал рыбы, крупы, и пшеницы, и пшеничную муку». Принял в монастырь пьяницу и табатчика Андрюшку с женою и детьми… и давал ему из мучного анбара ржаные и пшеничные муки, а рожью и пшеницею не давал, чтоб от братии указу не было, а расходу той муке в книгах не написано». Учетных же «сушиленных книг для своей бездельной корысти не велел писать», а когда «архимандрит при всей братии о том ему говорил, и он его не слушал».

Но больше всего он любил менять монастырских коней: «Променил жеребца савраса трех лет, а выменил клячу дряхлую, безногую, а принял теленка», «променил коня каря ценою 25 рублев, а выменил коня страшново, и тот конь жил две недели и пал». На дворе своего племянника «променил без братского совету коня гнеда белогуба четырех лет, ценою был в двадцать три рубли, а выменил меренишка бура старова, а менял Нифонт в Муроме у племянника своего Мишки… на дворе, а придачи к тем коням и меринам он Нифонт ничего в казну не объявливал». Брату своему монастырского «меренишка солова» променял «на безногую лошадь, которая нынче шолудива». А «вкладного коня из гнеда в пега» изувечил: «Ездя по гостям, напившися пьян, скакал и на торчу набрущил, и тот конь в то число пал,

цена коня 25 рублев». Коляски, в которых Нифонт ездил «на Алатырь», «разоряя святую обитель и ругаючись всеи братии, изломал, и кожи оборвал, и всякие железные приправы с тех колясок обломал».

Когда Нифонт отыскал беглых монастырских крестьян, то отобрал у них всех лошадей, коров, посуду и другое имущество, а самих продал «неведомо кому», денег же в монастырскую казну не отдал. Без «братского совету» передал пустоши и покосы крестьянам деревень Столбиц (Столбищ? – *Ю.С.*) и Михалей Спасского монастыря за три рубля, тогда как они раньше приносили по пять и шесть рублей доходу»[154].

В 1875 году муромские деловые люди, чтобы платить меньше налогов на имущество, оценили город в 718 314 руб. Против этого резко выступил гласный думы князь Л.С. Голицын: «В губернии есть фабрики, которые оценены более, чем в миллион, и никак нельзя допустить, чтобы всей России известный город Муром со всеми своими заведениями, фабриками и домами не стоил бы несравненно более, чем одна фабрика»[155]. Правда, следует отметить, что Л.С. Голицын хоть и был муромским помещиком, но по рождению и воспитанию к Мурому отношения не имел и вырос в совершенно иной среде.

Городской голова А.В. Ермаков, осчастлививший город водопроводом, провел воду прямо себе в дом. Особых нареканий это не вызывало, поскольку это «удобство» для города Ермаков соорудил за свой счет. Но после этого, как сообщила мне Е.И. Сазонова, занимавшаяся разысканиями во Владимирском областном архиве, каждый последующий градоначальник подавал в городскую думу заявление, чтобы и ему вода подавалась в квартиру.

В 1911 году, когда еще не утихло брожение после революции 1905 года, волостной писарь с. Поздняково А.А. Архипов, по совместительству тайный агент губернского жандармского управления, сфабриковал дело о готовящемся покушении на графиню П.С. Уварову. Он писал поддельные протоколы якобы тайных собраний заговорщиков, называл фамилии реальных людей, некогда замеченных в неблагонадежности – и все для того, чтобы продвинуться по службе[156].

О другой ситуации вспоминает академик А.Д. Сахаров, который в 1941 году провел десять дней в Муроме, ожидая с товарищами-студентами формирования эвакопоезда на Ашхабад. «Мы жили на пос-

тое у хозяйки – продавщицы местного гастронома, много таскавшей в дом продуктов, уже ставших остродефицитными ("кому война, а кому мать родная", – говорили тогда). Дочка хозяйки из ящика комода сыпала ладошкой в рот сахарный песок, а по ночам к хозяйке приходили мужчины в военной форме, каждый раз другой.

По ночам мы ходили хоть как-то утолить голод в железнодорожную столовую – там давали картофельное пюре без карточек»[157].

Купеческая жизнь, вопреки современным стереотипам обыденного сознания, во многом сложившегося под влиянием пьес А.Н. Островского, была очень мобильной. Даже сиделец в лавке долго не задерживался на одном месте, меняя не только заведения и улицы, но и города, и уезды[158]. Волей-неволей это расширяло кругозор, прибавляло эрудиции. Поэтому в городской ментальности находили место и увлечение театром[159], и излюбленные, периодически ходившие по городу слухи о том, что «Мурому провалиться 1-го числа февраля»[160] или заживо погребенных и оживших мертвецах: «На ярмарке помер скоропостижно фокусник: будто бы зарыли в землю, а на другой день нашли без гроба на верху земли»[161]. Как это ни удивительно, но подобные слухи зачастую имели под собой реальную основу: балаганные трюки. «Таким трюком было, например, "отсекновение головы" живому человеку, – пишет Д. Альперов. – Зазывался из толпы парень, свой, заранее "сговоренный". Парень подымался на раус (помост над входом. – *Ю.С.*), приносилась плаха. Голову парня клали на плаху. Он упирался. Палач в кумачовой рубахе показывал топор, рубил им дерево в доказательство того, что топор острый. Во время возни с парнем топор подменялся. Палачу давали жестяной бутафорский топор. Плаха была устроена так, что середина ее была пуста, пустота маскировалась материей в цвет дерева. Материя держалась на резинке. Парень клал голову на плаху там, где была натянута резинка. В момент удара он натягивал резинку, голова попадала в пустое выдолбленное пространство, а от нажима на резинку сверху выдвигалась крепкая доска, на которую и приходился удар бутафорского топора. Публике же внизу казалось, что голова отваливается, а тело продолжает стоять на коленях. Палач, ударив, бросал топор и вытаскивал из стоявшего на полу ведра бутафорскую голову, до того време-

ни плававшую в клюквенном соку. Голова была вся в крови, по волосам из пакли текла кровь-клюква.

Палач потрясал головой, а закликала кричал: "Представление начинается. Сынок, давай третий звонок. Кто хочет смотреть оживление мертвеца, – полезай в балаган с того конца". И закликала торжественно указывал на вход в балаган.

Я так хорошо знаю технику этого балаганного номера потому, что указанное здесь "отсекновение головы" проделывалось нами в цирке в пантомиме "Стенька Разин"»[162].

Находилось место и новым техническим идеям. Академик Паллас, посетивший город в XVIII веке, был, кстати, невероятно изумлен изобретательностью местных жителей: «В Муроме есть немало таких праздных людей, которые все лето упражняются в перемывании песку из глубоких мест у городского берега, и нередко находит мелкие золотые блестки, серебряные и медные крупинки, да и хорошие камешки»[163]. До второй половины XIX века, пока окрестные речушки не были загрязнены промышленными стоками, в них собирали речной жемчуг, который шел на украшения женских нарядов[164].

В 1875 году земской управе было предложено строительство конно-железной дороги от Мурома до Владимира и «оказание содействия к распространению между землевладельцами здешнего уезда способа искусственного удобрения земель рыбно-мясным гуано»[165]. Земство с казенной вежливостью и традиционной осторожностью резонно ответило, что оба проекта следует только «принять к сведению», поскольку «имеет надежду на осуществление в недалеком будущем времени паровой железной дороги… через которую будет иметь удобное и скорое сообщение… без всяких капитальных затрат со стороны земства», а касательно второго проекта «еще неизвестно, будет ли полезно удобрение рыбно-мясным гуано земли в здешней местности»[166]. Кстати, изобретение собственного шампанского в России князем Л.В. Голицыным произошло благодаря любовной истории, случившейся в Муроме![167]

Несмотря на консерватизм и осторожность во взглядах и принятии решений, муромскому купечеству нельзя отказать в его стремлении быть первым в «техническом прогрессе». В соседней Выксе муромцы строили свои пароходы для перевозок грузов по Оке. Уже в начале XX века в городе поставили одну из первых телефонных

станций и хлопотали о междугородней телефонной связи. Подумывали пустить трамвай, и не какую-нибудь конку, а на «самой современной электрической тяге», для чего нужно было и электростанцию построить, но помешала первая мировая война. С воодушевлением встретили прокладку железной дороги через Муром, а не через соседние Меленки, но это благо цивилизации больно ударило по благосостоянию города. С началом железнодорожных перевозок резко сократился объем грузов, перевозимых по реке, (в конце 1880-х за навигацию к муромским пристаням приходило до трехсот, а отходило до пятисот пятидесяти судов, привозивших до полумиллиона и увозивших до двух миллионов двухсот тысяч пудов грузов), соответственно в несколько раз упал товарооборот на муромской ярмарке (он стал составлять 100–120 тыс. руб. за десять дней[168]), а местное купечество, потеряв большую часть доходов, потеряло и свое значение, и возможность жить по старинке. Поэтому новшества стали вызывать еще большую опаску: когда в начале XX века Рено вознамерился построить в Муроме автомобильный завод, купечество сделало все, чтобы не допустить этого. Смутные воспоминания и сожаления об этом, наложившиеся на Горьковский автозавод, до сих пор бродят по Мурому. «Горьковский автозавод в свое время должен был быть построен здесь. В Муроме. И Муром был бы не просто Муром. Это Горький был бы как Муром… И тогда наши, тогдашние муромские власти, они не дали добро на строительство этого завода»[169], – хотя в советское время центральные власти уже не спрашивали согласия жителей на размещение промышленных предприятий в городе.

Городской голова А.В. Ермаков на свои собственные деньги и вопреки препонам, чинимым губернским чиновничеством, построил в городе один из первых в провинции водопроводов. До этого «водою, по неудобству добывания ее из Оки, город снабжается из 80 колодцев и кроме того предположено устроить артезианские колодцы[170]». Следует, однако, отметить, что А.В. Ермаков не был коренным муромцем: он приехал в город из Оренбургской губернии, когда ему было уже 49 лет, по тем временам – возраст весьма солидный; построил здание театра, открыл детский приют, лечебницу, городскую библиотеку и сделал многое другое[171]. Городская дума постановила увековечить его имя в названии возведенной им в центре города водо-

напорной башни. Однако советские краеведы вспоминали его по-другому. В газетной статье «Как хозяйствовали в Муроме "отцы города"» И. Богатов писал: «Ликвидация крепостного права совпала с правлением в Муроме в качестве городского головы Ермакова А.В. …За несколько лет в Муроме проведен был водопровод, засыпано "Козье болото" (оно находилось на задах торговых рядов и, пока сохранялся Муромский кремль, играло важную роль в системе естественной фортификации города[172]. – *Ю.С.*)… В 1870 году по его завещанию его жена выстроила в Муроме… тюрьму… Сотни рублей не жалели городские заправилы и на дома терпимости. В 1909 году (а это уже через несколько десятилетий после смерти Ермакова. – *Ю.С.*) городская дума постановила: "Просить г. исправника закрыть все существующие негласные дома терпимости и дома свиданий и уведомить, сколько будет разрешено официальных публичных домов в Языковском переулке, месте желательного их района. Ассигновать в распоряжение городской управы до 300 рублей, на которые и разрешить ей открыть смотровый пункт, когда будут закрыты негласные публичные дома полицией"»[173]. Время все расставило по своим местам: недавно возле башни, ставшей, в известном смысле, архитектурным символом города, установлен бюст рачительного градоначальника.

Надо сказать, что, хотя Ермаков имел в городе огромный авторитет и уважение, местные купцы не очень стремились следовать его примеру. Однако случаи бывали. Например, В.А. Вощинин учредил в женской гимназии стипендию в память о своей умершей дочери, оплачивал семилетнее обучение десяти мальчикам в реальном училище, пожертвовал дом для нужд библиотеки. В первую мировую П.А. Вощинин открыл столовую для детей, чьи отцы были на фронте. На свои средства муромский городничий князь И.А. Трубецкой обустроил в 1852 году бульвар[174]. Через шестьдесят лет он выглядел так: «Прекрасный сквер с рестораном. В построенной на берегу Оки четырехъярусной беседке мы просиживали с отцом до восхода солнца, любуясь на огни пароходов, темные ночью плоты с единственной светлой точкой от разложенного костра»[175]. В. Стратонов, правда, утверждает, что это здание было двухэтажным, перестроено из барки, а летом в нем помещалось общественное собрание[176].

Наверное, это происходило и потому, что «доминирующей чертой характера муромцев, – как считал В. Стратонов, служивший в Муроме в 1912 году, – была скупость, доводимая до крайних пределов… На местах, где в других городах устраивались тротуары, часто росла трава, и здесь паслись коровы или искала корм домашняя птица.

– Как же это у вас в городе улицы не мощеные?

"Отцы города", все муромские богатеи-купцы, отвечали, сильно "окая":

– Ни к чему это. У нас свои лошади есть. Мы не ходим!»[177].

Он же приводит другой пример: «На благотворительном балу в реальном училище, в пользу нуждающихся учеников, – меня поразила манера благотворительных продавцов буквально виснуть на фалдах гостей, приставая именно, как банный лист, чтобы что-либо продать.

– Да разве в Муроме – возражали на мое недоумение – иначе можно? Если не приставать, как с ножом к горлу, так от этих толстосумов и двугривенного не вытянешь»[178].

Ему словно вторит М. Зворыкина, 21 августа 1914 года жаловавшаяся своей сестре в Петербург: «Вчера в общественном клубе был спектакль в пользу раненных и я и Наташа Мяздрикова продавали билеты и представь себе сколько выручили только 84 рубля… безобразие какая у нас публика, такие везде крупные пожертвования, а у нас даже жалко купить билеты на спектакль с благотворительной целью»[179]. И это на самой волне ура-патриотизма! Газета «Муромский край» сетовала, что актерам, приезжающим с благотворительными спектаклями, часто приходилось собирать пожертвования на дорогу[180].

Летом 1914 года в Муроме предполагался демонстрационный полет авиатора Россинского. За один полет он просил тысячу рублей, а за три – полторы.

«Говоря о желательности демонстрирования авиаполета в таком глухом углу, как Муром, особенно в базарные дни, когда в город съезжается много крестьян, корреспондент "Муромского края" скептически писал: "Вряд ли найдется в Муроме отдельное лицо или общество, которые согласились бы принять на себя устройство полетов авиатора".

Он был прав. Ни муромским горожанам, ни крестьянам до советской власти не пришлось увидеть ни самолета, ни отважных летчиков»[181].

Только через пятнадцать лет после того, как в 1868 году обрушился шатер церкви Козьмы и Демьяна, местный краевед Н.Г. Добрынкин, землемер по профессии, родившийся и работавший, к слову сказать, в Смоленской губернии и приехавший в Муром 1872 году[182], осторожно намекнул в Ежегоднике губернского статистического комитета, что «муромцы не прочь привести древнюю церковь в первоначальный ее вид, но, по недостатку городских средств и частных пожертвований, достигнуть этого не могут»[183]. В приходе этой церкви, между тем, жили купцы Елины и Страховы, «ворочавшие огромными капиталами»[184]. А вот П.А. Столыпин, чьи предки были муромскими столбовыми дворянами, проявлял интерес к сохранности храма, правда, по долгу службы[185]. При этом сама церковь была предметом гордости горожан: «Показывали старенькую церковь на берегу Оки, относящуюся к эпохе Иоанна Грозного. (По городскому преданию, на этом месте стоял шатер Ивана IV, из которого он производил смотр своего войска, идущего на Казань, а после казанской победы по обету прислал мастеров, построивших этот храм. – *Ю.С.*). Она почти не ремонтировалась, во всяком случае, была сильно запущена. За несколько веков не удосужились к ней хотя бы подход камнями вымостить… В Муроме старины было немало, но ею не интересовались, мало обращали на нее внимания… Признаков остальной старины я как-то не встречал»[186]. Восстановлен шатер, но не в первозданном виде, был только в наши дни, в 2010 году, усилиями муромского Свято-Троицкого девичьего монастыря[187].

Но с Козьмодемьянским храмом случай особый, поскольку на церковь муромцы и муромские купцы тратили деньги охотно. С XVI века в течение двухсот лет самые разнообразные богатые пожертвования в муромский Спасо-Преображенский монастырь делала фамилия Кравковых[188]. Покровский храм в этом же монастыре построил митрополит Сарский и Подонский Варсонофий из рода Чертковых, трехъярусную колокольню – П.П. Самарин; жертвователями были Афанасий, Семен и Василий Столыпины, Иван Пансырев, митрополит рязанский и муромский Авраамий, стольник Василий Ивано-

вич Чертков, помещики Дурасовы[189]. Самым известным строителем Муромских церквей был Тарасий Борисович Цветнов, построивший Троицкий собор[190].

Между 1646 и 1678 гг. каменные Воскресенский и Введенский храмы Воскресенского монастыря построил Авраам Черкасов. И.Л. Смолин в 1677 г. построил Николо-Зарядную церковь, в конце XVIII в. купец Бушуев возвел теплую церковь при соборной колокольне и придел Христа Спасителя при Николо-Можайской церкви. В начале XIX века купец М.И. Елин отстроил взамен деревянной церкви Дмитрия Солунского и Св. Троицы кирпичный храм, а также внес значительный вклад в строительство Смоленской церкви, а два теплых придела к ней и колокольню возвел К.Т. Киселев, А.В. Ермаков поставил каменную часовню, а В.Т. Суздальцев – Пятницкую церковь. Кроме того, купцы золотили главы и кресты на храмах и колокольнях, отливали колокола[191]. Говорят, что когда купец Е.И. Кознов решил отлить для Рождественского собора колокол в тысячу пудов, епископ Парфений посчитал эту громадину неуместной для небольшого города и посоветовал сделать что-то более скромное. «Большой колокол душу из ада вызвонит», – ответил Кознов[192].

Не подвергая сомнению искренность веры муромских купцов, в благотворительности такого рода я все-таки усматриваю некую толику лукавства. Во-первых, совершенно очевидно, что при прочих равных храмовое сооружение простоит гораздо дольше, чем рядовое здание, а значит и память о строителе сохранится, что, собственно, и произошло. Во-вторых, престолы таких храмов чаще всего называлась в честь тезоименитого святого или покровителя той отрасли производства или торговли, которой занимался купец. Например, придел Николо-Зарядской церкви (св. Никола – покровитель торговцев и путешественников, поэтому Никольских храмов в Муроме было больше всего) заказчик Иван Леонтьевич Смолин посвятил патрональному святому свого отца – Леонтию Ростовскому. В главном городском соборе – Рождества Богородицы – был освящен придел во имя святого Алексия, человека Божия, и Марии Магдалины – патрональных святых городского головы А.В. Ермакова и занимавшейся благотворительностью его жены М. Ермаковой. Один из престолов Напольной кладбищенской церкви ее строитель Данила Семенович

Жадин посвятил святому Даниилу Столпнику и проч. Однако обращает на себя внимание тенденция к посвящению престолов святым, чтимым в Москве, и весьма малая доля посвящений местночтимым святым или святым, деятельность которых связана с Муромом (а всего таких святых около двадцати)[193]. Современные предприниматели также жертвуют на храм с большей охотой. Здесь, правда, действует еще один фактор: в условиях серой экономики так проще не только замолить грехи, но и «отмыть» деньги.

Не все новшества, в том числе и в быту, принимались сразу и безоговорочно. Например, среди археологических находок в раскопах и случайных встречаются в небольшом количестве турецкие курительные трубки XVIII века, а это значит, что с курением табака муромцы были знакомы достаточно давно. Однако в тридцатые годы XIX столетия купец Е. Перлов, сам занимавшийся, в том числе, оптовой продажей табака, как нечто особое отмечает: «Мес. Август! 1835 года. 1-го… Были у м(еня) Иван Андреев. Нестирев и Дмитрий Н. Кадников, пили чай, курили таб(ак)…10-го. …сидел у нас курил табак Яков Иванович Якимов»[194]. Даже во второй половине века курение отмечалось как нечто особое: «…не хотел курить табак. Страстную неделю не курил только вторник, а в среду курил…»[195]. Курение же на людях, как это следует из дневника муромского мещанина А.И. Гладкова, очень не одобрялось: «Мая. 22 ч. Вечером в 10-м часу, бывши с похмелья, у дома на завалинке курил табак с Михаилом Федоровым Смольяниновым. Пристал Иван Михайлов Смольянинов (в это время он был старостой по улице нашей над сторожем), в одной рубашке, и мне наговорил разных грубостей (за то, что я курил трупку)… 25 ч. …В часу 1-м пополудни призывали меня в Думу к Алексею Васильеву Ермакову по жалобе Ивана Михайлова Смольянинова (за трупку и за ругательства). Я показал, что Смольянинов неверно доносит, что я трупку не курил, и не ругался. Хотя был виноват и оправдывался»[196].

***

В каждом городе есть рассказы, персонажи, предметы, которые для жителей являются не просто рассказами, персонажами, предме-

тами; им придается особый смысл, и этим смыслом они наполняют культурное пространство города. В быту или журналистской практике их нередко называют символами, однако с научной точки зрения это не совсем верно. Это особые знаки, которые в последнее время условно называют «локальными клипами»[197]. Их происхождение может относиться к разному времени и срок их жизни может быть разным, они могут быть предметом гордости горожан или насмешек соседей, могут свидетельствовать о ностальгии по былым временам, могут демонстрировать амбиции города – все то, чем город отличается от других городов. Для Мурома это, прежде всего, Илья Муромец, муромская дорожка с растущими на ней тремя соснами, дремучие муромские леса и муромские разбойники; к ним примыкает и продукция, производившаяся или производимая в городе – калачи, муромские огурцы (хотя их сортность была потеряна уже в годы гражданской войны); знаки советского времени – качественная водка, холодильники «Ока», радиоприемники. И, конечно же, на все времена – река Ока[198]. В последнее время опять вспомнили о Петре и Февронии и в полный голос, а не полушепотом, стали произносить имя В.К. Зворыкина – изобретателя телевидения, муромского уроженца, после революции эмигрировавшего в Америку.

По тому, какие локальные клипы присутствуют в городе, можно судить о его самооценке. Невозможно не согласиться с замечанием М.Н. Тихомирова о том, что «представления о небывалой славе своих городов весьма типичны для многих бытописателей истории разных городов и нередко встречаются в сочинениях… даже нашего времени»[199].

Бывали времена, когда Муром претендовал на гораздо более высокие, чем сейчас, позиции. В XVI–XVII веках, судя по иконописи и литературным произведениям, Муром заявлял о себе как о земной модели небесного града Иерусалима с идеальными правителями. Город создает мифологему, которая впоследствии активно влияет на восприятие, облик, характер, менталитет, социальные связи. Она нашла прямое воплощение на одной из муромских житийных икон как раз тех самых правителей – святых князя Петра и княгини Февронии. Идеальный город на иконе обнесен беломраморной стеной, которой, естественно, в реальности никогда не было. Надо полагать, что

автор изображения основывался на принятой в то время этимологии названия Муром, производимого от славянского глагола «муравить» – строить стены и западных «marmur», «murmur» – мрамор[200].

Заметное влияние на становление городской самоидентификации муромцев оказали древнерусские литературные произведения, входившие в цикл Муромских повестей, сложившийся в XVI–XVII веках: «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о водворении христианства в Муроме», «Повесть о святом епископе Василии», «Повесть об Ульянии Осорьиной», «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть о чудесах Виленского креста»[201]. Едва ли найдется в России еще город, в то время столь часто фигурировавший в художественных произведениях, причем некоторые из них ныне расцениваются специалистами как шедевры, выходящие за рамки канона, и считаются родоначальниками отдельных жанров в истории русской литературы. Не случайно, говоря об идеальных характерах Древний Руси, Ф. Буслаев и В. Ключевский опирались именно на них[202]. Эти повести были чрезвычайно популярны в Муроме и вплоть до конца XIX века от руки переписывались в тетрадки.

На совершенно необычную черту местного мировоззрения обратила внимание О.А. Сухова[203]. Касается оно сакральной сферы и связано с особым характером почитания муромских святых. Дело в том, что, в отличие от других городов, в Муроме нет местных почитаемых преподобных, т.е. монахов (за исключением Ильи Муромца, да и тот был причислен к лику святых не за монашеский, а за воинский подвиг[204], тем более, что религиозное почитание Ильи Муромца в городе не было распространено[205]), а также юродивых и мучеников. Муромские святые – миряне. По подсчетам О.А. Суховой три четверти всех святых в пятидесяти восьми городах относятся к монашескому чину. На всех остальных приходится одна четверть. Царей и князей лишь одна седьмая от общего числа, столько же поименованных мучеников, а праведных мирян вместе с юродивыми – лишь одна тринадцатая, т.е. сорок человек; из них шесть – муромских, к тому же почти половина из них – женщины, что для России довольно большая редкость. Это князья Петр и Феврония, креститель Мурома князь Константин с женой Ириной и чадами Михаилом и Федором, «болярыня» Ульяния Лазаревская; в местной традиции почитаются к тому же муж

Ульянии и ее дочь. Единственный из святых-монахов в здешнем пантеоне – епископ Василий, который, по преданию, был изгнан горожанами, и вошел в собор рязанских святых.

Нетрудно заметить, что муромские святые почитаются семьями и это уникально. Хотя муромские княжеские семейства, канонизированные в 1547 году, Иван IV объявил «своими сродниками», официальная церковь не поощряла их почитания: «Повесть о Петре и Февронии» не вошла в Великие Минеи-Четии; а праведную Ульянию позже исключали из числа святых. Однако муромские жители с присущей им «непокоривостью», порою с ухищрениями, продолжали чтить своих земляков, олицетворявших для них «идеальные примеры того, что можно угодить Богу не только в монастыре, но и в обычной жизни, следуя правилам благочестия, чистоты в браке, помощи нищим и убогим»[206]. В советское время жителям города также пришлось отстаивать своих святых. Во время кампании по разоблачению святых мощей городские власти 22 мая 1923 года устроили перенос останков Константина Муромского с сыновьями в музей. Среди местных священников с большим трудом удалось найти попа-обновленца, который согласился принять участие в этом мероприятии. Мощи от храма до музея везли на телеге, а разъяренная толпа, которую с трудом сдерживали вооруженные милиционеры, нападала на святотатцев, швыряла в них камни, побила окна в музее. Попу-ренегату с трудом удалось уйти оврагом, потом, как говорят, он уехал из Мурома и вскоре умер[207]. Неизвестно, чем бы вообще кончилось дело, если бы путь от храма до музея не был коротким. Многие годы жители Мурома и окрестностей ходили на тайное поклонение мощам в Муромский музей, где они были выставлены. Может быть, прежде всего, этим, а не только атеистической активностью тогдашнего директора, следует объяснять фантастическую посещаемость музея в те годы – до 45 тыс. человек при населении города в 30 тыс.

«Обладание мощами Петра и Февронии, – пишет исследователь, – служит для утверждения "русскости" Мурома не только через значение церковное, православное. То, что Петр и Феврония – святые муромские, позволяет этому городу претендовать на особую значимость, выделяющую его среди других русских городов в противостоянии западному миру»[208]. Соглашаясь с высказанным мнением, я, пожалуй,

не стал бы столь глобализировать ситуацию. Вопрос о противопоставлении Западу как-то очень мало занимает умы муромцев. Если он и стоял в тот момент, когда решался вопрос об учреждении Дня семьи, любви и верности, а именно тогда была написана статья М.В. Ахметовой, то это, скорее, был чисто популистский ход, предлагавший якобы замену католическому дню святого Валентина (ср. с ситуацией крещения Мурома).

Порою «культ» семьи принимал, на современный взгляд, анекдотические формы. В 1865 году муромский мещанин А.И. Гладков, горький пьяница, вел дневник. Есть там такая запись: «Напившись очень пьян, ругал всячески жену. Потом в 3-м часу пополудни, при входе брата на двор, выбил топором из одной рамы стеклы. За это брат с дворником Зиновием Андреевым меня связали, и я был связан с час, и валялся во дворе. Потом, в 5-м часу пополудни, я ругал жену, замахивался ножом и кричал: "Сожгу дом". Жена же меня ударила палкой, и лицо прошибла палкой до крови, очень больно. Я же за ней погнался, но она ушла. И потом приходит со своей матерью. Мать же ее взошла ко мне в комнату (я ей сказал: "Что вам угодно?"), она же выразилась: "Я де пришла – не убил ли ты мою дочь (т.е. мою жену)". Мне эти слова показались очень прискорбны, я ей сказал, что я тебя, матушка, по лестнице спущу, и замахнулся на нее ножом. Она убежала, пригрозивши мне всячески. В 7-м часу пополудни пришел из Думы сторож и по приказанию головы Алексея Васильевича Ермакова отвел меня под арест в полицию (в Трубну). В этот день никто у меня в Трубной не был, и я был без хлеба.

28 ч. Сидел в Трубной, к обеду принес сын Иван немного поесть; к вечеру была сестра Прасковья.

29 ч. …Во 2-м часу по полудни вызвали нас в Думу… И для нас Ермаков собрал сход человек из 30 (для посрамления). И тут нас обоих усовещевали. И принуждали дать подписку, чтоб вина не пить и не буянить (в противном случае подвергаемся воле общества, бесспорно и прекословно). Крылов дал подписку и общественникам и начальству кланялся в ноги. Но я не соглашался дать подписки. В это время Василий Усов… читал из закона статью, что за такие поступки могут сделать, и делал разные жесткие наставления… И был отведен обратно в Трубну…

30 ч. Сидел в Трубной… К вечеру есть не приносили. Жена оправдывалась, что будто бы посылала сына Ивана, но он сказал, будто бы я не велел приносить есть…

31 ч. …В 1-м часу пополудни потребовали меня и Василья Васильева Стулова в Думу. В Думе находились голова Ермаков, трое гласных, стряпчий и Иван Прокофьев Зворыкин. Тут меня усовещевали и принуждали дать подписку, чтоб вина не пить, но я не соглашался дать подписку (вот оно, муромское упрямство! – *Ю.С.*), потом приказали мне идти домой…

В эти дни были у меня в Трубной из родственников: жена – 1 раз, брат – 1 раз, зять – 1 раз, сестра Прасковья – 3 раза, сын Иван несколько раз носил пищу, а дети – Павел 19-ти лет и Константин 15-ти лет – не были ни раза. При выпуске меня из Трубной, я в Думе высказал голове Ермакову, что дети старшие в Трубной у меня в течение 5-ти дней не были… покачав головою, Ермаков осудил мать и детей моих, что не посетили заключенного отца: "Стало быть, пустая жена, и дети глупы и пусты" (курсив мой. – *Ю.С.*)»[209].

***

Приезжающие в Муром туристы нередко бывают очарованы. Кто чем. «Погулял по городу – он очень приятный: широкие улицы, великолепный вид на Оку, много интересных зданий в старой части города»[210]. «Муром – убаюкивающий город. Его провинциальность – классическая. Здесь присутствует весь набор, по которому ностальгирует почти каждый житель большого мегаполиса: широченная прозрачно-синяя река в обрамлении песчаных отмелей и крутых береговых террас, есть уютные улочки с яблоневыми садами, сиреневыми кустами и жасминовыми зарослями… есть беззаботные кошки, лижущие лапки, есть торговые ряды с бабульками, есть четыре (!) монастыря, есть заросший муромский Парк культуры на месте старого городища, есть пьянчужки на улицах, ямы на дорогах, чистый воздух и свежий речной ветер»[211]. «В Муром хорошо сбегать от суеты. Размеренный, неторопливый, он как душ после пыльного метро, смывает все "срочные дела" и судорожные усилия… Старинный, похожий на деревню, не сильно испорченный цивилизацией – это про Муром… С богом тут все хорошо: церквей и монастырей муромских хватило бы на три уездных города. Сейчас даже обсуждается вопрос, не присвоить ли

Мурому статус православного центра России?»[212]. «Согласитесь, что немного противоречиво: небольшой городок с такой огромной историей. Да и правда, противоречиво! Сколько событий прожил этот маленький городок, сколько поколений людей он вырастил, сколько войн перенес, разрух голода, революций, сражений… а сколько побед было?! Все, наверное, и не узнать простому человеку, не "припомнить"… Спокойствие и умиротворение Вы почувствуете, приехав в древний град Муром. Соответствующую атмосферу придает огромное количество монастырей, церквей, храмов и часовен»[213]. Но даже через это почти идиллически-пасторальное любование пробивается смутная тревога: «Я столько прочитала про Муром, что казалось – знаю весь город вдоль и поперек. Но нарисованный моим воображением город оказался совершенно другим. Иным. Я не ожидала, что он будет настолько состоять из противоположностей, что он будет таким разным, таким провинциально-современным, таким православно-языческим, таким по-деревенски уютным, детским, грустным, нахально-наивным и размашистым»[214]. «Древний город походил на ворчливого старика, живущего давно, перевидевшего многое и положившего себе за правило никого не любить просто так, за красивые глаза. Такому нужно было угодить, или чем-то его по хорошему удивить… Вот такой это был "старичок"! В нем угадывалось богатое прошлое, бурное, может быть, даже темное. Так, наверное, жил бы раскаявшийся разбойник, в угрюмом одиночестве, средь построенных им на неправедные деньги церквей и часовен, молясь, постясь и с недоверием взирая на всякого пришедшего со стороны: а вдруг он знает его подноготную! Знает и не станет держать в секрете!..»[215] «По числу местных жителей, причисленных к лику святых, в расчете на душу населения Муром занимает первое место в России, – пишет очередной турист, – но там где святость, там и накал страстей: праведность и преступность, пороки и красота ходят парами»[216].

Многие из тех, кому так или иначе приходилось соприкасаться с Муромом, отмечают его двойственную сущность: «В Муроме контрасты городского облика проявляются на глазах. Чистый, ухоженный центр с современными витринами магазинов, с потоком машин бурлит оживленной деловой жизнью. Но стоит углубиться в прибрежные слободские переулки – и со всех сторон подступает тишина. Дере-

вянные дома с резными подзорами, каменные старинные особнячки под густыми кронами деревьев, скрипящие калитки осевших ворот, высокие лестницы с широкими ступенями, спускающиеся с откосов к Оке среди зарослей лопухов и крапивы, – все это словно ожившие страницы какой-то давно прочитанной книги, оставившей в душе смутные, но теплые воспоминания»[217]. «У всего должны быть секреты, даже у Мурома. Все-все горечи, переживания, страхи, измены, обиды, пороки, недовольства, радости, веселья, улыбки – всё-всё, все мелочи помнит и хранит в себе Земля Муромская, удивительная…и… духовная»[218]. «Древний город – двулик. Спешно надетая на него "маска" современности не в силах скрыть "глубокие морщины" и "родимые пятна" прошедших эпох. Правильная геометрия улиц и незатейливость архитектуры вдоль них способны обмануть только на время, до первого же пристального взгляда»[219], – рефлексирует актер, режиссер и писатель В. Зимин, чьи школьные годы, пришедшиеся на шестидесятые, прошли в Муроме. – Вот и мне тогда, еще не знающему истории и не слышавшему ее в идеологическом пересказе, через открывающийся город приоткрывалось нечто неведомое, совсем иной мир, какая-то другая жизнь, которая была здесь, на этом месте, еще недавно, словно и года тому не прошло, и которая вдруг исчезла, оборвалась в одночасье, так, как если бы однажды все обитатели того мира собрались и разом покинули свои жилища; ушли и не оставили о себе никаких известий! Но оставили многочисленные свидетельства своего пребывания. Из-под битого асфальта проглядывал уложенный ими и по сей день ровный булыжник. Под осыпавшейся с казенных домов штукатуркой проступали магические цифры – далекие даты. Монастырские подворья, церковные колокольни, маленькие часовенки и большие соборы – их предназначение было приблизительно понятно, их обилие – ставило в тупик»[220]. Некто Белослав, явно отвечая исследователям «мест силы», к коим они причисляют и Муром, констатирует: «Муром – город темной, колдовской силы. Мощь ощущается, но мощь давящая, высасывающая. Город древний. Люди живут более 1000 лет. Возможно, когда-то это было место светлой силы. Но последние 1000 лет город в осаде… Лишь где-то подспудно ощущается какие-то красота и душевность, но запрятанная, как у человека в состоянии депрессии и полного одиночества. Человек,

приезжающий в город как турист, восхищается чистым воздухом, зеленью улиц. Но если ты здесь начинаешь жить – чувствуешь себя под колпаком. В армии есть такое место – гауптвахта. Это еще не тюрьма, так, задержание за провинности средней тяжести. Так вот Муром производит впечатление кармической гауптвахты. Людей забрасывает туда пожить, когда они должны отработать какие-то свои узлы»[221].

В городе действительно есть некий подспудный, скрытый план. Весьма примечательно, что в упоминаниях о Муроме, особенно мемуарных и публицистических, нередко встречаются его оценки как ссыльного города. Еще чаще они фигурируют в Интернете. Это, так сказать, взгляд со стороны. А вот сами жители Мурома свой город ссыльным не считают, хотя даже беглый экскурс в историю дает все основания называть его таковым.

Изначально являясь окраинной крепостью на восточных границах Руси, Муром, подобно некоторым другим городам, использовался как место ссылки политически неугодных лиц[222]. Еще в 1019 г. великий князь Ярослав за что-то разгневался на новгородского посадника Константина Добрынича, заточил его сначала в Ростове, а «на третье лето повеле убити в Муроме на реце Оке»[223]. Захватив в плен израненного в битве великого князя Василия II Васильевича Темного, татары держали его в Муроме; здесь же через год, в 1446 году князь Ряполовский прятал детей Василия[224]. В 1458 году войско Василия II, посланное в Вятскую землю для усмирения вятчан, вернулось ни с чем. Обвинив воеводу Григория Перхушкова в том, что он «у вятчан посулы имал, а им норовил», князь заковал его «в железа» и отправил в Муром[225].

В 1475 году Иван III по жалобам новгородцев «поимал» бояр Ананьина и Лошинского и сослал их в Муром[226], там Ананьин умер через два года; в 1476 году сюда же был отправлен из Новгорода арестованный сын Марфы Борецкой Федор, где и скончался в том же году[227], а зимой 1489 года великий князь Иван Васильевич более тысячи новгородских бояр «перевел» в другие города, в том числе и в Муром[228]. О ссылке в Муром шведского посольства в 1570 году оставил записки возглавлявший его Павел Юстен. «24 сентября мы прибыли в Муром, где нас отвели в пустой дом. Поскольку в нем была лишь одна комната, пристроили еще три, и скоро территорию вокруг дома окружили

высоким забором, в котором было 745 бревен. Великий князь прислал письмо, чтобы нам давали необходимую пищу. Но из напитков за все время нашего заключения мы не получали ничего, кроме русского кваса. Хлеба было так много, что почти все мы покупали на его излишки кожу, чтобы сшить себе сапоги и гамаши, а также русское полотно. Если бы не такое изобилие хлеба, многим из нас пришлось бы ходить разутыми и раздетыми. Но и здесь русские не пренебрегали выгодой для себя, присваивая часть хлеба… Первого сентября (1571 г. – *Ю.С.*) в нашей свите начала свирепствовать чума. Пятнадцать наших спутников умерли от этой болезни, но остальные, по милости Господа, остались в живых… Мы были заперты в Муроме с 24 сентября 1570 года вплоть до 23 ноября 1571 года. В этот день вечерними сумерками нас посадили в сани, положили туда имущество, которое нам наконец вернули в городе Клин 8 января, правда, не все, а часть, как обычно случается, когда перевозят чужие вещи»[229].

В 1653 году муромский протопоп Логгин, сподвижник Аввакума, по сфабрикованному муромским воеводой делу был вызван в Москву, осужден на духовном соборе, расстрижен и отправлен обратно в Муром в ссылку, где через год умер в тюрьме[230]. Кстати, эта тюрьма была построена после Соборного уложения 1649 года, когда тюремное заключение стало применяться как мера наказания. Первые пять государственных тюрем были построены в Москве, Устюге, Шуе, Муроме, Верхнетурье[231]. За несколько лет до этого в Разбойный приказ пошла челобитная от губных старост, в которой те жаловались, что местные вотчинники, помещики и церковные власти уклоняются от участия в строительстве тюрем, содержания тюремных сторожей, дьячков, палачей. Царской грамотой от 15 сентября 1637 года губному старосте Мурома излагалось содержание указа Разбойного приказа, по которому предписывалось обязательное участие в губной повинности всего посадского и уездного населения, а обо всех «непослушных» было приказано доносить в Москву[232].

Что представляла собой муромская тюрьма во второй половине XIX века, можно представить из записки стряпчего Ранга министру внутренних дел: «В городах Владимирской губернии… Суздале, Коврове, Шуе, Гороховце, Судогде, Муроме, Меленках, Александрове, Переславле и Юрьеве тюрьмы были устроены в одинаковом размере

и одинаковым образом с самыми незначительными в архитектурном отношении изменениями. Тюрьмы эти находятся при уездных присутственных местах. Состоят из каменных двухэтажных зданий, в которых устроено шесть отдельных помещений, по три в каждом этаже. В этих помещениях распределены арестанты и тюремная стража… Вообще, размещение в этих тюрьмах представляется в следующем виде: в нижнем этаже одна камера занимается караулом, другая – больницею, третья – женщинами. В других трех камерах размещаются арестанты-мужчины: взрослые и малолетние, осужденные, подсудимые и пересыльные. При этом камеры устроены не по коридору, а с разных сторон, так что арестанты разных камер могут видеть друг друга и говорить между собой через окна, устроенные в дверях»[233]. Показательно, что в марте 1940 года в муромской тюрьме размещалось 704 заключенных[234]! Тюрьма просуществовала до середины XX века. Позже в ней, что еще более показательно, разместили детскую больницу (Sic!), а сейчас там кипит ресторанная жизнь.

Своего рода почетной ссылкой можно считать и выселение в Муром с 1764 года инвалидов лейб-гвардии Измайловского полка с выплатой жалованья в зависимости от чина от 10 до 120 руб. в год[235]. Район, в котором селилась инвалидная команда, в городе до сих пор называется Штаб (Штап).

Через Муром проходил Московско-Сибирский тракт и одно из ответвлений печально известной Владимирки, так что через город в разное время прошло много этапников и ссыльных, например, плененный под Полтавой капитан Бьенеборгского полка Хенрик Споре236 или светлейший князь Александр Данилович Меньшиков, который на пути в ссылку в Березово проплывал через Муром 2 мая 1728 года[237]. Екатерина II намеревалась отправить в Муром Емельку Пугачева, если «казак Перфильев с товарищи» сдадут его, как посулили, Г. Орлову, и даже издала об этом указ[238].

В мае 1812 года в Муром из Москвы были высланы иностранцы[239].

Во время одного из очередных покорений Кавказа в муромский монастырь заложником был увезен мальчик, сын горского князя. Фамилию ему дали Палисадов. Мальчик вырос, окончил семинарию, женился, стал настоятелем муромского Благовещенского собора, и фамилию получил новую, церковную – Вознесенский. Это был пращур поэта Андрея Вознесенского[240]. Зимой 1979 года для работы над поэ-

мой о своем предке – «Андрей Полисадов» – Вознесенский приезжал в Муромский музей. Сам поэт предупреждал, что его произведение не следует воспринимать буквально как биографию:

Это нашей семьи апокриф
Реставрировался в реальность.
Не являюсь его биографом,
но поэтом его являюсь[241].

Под надзор полиции в Муром ссылали «неблагонадежный и уголовный элемент». В 1912 году муромский городской голова И.П. Мяздриков на заседании уездной земской управы указал, «что в городе наблюдается хулиганство и безобразия со стороны проживающих в городе поднадзорных, просил о принятии против них каких-либо мер». Собрание мыслило глобально и постановило: «Возбудить ходатайство перед Правительством через губернское земское собрание, чтобы поднадзорных не рассылали по городам, как это делается теперь»[242].

Однако в полной мере сомнительную славу ссыльного города Муром снискал при советской власти. Именно здесь берет начало ГУЛАГ. В городе, наряду с Арзамасом и Свияжском, после июльского белогвардейского восстания 1918 года был создан один из трех первых советских концентрационных лагерей. В приказе № 10 от 8 августа председатель революционного военного совета Л. Троцкий писал: «Всем, всем, всем… В поезде Наркомвоена, где пишется этот приказ, заседает Военно-революционный трибунал, который снабжен неограниченными полномочиями. Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва-Казань т. Каменьщиков распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться трибуналом к другим мерам»[243]. К сожалению, сведениями о муромском концлагере я не располагаю. Косвенным подтверждением его существования служат факты из подавления 1919 году восстания в Меленковском уезде, но не в тех Меленках, что по соседству с Муромом, а в Черноморье. В восстании было замешано восемь реалистов в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет. После подавления мятежа их осудили к отправке в Муром. Но той же ночью, после

получения из центра телеграммы о немедленном расстреле «контрреволюционеров», все дети были казнены[244].

В период гонений на церковь в первые десятилетия советской власти Муром стал одним из центров так называемой катакомбной церкви. Во-первых, после закрытия Дивеевского монастыря в 1928 году здесь обосновалась группа его монахинь во главе с игуменьей Александрой (Траковской)[245]. Это не была ссылка в полном смысле этого слова, скорее – добровольный (насколько он мог быть добровольным в тех условиях) выбор места (в Муроме до 1934 года действовал Троицкий женский монастырь). Монахини, кстати сказать, сумели сохранить икону из кельи Серафима Саровского, и в 1981 году передали ее патриарху Пимену, в жизни которого после воркутинских лагерей в 1945 году также был муромский период[246]. (А. Проханов приводит слышанный от кого-то рассказ, что некогда Пимен, уже будучи патриархом, совершал паломничество по Оке и причалил к муромскому берегу, надеясь сойти и отслужить в местном храме молебен. Однако власти города не пустили его, ссылаясь на секретность града Мурома)[247]. Совершенно по-иному рассказывает о муромской жизни Пимена о. Н. Стройков: «Он, мол, де в 1945–46 гг. служил в этом (Благовещенском. – *Ю.С.*) храме. Это фальшивка. В то время мне было 15–16 лет, и я регулярно посещал богослужения в этом храме (другого-то не было), Пимена служащим я никогда не видел. Да в это время он (простите меня) просто болтался в Муроме, демобилизовавшись (как говорили) из армии. Здесь я встречался с ним у схиигумена Савватия (Крутень) и только. Но вот вскоре после Мурома Пимен пошел в гору и стал духовником Алексия I (Симанского). Это верно.

Здесь, в Муроме, в эти годы в маленьком домике у стен монастыря… жила с монашками некая матушка Мария (звали ее игуменьей, но говорили, что она просто до разгона монастырей была келейницей у игуменьи, а вот какого монастыря не знаю, просто мне это было ни к чему). Важно другое, что эта фигура была… значимой… Так что Пимен не просто так здесь жил, и именно отсюда он начал свое восхождение, не потому ли и не узнавал потом (в упор) своих муромских благодетелей»[248].

По сути это был тайный монастырь в миру. Монахини жили замкнутым кругом, по монастырскому уставу, несмотря на то, что многие из них были вынуждены устроиться на работу. Сведений об их жизни

чрезвычайно мало, все, что известно, в основном почерпнуто из воспоминаний А.П. Арцыбушева (его мать была дочерью царского министра юстиции А.А. Хвостова)[249]. Многие другие монахини имели также высокое происхождение, получили в свое время хорошее образование и до революции завоевали известность своей общественной деятельностью. Словом, это были яркие личности, по разным причинам оказавшиеся сначала в Дивееве, а потом в Муроме, как, например, В.В. Щербова (в девичестве Законопниц-Грабовская) из четвертого поколения семьи крупных петербургских предпринимателей[250], или княгиня Татьяна Голицына, в начале 1900-х бывшая фрейлиной царского двора, талантливая художница, высланная по постановлению НКВД[251].

Во-вторых, в то же самое время в Муроме оказалось много репрессированных священников, которые, собственно, и вели «катакомбную» жизнь. «Было очень много ссыльных, большей частью высланных из Москвы так называемых церковников, – вспоминает очевидец. – В то время шло гонение на всю активную интеллигенцию, она группировалась, создавая свои общины при храмах, в которых еще уцелели и служили высокие духом и крепкие верой батюшки: о. Серий Мечев, о. Серафим Битюгов, о. А. Эльбсон, о. Серафим Звездинский (служил в Меленках) и многие другие»[252]. Среди них – архиепископ Тамбовский Зиновий (Николай Дроздов)[253], с которым монахини поддерживали связь. Некоторое время в Муроме жил позднее причисленный к сану великомучеников Сергий Голощапов (1934)[254] (к сану великомучеников был причислен и Серафим Звездинский[255]). На два года сосланы в Муром арестованные вместе с архиепископом Приамурским Евгением протоиерей Илья Масалов, священники о. Алексей Покровский, о. Василий Кетлевский, о. Василий Осипов и о. Александр Самсель[256]. Здесь же находился бывший Тульский архиепископ Борис (Шипулин)[257]. В 1930 году избрал Муром местом своей ссылки протоиерей И.И. Виноградов, обвиненный как активный участник нелегальной контрреволюционной церковнически-кулацкой повстанческой организации в г. Мосальске. Однако вину свою он не признал, почему и был отправлен в ссылку[258].

И, наконец, к этому кругу, видимо, примыкала и часть других ссыльных или скрывающихся в Муроме от репрессий. Некоторые женщины из их числа принимали тайный постриг.

В муромской ссылке в 1931 году скончалась Е.И. Арсеньева, урожденная д'Альвеню фон Гогенданс, жена К.К. Арсеньева, известного юриста, критика и публициста, одного из редакторов энциклопедии Брокгауза и Ефрона, почетного академика по разряду изящной словесности. До революции она усердно занималась благотворительностью и уже в 1875 году входила в общество для пособий бедным женщинам Петербурга. После смерти мужа, последовавшей в 1919 году, она ушла в монастырь, а незадолго до смерти приняла схиму с именем Василиса[259].

Сосланной из Москвы в Муром оказалась семья священника Сидорова. Его дочь Вера была замужем за графом Бобринским, а жена, знавшая три языка, во время Отечественной войны работала санитаркой в медпункте на пристани, а чтобы прокормить детей, ходила еще в деревню, где работала учительницей[260].

С. Щеглов, живший с матерью в Муроме, а в 1941 году уже в Москве, будучи студентом, арестованный за «создание в городе Муроме молодежной антисоветской террористической фашистской группы», вспоминал: «Моя мама до 1918 года была учительницей. Но потом она прочно уверовала в Бога и ушла из школы, заявила, что не хочет воспитывать детей атеистами, и стала частной портнихой. Меня она в школу тоже не пускала, учила сама. Муром тогда еще служил местом ссылки, среди ссыльных было много игумений закрытых монастырей, они меня и воспитывали. Мама постоянно ходила в церковь и мечтала, что я стану священником. А я был очарован красотой богослужений: музыкой, пениями, одеждой, – участвовал в службах и всем этим жил»[261].

В ноябре 1937 года по муромской религиозно-ссыльной общине был нанесен страшный удар. По следственному делу № 11 363 было сфабриковано обвинение ряда лиц, в том числе и священнослужителей, по созданию «контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации» в Муроме под руководством И. Гладышева, которая, по мнению следователей, ставила целью «проводить вербовку в организацию новых членов из числа церковников и бывших людей, совершать диверсии на промышленных предприятиях и террористические акты над руководителями ВКП(б) и Советской власти района, создать повстанческие отряды,

которые бы в случае войны смогли поднять восстание в тылу, воссоздать монастыри, вести антисоветскую пропаганду за выход из колхозов, за веру в бога, за посещение церкви, против посещения культурно-просветительских учреждений, распространять провокационные слухи о скорой гибели Советского Союза… организация вскоре насчитывала свыше 60 чел участников, в подпольный монастырь было вовлечено до 45 монашек. В подпольном монастыре производился тайный постриг»[262].

Аресты лиц, проходивших по этому делу, начались раньше, в августе. Тогда была арестована мать С. Щеглова: «Чекисты наблюдали за такими людьми… и когда понадобилось выполнять разнарядку Ежова и Сталина по арестам и расстрелам, маму взяли». Когда Сергей вернулся домой из деревни, где он был во время ареста матери, то «обнаружил полный разгром: вещи разбросаны, книги на полу. У мамы была большая библиотека, лучшие книги забрали чекисты. Взяли роскошно изданную серию "Вселенная и человечество", всю русскую литературу от Пушкина до Толстого»[263]. Почти сразу же был арестован и отец Щеглова, который к этому времени разошелся с семьей. После ареста родителей мальчика забрал к себе брат матери и устроил на работу и в школу для взрослых. «И я внезапно оказался в окружении своих ровесников, – продолжает С. Щеглов. – Большинство были атеистами и комсомольцами, поэтому я тоже вступил в комсомол. Мы, те, кто интересовался не только водкой и девушками, начали тянуться друг к другу. Таких людей оказалось немало, а я отличался особой активностью: стал редактором стенгазеты, организовал в школе литературный, исторический, театральный и экономический кружок, где мы замахнулись на изучение "Капитала" Маркса. Уже в 14 лет я каждый день покупал "Правду" и "Известия". Веры в то, что там пишут, не было, я видел, что пропадают люди, и знал, что это не могут быть враги народа: директор школы, главврач поликлиники. Но была главная вера: советская власть – раз и навсегда, и все, что происходит – исчезновение людей, аресты, – искажение ленинской линии. В наших кружках мы часто говорили довольно откровенно. Беспокоило нас, говоря современным языком, отсутствие демократии. За нами быстро установили слежку. А в 1939 году меня повесткой пригласили в муромское отделение НКВД. Со мной очень

дружелюбно беседовал какой-то капитан, спрашивал, не замечал ли я каких-то антисоветских высказываний, не слышал ли политических анекдотов. Я пообещал, что немедленно приду к нему, если что-то такое услышу, и рассказал об этом друзьям. Но потом мы поняли, что некоторые из нашей компании на такое предложение согласились».

Уже сидя в Лубянке Сергей размышлял: «Отец эсер, мать сидит, я организатор террористической группы – куда дальше-то? И стал я готовиться к расстрелу. В материалах следствия особо отмечалось, что на экономическом кружке мы читали "Капитал" Маркса… Так что чтение Маркса мне засчитали как антисоветскую деятельность. Удивления от того, что я, двадцатилетний студент, – глава террористической организации, у меня не было. Мы знали, что тот же Аркадий Гайдар в 16 лет командовал полком, и полностью брали на себя ответственность за свои поступки»[264].

По делу о «контрреволюционной церковно-фашистской диверсионно-террористической организации» был вновь обвинен И.И. Виноградов, и, хотя ни в одном из предъявленных обвинений виновным себя не признал и показаний ни на кого из остальных обвиняемых не дал, был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества и заключен в муромскую тюрьму, где, по неофициальным данным, и умер[265]. По этому делу были расстреляны двадцать четыре человека, часть – сослана в исправительно-трудовые лагеря[266]. Однако, как это ни покажется странным, многие монахини тайного монастыря не проходили по этому делу и продолжали жить в Муроме. Игуменья Александра умерла здесь в 1942 году, В. Щербова – в 1968. Возможно, что известную роль в этом сыграло обращение Щербовой к маршалу К.Е. Ворошилову. Дело в том, что в 1937 году в Муроме после сборов в Гороховецких военных лагерях был проведен большой военный парад, а В. Щербовой как санитарному врачу удалось предотвратить падеж лошадей в армейских частях. Когда Климент Ефремович, якобы, спросил Щербову о награде, она пожаловалась на притеснение монахинь со стороны властей. А через несколько дней после парада начался процесс… Хотя сейчас, когда мы уже имеем представление о механизме советских репрессий, в заступничество «народного маршала» верится с трудом.

В 1937 году была «раскрыта» еще одна «антисоветская сектантская террористическая группа» – Евангельских христиан-баптистов. Руководителя общины Г.А. Разумова и одного из ее членов – В.В. Матвеичева – обвинили в антисоветской пропаганде. Оба были приезжими – один из Сормова, второй – из Кировской области. Приговор тройки УНКВД по Горьковской области был, можно сказать, стандартным: высшая мера наказания[267].

Кроме религиозно-ссыльных в Муроме были, конечно, и светские. Однако пока нет оснований говорить, что это была какая-то община, живущая своей жизнью, хотя знакомство и дружбу некоторые из них водили между собой. Например, восприемницей при крещении А. Епанчина, впоследствии муромского краеведа, была сосланная в Муром за дворянское происхождение М.А. Сенько-Поповская, жена бывшего вице-губернатора Орла[268] (правда, это было уже в послевоенное время – А.А. Епанчин родился в 1948 г.). Отбывал ссылку в Муроме его уроженец, врач и ученый секретарь Трансгималайской экспедиции Н. Рериха К.Н. Рябинин, работавший здесь педиатром[269], изготовлением примитивных светильников зарабатывал на жизнь известный архитектор В.Н. Максимов[270].

Вдова бывшего шталмейстера (начальника дворцовых конюшен) Софья Александровна Голицына (урожд. Вяземская) и двое ее взрослых детей Татьяна и Александр в Твери, где они жили, потому что у Татьяны уже было ограничение в месте проживания, были обвинены и арестованы в мае 1931 года по групповому делу. В августе того же года их освободили, но опять же с ограничением проживания на три года. Поселились они в Муроме. Март 1934 г. принес Татьяне пересмотр приговора: по личному ходатайству Е.П. Пешковой оставшийся срок наказания постановили считать условным, однако со всей семьей Татьяна оставалась в Муроме до 1935 года[271].

В ноябре 1936 года после казахстанской ссылки в Муроме с семьей оказался боевой царский офицер, награжденный многими орденами, изобретатель скорострельной пушки, создатель новой тактики артиллерийского боя, генерал-лейтенант от артиллерии, бывший начальник Главного артиллерийского управления российской армии Д.Д. Кузьмин-Караваев. В советское время он добровольно вступил в Красную Армию, служил в Комиссии научных артиллерийских

опытов на полигоне, затем в артиллерийской академии, с 1924 – персональный пенсионер. В 1943 году Кузьмину-Караваеву не только восстановили пенсию, но даже наградили орденом Ленина «за многолетнюю службу и выдающуюся деятельность в области развития русской артиллерии». Однако выехать из Мурома запретили. Пришлось купить здесь небольшой домик и доживать в нем свой век до 1950 года[272].

В.И. Калинкин, лауреат Государственной премии СССР, Заслуженный геолог Узбекистана, Почетный разведчик недр СССР, кандидат геолого-минералогических наук, посвятивший жизнь поискам урановых месторождений, вспоминал, как их семья оказалась в Муроме. В деревне Аньково Ивановской губернии одновременно арестовали его мать, которая была председателем колхоза, и отца. Отца взяли за то, что он, видя в каких условиях живет его скотина, сданная в колхоз, попытался за ней ухаживать. Во время ареста «все, что имело какую-то ценность, забирали». Дети остались без средств к существованию. «После ареста родителей мы боялись выходить из дома… боялись ходить в школу». В свою очередь, родственники тоже боялись общаться с детьми, и, если и забегали к ним, то ночью, когда никто не видел. После того, как мать выпустили, семья переехала в Муром, где отбывал ссылку отец. «Почему сослали нас именно в Муром, до сих пор не понимаю (выйдя на пенсию, В. Калинкин вернулся в Муром. – *Ю.С.*) Когда вся семья там объединилась, хотя бы морально стало легче жить. А жили мы в маленькой комнатке у очень старенькой бабушки на улице Пролетарской. Отец, хотя и ссыльный, сразу же устроился на работу, сначала сторожем фруктового сада, потом перешел шорником на "Станкопатрон"… Однажды пришел домой радостным. За хорошую работу его наградили бесплатной путевкой в дом отдыха "Карачарово", располагавшийся в бывшем графском поместье на берегу Оки». В 1936 году отца посадили в тюрьму «за связь с иностранной разведкой»[273].

«За шпионаж в пользу Германии» в декабре 1937 года был арестован, а в марте 1938 расстрелян Ф.Ф. Беккер, немец, родившийся в Югославии, в 1915 году попавший в русский плен и после многих лет в лагерях военнопленных попавший в Муром. В Муроме он работал парикмахером[274]. Годом позже был расстрелян И.О. Валейко,

приехавший в 1931 году в Муром уроженец Белоруссии, машинист-обкатчик[275].

А.Ф. Шидловский, бывший Архангельский вице-губернатор, основатель и председатель Архангельского общества изучения Русского Севера (1908), ученый, человек, в царское время много сделавший для облегчения участи политических ссыльных, в марте 1935 года был лишен «права проживания в 15 режимных пунктах СССР без указания срока». Ему безрезультатно пытались помочь академик А. Ферсман, старший геолог АН СССР Н. Кулик, заместитель директора Арктического института В. Визе, депутат Верховного Совета СССР, заместитель директора Главсевморпути Э.Т. Кренкель. Местом ссылки семидесятидвухлетний Шидловский выбрал Муром, потому что там уже отбывал свою ссылку его приемный сын Н.Н. Янкуло. Перебивался Шидловский случайными заработками, например, в 1937 году он составил подробные описи археологических предметов из Подболотьевского могильника для муромского музея[276].

Не чувствуя за собой никакой вины, Шидловский писал письма в Комиссию Советского контроля ЦКК ВКП(б), депутату Верховного Совета СССР В.Л. Комарову, наркому внутренних дел Л.П. Берия, и, наконец, Сталину: «Проживая в г. Муроме, лишен возможности продолжать свою деятельность… в моем преклонном возрасте искать иных путей для работы, а следовательно и для существования, немыслимо; оставаться же пассивным наблюдателем грандиозных успехов Советского строительства на Севере, когда я сам с 1907 года, создав Архангельское общество… стремился поднять интерес к этому Северу, очень тяжело»; «При выдаче… паспорта… с меня была взята подписка о невыезде… я оказался лицом, бессрочно отданным под гласный надзор органов НКВД… я не мог найти тут никаких научных занятий; поступить на службу я также никуда не мог, потому что выселенных из Ленинграда на службу не принимают». Однако судьбу его решали совсем другие люди: в феврале 1941 года оперуполномоченный 1 отдела ГЭУ НКВД лейтенант Веретенников в Москве постановил: «Жалобы оставить без удовлетворения». Его начальник – младший лейтенант Корольков наложил резолюцию «Согласен», а начальник секретариата Особого Совещания при НКВД СССР капи-

тан Иванов утвердил это решение. И А.Ф. Шидловский, и его жена, и приемный сын умерли в Муроме[277].

В 1933 году с семьей, без средств к существованию и даже без хлебных карточек, на временной прописке под надзором соответствующих органов в городе оказался потомок императора Римской империи Оттона IV, внук поэта-славянофила А.С. Хомякова, родственник первого советского наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, ныне почитаемый как новомученик Ф.А. Челищев. Чтобы прокормить новорожденного сына, он сдавал в Торгсин спасенное матерью столовое фамильное серебро. Чудом сохранились его стихи – и дореволюционные, и написанные в лагерях и ссылках. И, если в 1909 году, будучи тридцатилетним мужчиной, он с юношеским задором писал:

Я духом бодр. Пускай грохочут волны.
Ключом живым в груди отвага бьет.
И знаю я – того, чем сердце полно,
Ни буря, ни пучина не возьмет, –

то муромские строки, сложенные в 1934 году, уже совершенно по-иному отражают и его собственное настроение, и обстановку всеобщего предательства, в которой приходилось жить изгоям пролетарской страны, –

И в толпе, где рассеянный взор твой скользит,
По бродящим туда и сюда,
Вдруг почувствуешь страшно, что кто-то глядит,
И внезапно наш встретится взгляд.
Отвернется, досадливо дернув плечом,
И улыбка скривится у рта.
Но тебе не забудется долго потом
Этих страшных двух глаз пустота[278].

Видимо, в 1941 или 1942 году в Муром после пяти лет лагерей был сослан Николай Мешков (22.04.1885–11.08.1947). С тюремными застенками он познакомился еще в царское время, отсидев как участник революции 1905 года в Таганской тюрьме. А в 1906 году он начал публиковать свои стихи и дореволюционной критикой был причислен к поэтам бунинской школы. Сентябрем 1913 года датируется одно из писем И.А. Бунина Мешкову: «Крепко целую Вас за полученное – и за Ваше чувство ко мне и за посвящение, очень буду рад, если Вы

будете у нас. В тех стихотворениях, что Вы прислали мне, очень тронуло меня многое, но мне уже хочется от Вас более сильных, мужественных нот». Мешков отвечал: «Очень я соскучился по Вас, дорогой Иван Алексеевич, скорблю, что встречи наши так редки и так редко приходится слышать от Вас Ваше живое и страшно ценное для меня слово… Дорогой мой Иван Алексеевич! Разрешите мне книгу посвятить Вам, как знак моей благоговейной любви, ибо писать я учился у Вас, и в свободные минуты творчества Ваш образ всегда со мной и надо мной».

И до, и после революции он участвовал в литературных кружках и объединениях, в которые входили известные писатели, поэты, литературоведы: Б. Зайцев, В. Кириллов, А. Соболь, И. Гроссман, И. Розанов, С. Шувалов, В. Дынник, Вяч. Иванов, Г. Чулков, Андрей Белый, М. Сабашникова, М. Цветаева, К. Бальмонт, П. Зайцев, А. Мариенгоф, И. Соколов, М. Ройзман, А. Кожебаткин Б. Садовской, А. Гурьев, Б. Пастернак, С. Бобров, С. Дурылин, К. Локс, Ю. Айхенвальд, Л. Гроссман, А. Луначарский, Л. Леонов, В. Качалов, В. Маяковский, И. Касаткин, А. Неверов, А. Новиков-Прибой, П. Орешин, Н. Ляшко, В. Львов-Рогачевский, В. Вересаев, Ю. Слезкин и многие другие. В одно из творческих объединений, «Дворец искусств» Мешков был принят по рекомендации Б. Пильняка. Дружеские отношения связывали его с Ф. Шаляпиным, С. Есениным, дарование которого, впрочем, как и А. Ахматовой, Мешков заметил и оценил одним из первых. Я специально привел эту, пусть далеко не полную, череду имен, чтобы можно было представить, в каком будирующем окружении проходила творческая жизнь Мешкова.

Его стихи – тонкая и прозрачная, «акварельная», ориентированная на русскую классику пейзажная лирика:

Предутренний зеленый серп
Сияет, встав, над берегами.
Бледнея, клонит на ущерб
Ночь над росистыми лугами.
И дрогнуло сиянье звезд
В воде и в небе над Окою.
Неясный шум грачиных гнезд
В садах деревни за рекою.

Кричат вторые петухи.
Поголубело, хоть и рано,
И плавают берез верхи
В дыму молочного тумана.
Росистый запах мокрых трав,
Озябший луг, как снег, белеет,
И по росе душистой, встав,
Заря светлеет и светлеет.

Это стихотворение «Утро на Оке» написано еще тогда, когда любование заокскими далями было для него делом добровольным, приятным и недолговременным. Репрессивная власть предоставила ему принудительную возможность долгосрочно «любоваться» окскими берегами, когда после пяти лет лагерей Мешкова отправили на поселение в Муром. Здесь он работал сторожем в больнице, стихов не писал – слишком горькой и жестокой была проза жизни. «Я живу так ужасно и плохо, как никогда еще не жил. Несмотря на поддержку из Москвы (Маша и Ваня), живу буквально впроголодь, такая дороговизна. А последние 4 дня сижу на одном хлебе – и больше ничего. Психика моя разваливается, и скоро буду как Анка (его дочь Анна очень тяжело переживала арест отца, получила "духовное сотрясение" и умерла. – *Ю.С.*)… Мне невыносимо тяжело: надвигается ужасный конец в полном одиночестве», – с провидческим отчаянным спокойствием сообщал Николай родным за три месяца до смерти[279].

Не буду вслед за булгаковским героем рассуждать о том, «как причудливо иногда тасуется колода». Выше я уже упоминал о пращуре одного из ярчайших представителей советской поэзии Андрея Вознесенского. Так уж повелось, что этот поэт обычно упоминается через союз «и» с другим – Евгением Евтушенко, невольно вызывая желание провести параллели и отметить пересечения их жизненных линий. Не удастся избежать этого и в нашем случае. Прадед Евтушенко по отцу – Рудольф Вильгельмович (Иоганн Рудольф) Гангнус – знаменитый математик, автор (совместно с Ю.О. Гурвицем) учебника по геометрии. В 1938 году он был арестован сотрудниками НКВД прямо на уроке:

Латыш-математик,
соавтор учебника «Гурвиц-Гангнус»,
носил золотое пенсне,

но строго всегда говорил,
что учатся по-настоящему
только на медные деньги.
Дедушка голоса не повышал никогда.
В тридцать седьмом
на него
повысили голос,
но, говорят,
он ответил спокойно,
голоса своего не повышая;
«Да, я работою в пользу Латвии,
тяжкое преступление для латыша…
Мои связи в Латвии?
Пожалуйста РАЙНИС…
Запишите по буквам:
Россия,
Америка,
Йошкар-Ола,
Никарагуа,
Италия,
Сенегал…»

Осудили Гангнуса «за буржуазность его математики» и «шпионаж в пользу буржуазной Латвии». Отбыв в Каргопольлаге пять лет, он, получив, как и многие другие осужденные, еще пять лет «по рогам» – так на лагерном жаргоне называлось поражение в правах – до 1948 года был сослан в Муром. В Муроме ему повезло: он преподавал математику в женской школе. В 1949 году Р.В. Гангнус умер в Москве, куда вернулся «по разрешению властей»[280].

Приведенная подборка имен достаточно произвольна, хотя бы потому, что тема ссыльного Мурома еще требует исследования. Скорбный список ссыльных, которые в иной ситуации могли бы составить мировую славу города, можно весьма и весьма продолжить. К великому сожалению, картотека поднадзорных была сожжена во время разгрома муромской милиции в 1961 году.

Показательно то, что эти очень незаурядные люди практически не оставили следа в жизни провинциального города. Как и почему это произошло – требует дальнейшего исследования. Несомненно, прав

Н. Челищев, писавший, что «мои родители – печальный пример полной невостребованности репрессированной дворянской интеллигенции в советское время. Этих высоконравственных и образованных людей исключили из жизни»[281]. Прав и некто kalakazo, отметивший в своем живом журнале: «Не было в Муроме и того, что именуется "культурной средой"; мир потаенных монахинь, семьи ссыльных кучковались и скрытничали в междусобойчиках»[282]. Казалось бы, все вполне очевидно: классовая политика нового тоталитарного государства диктовала именно такой подход и создавала именно такие условия.

Однако как же быть с В.В. Стратоновым, к воспоминаниям которого я столь часто обращаюсь в этой работе? За пять лет до революции, прожив в Муроме всего год, «мы с женой решили уезжать из Мурома – все равно куда, хотя бы с выходом в отставку. Но так продолжать – значило бы довести себя до настоящего удара, от которого уже не оправишься»[283]. Всеволод Викторович Стратонов (1869, Одесса – 1938, Прага) – ученый-астрофизик. В 1891–1892 гг. работал на астрономической обсерватории Новороссийского университета, в 1892 г. был откомандирован в Пулковскую обсерваторию, где работал два года. В 1894 г. направлен в Ташкент, где специально для него была учреждена должность астрофизика. В течение десяти лет, проведенных там, с помощью сконструированных им астрографов он сделал более четырехсот снимков звездного неба и небесных объектов: шаровых и рассеянных звездных скоплений, малой планеты Эрос, Млечного Пути, светлых и темных туманностей, переменных звезд и поверхности Солнца. Им было открыто убывание числа звезд в Млечном Пути с широтой, а также их распределение по долготам, обнаружены волокнистые и клочковые структуры в туманностях, окружающих скопления ярких звезд. Он измерил скорости вращения Солнца на разных широтах по наблюдениям горячих облаков в атмосфере Солнца и сделал вывод, что не существует единого закона вращения Солнца. Этот научный труд был отмечен премией императора Николая П. Стратонов также занимался наблюдениями метеорного потока Леонид, исследованием переменных звезд, выявил сложность строения нашей Галактики. Одним из важнейших результатов этого исследования явилось открытие звездных облаков, о чем в 1900–1901 годах опубликовал большую работу «Исследования строения

Вселенной». Кроме этого, на свои средства им было издано несколько книг по астрономии: «Здание мира» и роскошно оформленная книга «Солнце», удостоенные премии Русского астрономического общества; монография «Звезды»; тремя изданиями вышел учебник «Космография».

Его карьера астронома-наблюдателя прекратилась из-за болезни глаз. Из Ташкента он уехал на Кавказ, где стал служить чиновником для особых поручений при наместнике Кавказа и открыл собственный банк, который через некоторое время разорился. После этого Стратонов и оказался в Муроме, как уже говорилось, контролером Муромского банка.

Переехав сразу после революции в Москву, Всеволод Викторович стал консультантом Наркомпроса по изданию научной литературы, в числе ряда других видных ученых вошел в состав оргбюро Туркестанского государственного университета; в 1920 году был избран деканом физико-математического факультета МГУ, одновременно заведуя физико-математическим отделением Главной государственной библиотеки в Москве (позднее – библиотеки им. В.И. Ленина); вошел в состав Организационного комитета и Астрофизического совещания при нем по постройке Главной Российской астрофизической обсерватории и был одним из основателей Российского астрофизического института (РАФИ) и его директором.

В 1921 году в знак протеста против вмешательства властей в деятельность университета Стратонов организовал забастовки профессуры МГУ, а в августе 1922 арестован и в октябре того же года вместе с большой группой ученых выслан из РСФСР. Оказавшись в Берлине, а затем и Праге, В.В. Стратонов продолжил свою научную, научно-организационную и педагогическую деятельность, издал несколько книг[284].

Вот такого человека Муром буквально выдавил из себя еще тогда, – повторюсь, – когда это не было политически спровоцированной необходимостью, когда не был официально поставлен вопрос «кто кого». Через два десятка лет Муром уже не просто не принял таких людей, а при первой возможности принес ими заменительную, или, говоря сакральным языком, симпатическую жертву: «Всегда и везде муромляне крепко держались друг за друга»[285].

Дело в том, что из 1189 человек, репрессированных в Муроме и Муромском районе, уроженцев Мурома, там же и проживавших, всего 94; уроженцев района, проживавших там же, где родились, а, следовательно, там же и арестованных, 346 человек (причем, в это число я включил и военнослужащих, место ареста которых неизвестно – в справочнике «Боль и память: Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области» указано только их место рождения). Родившихся в каком-либо другом месте и проживавших в районе – 98, родившихся в Муроме и живших в районе – 3. Наибольшее число арестованных составляют «чужаки»: 128 человек родились в Муромском районе и проживали в Муроме, 518 – приехали в Муром из других мест, всего 646, т.е. более половины всех репрессированных. С учетом 101 «чужака», репрессированного в районе, число вырастает до 747[286]. Таким образом, это число становится не только значительным, но и весьма показательным. Из числа интеллигенции подверглись политическому террору 276 человек[287].

Даже без детального подсчета обращает на себя внимание тот факт, что среди «иногородних» в Муроме присутствуют две большие группы – уроженцы западных областей Российской империи (Польши, Белоруссии, Украины, Прибалтики) и восточных – (Харбина, Приморья, Восточной Сибири). Первая волна мигрантов осела в Муроме в 1915 году, когда жители западных областей России были сорваны с насиженных мест Первой мировой войной. Во время летнего отступления русских войск в 1915 году эвакуационные волны докатились и до Московско-Казанской железной дороги. С 1 августа по 26 сентября дорога приняла 7882 вагона с беженцами и грузами, и около половины из них было разгружено на станциях дороги[288], соответственно, часть оказалась в Муроме.

Вторая волна, среди которых было много железнодорожников, – пришла в Муром с Китайско-Восточной железной дороги. До 1935 года дорога управлялась совместно Китаем и СССР, а затем наша страна была вынуждена уступить ее Манчжурии. Тогда-то многие выходцы из России, работавшие там, вернулись на родину, где многим из них, как, например, арестованному в Муроме в 1937 году железнодорожнику Б.А. Нероде с семьей, была уготована участь «завербованного в агенты японской разведки с целью шпионажа на тер-

ритории СССР»[289]. Еще одну, третью, группу составляли мигранты, занесенные в Муром революций, гражданской войной. Четвертую – жители окружающих деревень и городов, которые вписывались в обычные миграционные процессы, связанные с развитием промышленности, оттоком сельского населения в города и т.п.

Давно уже не секрет, что, кроме дел, инспирированных разнарядкой свыше, основным поводом для репрессий были доносы, которыми нередко сводились личные счеты. За некоторыми беглецами от революции и гражданской войны тянулся «старый след», который, вне зависимости от степени реальной вины человека, также мог стать серьезным поводом для ареста. У муромцев же сработал инстинкт самосохранения: повязанные круговым родством и свойством, они стали «сдавать» чужаков. Как говорится в современных фильмах – «ничего личного».

Как это ни странно, но в Муроме в 1938–1939 годах скрывался от грозящего ему расстрела бывший нарком внутренних дел Украины А.И. Успенский. В Киеве он инсценировал свое самоубийство, оставив записку: «Труп ищите в Днепре», – а в Муроме появился по совету своей любовницы Матсон, которая считала, что здесь она сможет получить место врача[290]. Так и получилось: Матсон в Наркомздраве выхлопотала назначение на место заведующей родильным отделением больницы, а об Успенском, который вел скрытный образ жизни и выходил на улицу только по вечерам, говорила соседям, что это ее муж – писатель, который целыми днями работает над новой книгой. В конце концов, Успенский попытался прописаться в городе по фиктивному паспорту и таким образом проверить, не разыскивают ли его. В милиции на него не обратили внимания. Однако в апреле 1939 года он был арестован[291].

После Великой Отечественной войны в Муроме существовал проверочный лагерь, где проходили «фильтрацию» советские солдаты, побывавшие в плену[292]. Фильтрационный лагерь, по воспоминаниям В.И. Малых, сына формировавшегося до войны на этой территории гаубично-артиллерийского полка, находился в Карачарове, в бывшем имении Уваровых[293].

«Закрытость» города стала официальной: Муром был напичкан оборонной промышленностью, для иностранцев он был недоступен, а маршрут «Золотое кольцо», в который Муром вроде бы был вклю-

чен, обходил его стороной. «Муром – это, бесспорно, золотой город, но в Золотое кольцо он не входит. Его боятся показывать иностранцам из-за военных заводов, которые прилепили к Мурому ярлык "закрытый"»[294]. «Славен Муром не только своими куполами и алтарями, но и заводами: могучими, грозными, работающими на оборону родины. В советское время их было так много, их вклад в оборону был столь значителен, столь важны и необходимы были эти заводы для ракетно-ядерного щита СССР, что Муром, в конце концов, стал закрытым городом»[295]. Сюда же отправляли лиц, которым по советскому укладу запрещено было жить в пределах 100 км от Москвы, а также за различные провинности.

Так в 1951 году отцу писательницы Марии Арбатовой, который был начальником идеологического отдела газеты «Красная звезда», а к этому времени преподавал марксизм-ленинизм в Военной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского, в 24 часа предложено покинуть Москву и выехать в один из трех городов на выбор. Он выбрал Муром. Правда, его жизнь в ссылке резко отличалась от того, как жили ссыльные в Муроме двадцатых-тридцатых годов. Он продолжал читать лекции, получал неплохое жалованье, держал домработницу при неработающей жене и водил дружбу с секретарем горкома[296].

Практически в это же время, в 1950 году, видимо, попав под кампанию борьбы с космополитизмом, в Муром был выслан И.М. Зальцман. Его послужной список впечатляет: «Государственный деятель, генерал-майор инженерно-танковой службы (1945), Герой Социалистического Труда (1941), лауреат Сталинской премии (1946). С 1933 работал инженером на заводе "Красный путиловец" (Ленинград; с 1934 – Кировский завод), где в 1938–1942 занимал пост директора. Один из организаторов танковой промышленности во время Великой Отечественной войны. Продолжал руководить заводом во время блокады. После эвакуации завода за Урал с 1942 года директор завода имени Коминтерна (Свердловская область) и Кировского машиностроительного и металлургического завода (Челябинск). Одновременно с 1941 – зам. наркома, 14.07.1942–28.06.1943 нарком танковой промышленности СССР. В 1943–1949 директор Кировского завода в Челябинске. В 1946–1950 депутат Верховного Совета СССР. В сентябре 1949 исключен из ВКП(б) и уволен с работы. С трудом уст-

роился инженером на машиностроительный завод в Муроме, затем перевелся в Орел. После смерти И.В. Сталина в 1955 восстановлен в партии. С 1957 работал в тресте Ленгослес, с 1959 директор механического завода Ленгорисполкома». Пикантность ситуации заключается в том, что Зальцману сохранили все звания, ордена и даже номинальное членство в Верховном Совете СССР. Говорят, что в Муроме Зальцман каждый выходной в парадной генерал-майорской форме приходил в ресторан и заказывал три по сто граммов: за Героя Зальцмана, за генерала Зальцмана и за наркома Зальцмана[297].

Ссыльным город оставался примерно до середины шестидесятых годов XX века.

***

В Муроме, коварно обволакивающем столичного гостя засасывающей паутиной патриархального покоя и по-провинциальному бедном на яркие события, тем не менее постоянно происходит какое-то смутное брожение, изредка прорывающееся на поверхность, будто пузыри метана сквозь болотную топь.

В упомянутом уже противостоянии Василия II и Шемяки муромцы, вместе с князьями Ряполовскими, приняли сторону Василия. Узнав же, что у Оки находится посол от Шемяки к Улуг-Мухаммеду, «поимаша его и отведоша его во град, а после утопиша его»[298].

Особенно сильно «бучило» Муром в XVII веке. В 1607–1608 годах одним из предводителей крестьянского восстания стал Илейка Муромец (Горчаков), побочный сын муромского жителя Ивана Коровина[299], объявивший себя «царевичем Петром», сыном Феодора Ивановича. Даже на виселице он говорил, что «он на самом деле его сын и за это убеждение готов умереть»[300]. В Борисоглебском монастыре под Муромом скрывался от опасности Гришка Отрепьев[301]. Муром, переметнувшийся было на сторону самозванца, в 1609 году смирил воевода А. Алябьев[302].

Именно в Муроме протопоп Логгин впервые в православии начал читать проповеди, а патриарх, узнав об этом, наложил запрет: «Многое толкование вызывает только различные мнения, причиняющие лишь смятение и ереси»[303].

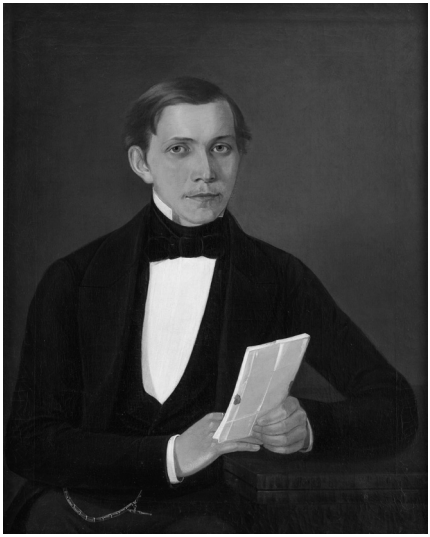
Достаточно долго Муром не принимал реформ патриарха Тихона, а Спасский монастырь оставался оплотом старообрядчества. Ар-

химандрит Антоний, возглавлявший монастырь, написал несколько воззваний о перстосложении, отправил государю челобитную с указаниями на неверности в исправлении богослужебных книг. В феврале 1666 года, после вызова на собор в Москву, он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь[304].

На земском соборе 1642 года выборные представители от Мурома А.Г. Монастырев, И.П. Власьев и С.И. Мертвый вместе с нижегородцами В.Ф. Приклонским и С.В. Онучиным выступили с ярким публицистическим обвинением, с которым и сейчас вполне актуально обратиться с думской трибуны: «А ныне при тебе государе твои государевы бояре и ближние люди пожалованы твоим государским жалованьем… многими поместьи и вотчинами, а твои государевы диаки и подьячие… будучи беспрестанно у твоих государевых дел и обогатев многим богатеством неправедным своим мздоимством, и покупили многия вотчины и домы свои строили многие, палаты каменныя такие, что неудобь-сказываемыя, блаженнныя памяти при прежних государех и у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жити»[305]. Через триста пятьдесят лет в Москве во время путча у Белого дома раздавались листовки, написанные муромским железнодорожником В. Чернышевым.

Первым последователем появившейся в середине XVII века секты хлыстов был муромский житель[306]. Радения хлыстов проходили на горе Городине в овеянных легендами Перемиловых горах неподалеку от Мурома. По преданиям местных сектантов сюда в образе человека спускался сам господь Сафаоф. А звали его Данила Филиппович…[307]

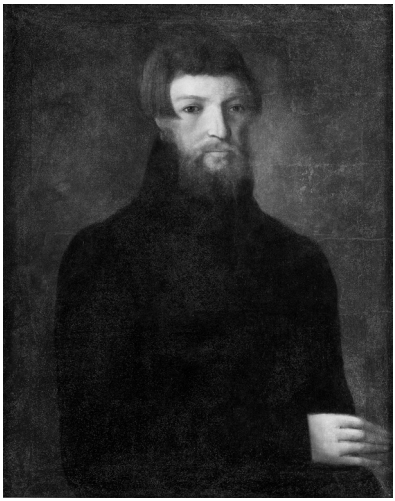
В июне 1670 года в муромском кремле произошел пожар, возникновение которого с большой долей вероятности можно связать с предшествовавшим арестом «раскольника старца Ивана», при котором были найдены письма «его, старцеви, руки» предосудительного содержания. Упуская все подробности этого дела[308], отмечу только, что по завершении «сыскного дела» старец Иван был сожжен в срубе. Выбор такого достаточно экзотического для России вида казни, возможно, был иезуитски определен принадлежностью старца к раскольникам, которые проповедовали «огненное крещение», т.е. самосожжение – единственную надежную дорогу в рай, хотя следует от-



Портрет муромского купца В.С. Суздальцева. Неизвестный художник. Конец 1830-х – начало 1840-х гг.(?). Муромский музей.

Герб города Мурома.
Фото Л.И. Глущенко.2020 г.

Город Муром. Ярмарочная площадь.
Начало XX в. Фотооткрытка. Муромский музей.



Портрет муромского купца К.И. Первова. Неизвестный художник. Конец 1820-х – начало 1830-х гг. Муромский музей.

Портрет муромской купчихи Е.Е. Сорокиной-Усовой. Неизвестный художник. 1817 г. Муромский музей.

И.С. Куликов. В русском наряде. 1916 г. Фото А.В. Нитецкого. Муромский музей.

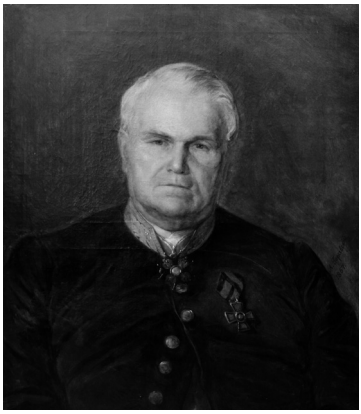
Праздничный русский наряд. Ожерелья девичьи XVIII–XIX в., кофта XIX в., сарафан XVIII – начало XIX в. Фото А.В. Нитецкого. Муромский музей.

Город Муром, ул. Московская (перспективная съемка). 1901 г.
Муромский музей.

Железнодорожный мост через р. Оку. Начало XX в.
Почтовая открытка. Муромский музей.

На железнодорожном мосту.
Начало XX в. Почтовая открытка.
Муромский музей.

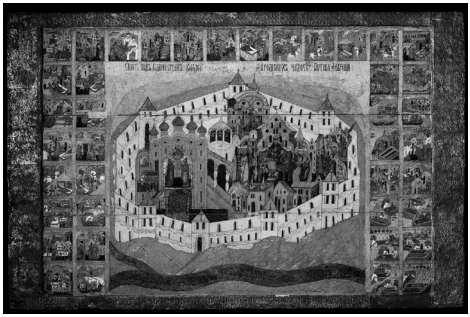
Город Муром, Козьмодемьянская церковь XVI в. Копия с рисунка В.П. Груздева, 1880 г. Снимок XIX в., сделанный Н.Г. Добрынкиным (?).
Муромский музей.



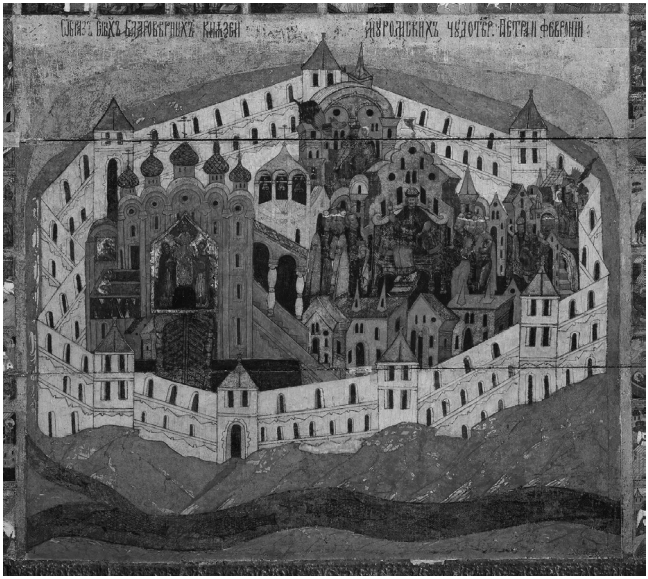
А.Г. Горавский. Портрет муромского городского головы Алексея Васильевича Ермакова. 1867 г. Фотография с живописного портрета.
Муромский музей.

Валентин Александрович Вощинин – муромский купец. 1890-е гг.
Фото Н. Сажина.
Муромский музей.

Козьмодемьянская церковь XVI в., г. Муром. 1930-е гг. Муромский музей.



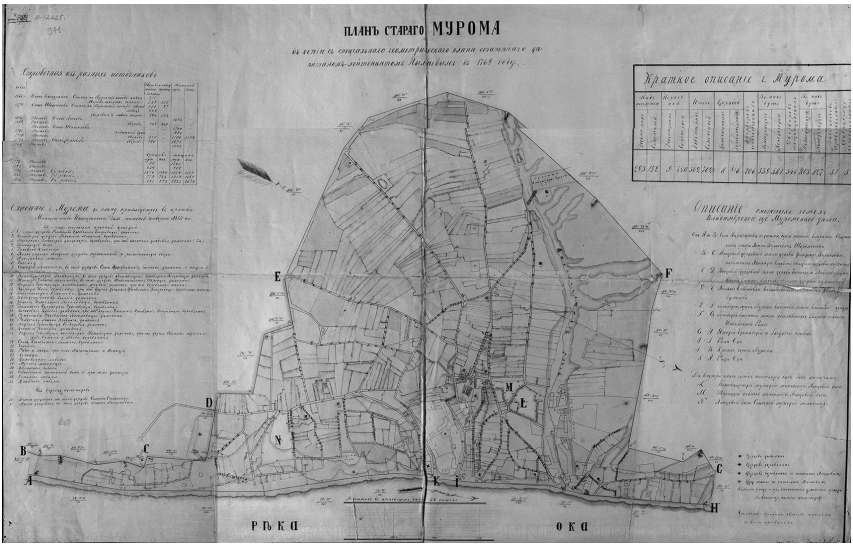
Икона «Святые благоверный князь Петр и княгиня Феврония Муромские с житием». Конец XVI – первая треть XVII в. Муромский музей.



Средник иконы «Святые благоверный князь Петр и княгиня Феврония Муромские с житием». Конец XVI – первая треть XVII в. Муромский музей.

Город Муром, ул. Толстого. Фото Л.И. Глущенко.

Город Муром, ул. Первомайская. Фото Л.И. Глущенко.



План старого Мурома в копии с специального геометрического плана, сочиненного капитаном-лейтенантом Пылаевым в 1769 г. Чертил И.П. Мяздриков, июль 1917 г. Муромский музей.

Город Муром, вид на тюрьму. Открытка. Муромский музей.

В.В. Стратонов
(1869–1938 гг.)
Интернет-ресурс, свободный доступ.

А.Ф. Шидловский
(1863–1942 гг.)
Интернет-ресурс, свободный доступ.

Панорама Мурома с восточной стороны. Базарный день.
Середина 1890-х гг. Фото И.П. Мяздрикова. Муромский музей.

Город Муром с видом на Оку, на кафедральный собор Рождества Богородицы и торговые ряды. 1895 г. Фото И.П. Мяздрикова. Муромский музей.

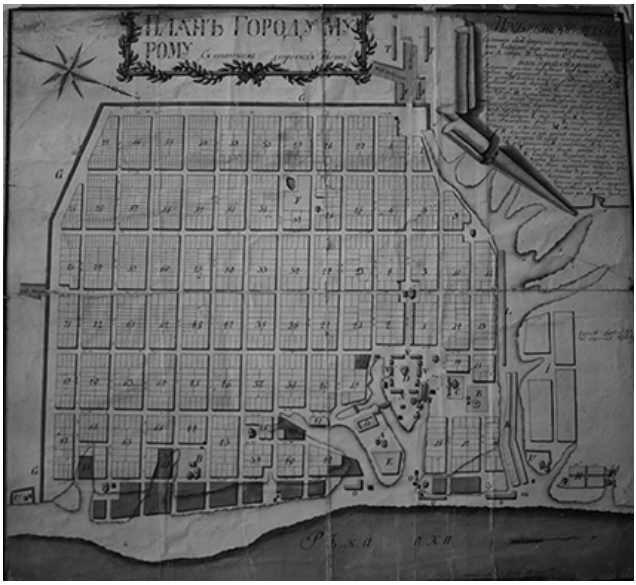
Город Муром. Центральная часть города (Рождественская площадь). 1901 г. Муромский музей.

Вид г. Мурома из-за реки.
Картина неизвестного художника. Середина XIX в.
Муромский музей.

Фондохранилище Муромского историко-художественного музея.
2020 г. Фото Л.И. Глущенко.

Выставочный центр Муромского историко-художественного музея.
2021 г. Фото Л.И. Глущенко.

Переправа Государя Императора Николая I в лодке через Оку
при посещении им г. Мурома. Картина неизвестного художника. 1834 г.
Фотокопия сделана в 1949 г. Муромский музей.



План городу Мурому с обозначением дворовых мест.
Чертил Муромский частный пристав Курбанов.
Начало XX в. (?). Муромский музей.

Город Муром. Вознесенская улица. Почтовая открытка. Начало XX в.
Муромский музей.

И.С. Куликов. Ярмарка в Муроме. 1910–1911 гг.
Фото А.В. Нитецкого. Муромский музей.

Город Муром. Общий вид. Почтовая открытка.
Изд. М. Кампель. Город Москва, 1914 г. Муромский музей.

Город Муром. Соборная площадь.
Изд-во Циммерман и Хавист, г. Москва. Начало XX в. Почтовая открытка.
Муромский музей.

Город Муром. Предтеченская церковь. Начало XX в. Почтовая открытка.
Муромский музей.

Город Муром, городской бульвар. Почтовая открытка.
Россия: Издание Всемирного почтового союза. Начало XX в.
Муромский музей.

Памятник святым благоверным
Петру и Февронии. Город Муром.

Памятник Илье Муромцу.

Набережная в г. Муроме. Фото Л.И. Глущенко.

Город Муром. Вантовый мост через р. Оку. Фото Л.И. Глущенко.

метить, что это не единственный случай сожжения осужденных при подавлении восстания Степана Разина.

В 1812 году протоиерей Г.Ф. Лекторский, настоятель Богородицкого собора в Муроме, выступил перед жителями города с необычной проповедью. Как человек образованный, знавший несколько иностранных языков, почитатель Вольтера, Дидро, Руссо и Гельвеция, он обратился к муромлянам с покаянием. Шла война с Францией, и совестливый священник не мог не признаться, что, чересчур увлекаясь дерзкими идеями французских писателей, «злоумышлял против спокойствия державы». Однако власти сочли покаяние сумасшествием и отправили его в тюрьму Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.

Совершенно неожиданное продолжение эта история получила через 17 лет, в 1829 году, когда в Судогодском, Ковровском и Муромском уездах были обнаружены тысячи прокламаций. «Никакой земной царь не смеет сказать человеку "ты мой" и во всем свете нигде сего нет, а у нас и дворяне по научению врага человеческого – дьявола – овладели уже двести лет людьми, как скотиною, и продают нас, как свиней», – вот что могли прочитать муромцы[309].

Дело вызвало такую озабоченность «на самом верху», что им занялась Первая экспедиция Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии – высший орган политического сыска. Экспедиция собирала информацию об общественном мнении («состоянии умов», т.е. менталитете в широком смысле этого слова), наблюдала за общественным и революционным движением, деятельностью отдельных революционеров, общественных деятелей, деятелей культуры, литературы, науки; занималась организацией политического сыска и следствия, осуществлением репрессивных мер (заключение в крепость, ссылка на поселение, высылка под надзор полиции), надзора за состоянием мест заключения. Через нее проходили дела, которым придавалось особо важное значение. Таковым было сочтено и дело «Лекторского общества»[310].

Еще была свежа память о декабристах, и поначалу решили, что прокламации – дело рук военных. Однако через некоторое время следственные органы вышли на двух муромских священников, знакомых Г.Ф. Лекторского – А.С. Лавровского и Канакина. Все годы, пока Лекторский находился в заключении, Лавровский поддерживал с ним связь, обмениваясь через «своих людей» шифрованными письмами.

Лавровский сразу же попал под подозрение: мало того, что в епархии у него была репутация неблагонадежного, так еще на допросе он признался, что «дышал пламенным чувством к своему злополучному другу». А у дьякона Канакина при обыске нашли переписанные от руки политические статьи. В результате оба, хоть и отрицали свою причастность к прокламациям, были арестованы и отправлены для «очищения» и «исправления» – Лавровский в Соловецкий, а Канакин – в Валаамский монастыри. Опуская описание всех их мытарств, скажу только, что Канакин вернулся в Муром под полицейский надзор в 1837 году, Лавровский – в 1840 (в 1842 году ему даже разрешили священнослужение), а Лекторский так и умер в 1841 году в Суздальском монастыре. Кто же был автором и распространителем прокламаций – так и осталось невыясненным[311].

В 1870-х годах в Муроме на площади арестовали двух офицеров, Аитова и Теплова, приверженцев «богочеловеческого движения», которые, основываясь на текстах Священного писания, проповедовали «неправду существующего строя и царской власти». При аресте у них действительно были найдены только выписки из писания[312].

В 1906 году в Муроме разгромлена первомайская демонстрация[313].

Октябрьский переворот муромцы встретили без особых восторгов. Однако серьезных «классовых сражений» здесь не было. Только летом 1918 года, кстати, в это время в городе размещался штаб Высшего военного совета Республики, произошло белогвардейское восстание, которое, судя по всему, было скорее инспирировано извне, нежели вызвано внутренними городскими причинами, хотя руководителем мятежа был муромский уроженец подполковник Н.П. Сахаров[314]. Едва ли можно говорить и о существовании белогвардейского подполья в городе. В протоколах Владимирского губернского революционного трибунала отражены факты, которые свидетельствуют о недовольстве населения теми мерами, которые власть проводила в городе, исчезновении многих предметов первой необходимости, дороговизне продуктов. Если, по воспоминаниям В. Стратонова, пожившим в разных частях империи и изумлявшимся дешевизне муромского рынка, в 1912 году зайца – а их на базар привозили целыми возами – можно было купить за 20–30 коп. (как четыре стакана молока), тетерку – за 40–60 коп., поросенка

за 1 руб. – 1 руб. 20 коп.[315], то в 1921 году уровень цен был совсем иной. Стоимость мяса, например с 1 сентября до 15 декабря выросла с 4 500 руб. до 14 000 за фунт, сливочного масла – с 20 до 60 тысяч, гречки – со 130 до 400 тысяч[316]. Так что едва ли можно говорить о спланированных действиях подполья. К группе, прибывшей с Сахаровым из Нижнего Новгорода, примкнули бывшие офицеры, служившие в уездном военкомате, учащаяся молодежь, случайные люди, которым пообещали жалованье 300 руб. в месяц (всего 140 человек)[317]. По свидетельству очевидца, заведующего «спекулятивным» отделом Муромской ЧК А.И. Кириллова, «местное купечество, интеллигенция и духовенство отнеслись очень сочувственно к белогвардейцам и помогали им подарками, хлебом, пряниками»[318]; в городском соборе епископ Митрофан отслужил благодарственный молебен об освобождении от большевиков, а потом вручил им деньги[319]. Все это, учитывая деловую осмотрительность муромлян, уж очень напоминает эпизод с Кислярским из Ильфа и Петрова: «А двести рублей не спасут отца русской демократии»?

Особо следует отметить «участие» в восстании группы еврейской молодежи, которая, выпросив в штабе винтовки и патроны[320], разошлась по домам, готовясь, судя по всему, к отражению еврейских погромов. В Муроме они уже были в 1906 году[321].

Скрываемое недовольство, пассивное сопротивление властям еще несколько десятилетий жило в Муроме. В архиве Муромского музея хранятся дневники местного купца М.И. Антонова за 1908, 1928 и 1929 годы. Так вот, практически все ежедневные записи за 1908 год кончаются словами: «И все прошло (кончилось) благополучно», – даже в, казалось бы, совсем не подходящих для этого случаях. – «У Ивана Ивановича Жадина померла жена родами. И все прошло благополучно»[322]. В 28 и 29 годах ни одной такой приписки нет; оно и понятно: вполне благополучному до революции обывателю теперь самому пришлось чистить выгребные ямы. Материалы, связанные с созданием детских садов в Муроме первых десятилетий советской власти, оставляют ощущение (именно ощущение, прямых доказательств нет), что муромские жители, формально выполняя распоряжения партии и правительства, на деле саботировали новую форму «общественного воспитания»[323].

Еще одно стихийное восстание, обычно называемое в литературе «беспорядками», произошло в Муроме в 1961 году[324], о нем упомянул и А. Солженицын[325]. Поводом для волнений послужила смерть в отделе милиции старшего мастера одного из заводов Ю.Н. Костикова. По городу поползли слухи, что умер он в результате жестоких побоев. Во время похорон – а путь на кладбище проходил мимо отдела милиции – городские власти попытались изменить маршрут, поставив заслон из милиционеров и дружинников. Вспыхнула потасовка, милиция разбежалась, а участники похоронной процессии стали громить здание горотдела, подожгли машины, выпустили из КПЗ заключенных, растащили оружие, уничтожили некоторые документы и проч. К полуночи из Владимира прибыла рота вооруженных штыками курсантов школы МВД, которая навела порядок. Зачинщики и активные участники бунта были арестованы. Еще до суда делу был придан политический характер. Всего осудили тридцать три человека, семеро из них через месяц были расстреляны. В процессе расследования муромский адвокат Д.Д. Берестенников указал на несоответствие между деянием и составом преступления, отказавшись в суде поддерживать инкриминируемую обвиняемым статью. После завершения процесса в Муроме была организована кампания по общественному осуждению «хулиганствующих элементов». На одном из таких собраний В.И. Струнников публично выразил свое несогласие с решением суда, а затем выступил с такой же речью в Окском парке. Стоит ли говорить, что он был арестован и осужден на семь лет лишения свободы[326].

Современные исследователи не считают это выступление антисоветским, полагая, что его возникновению способствовало и общее положение в стране, и, главное, большая концентрация в Муроме («за 101 километром») осужденных в прошлом граждан[327].

В наше время одна из последних вспышек протестных настроений в Муроме связана с планами центральных властей построить неподалеку от города, на другом берегу Оки, атомную электростанцию[328]. Наиболее радикально настроенные противники строительства грозятся даже покинуть город в случае возведения станции[329].

Перед последними выборами в Государственную думу дирекция и рабочие муромского радиозавода обратились к ее депутатам с требованием немедленно принять закон, отменяющий налог на благотворительность, «на те с трудом собираемые средства, которые завод от-

дает нуждающимся матерям-одиночкам, их больным и беспомощным детям. Спасает от смерти младенцев, на лечение которых не хватает государственных пособий»[330]. Нечто подобное произошло в Муроме почти полторы сотни лет назад. Правда, здесь все было «с точностью до наоборот». В преддверии русско-турецкой войны председатель уездного дворянства князь Л.С. Голицын обратился с воззванием, которое перепечатали многие газеты и которое нашло отклик в правительстве, «собрать на нужды Отечества двойной земский сбор»[331].

Но это, так сказать, «идейные брожения». Кроме них, разумеется, было и бытовое недовольство и правдоискательство, принимавшее порою анекдотичные формы. В. Стратонов рассказывает о своем знакомом – отставном банковском чиновнике: «Ядовитый был человек… Я прозвал его поэтому Скорпионом. К своим врагам бывал прямо безжалостен, а врагов в глухой провинции было сколько угодно.

Стал Скорпион издавать, одну за другой, книжонки своих сатирически-обличительных стихотворений. Стихом он владел, хотя техника была и слабовата. Но недостаток таланта и техники возмещались великой злобой.

Его книжонки едва ли окупались материально, но успех скандала имели несомненный, и Скорпион торжествовал. Обрисовываемых он не называл по фамилиям, но высмеивал их с такими деталями, что догадаться о жертвах – труда не составляло.

У одного из муромских богатеев покончила с собой дочь, девушка. Скряга отец был не без вины в этой смерти, благодаря домашнему режиму.

Скорпион на него и насел. Чего он только не нагородил, воспевая в целой поэме эту трагическую историю! Вдребезги разбичевал отца. Описывал фантастические сцены, как гроб дочери, без погребения, носится по воздуху и не дает своими разоблачениями покоя скряге отцу.

Весь Муром занимался этой поэмой, и богатей не мог носа высунуть, чтобы не встретить на лицах усмешек. Он не знал, что делать. Сначала стал скупать книжки, но Скорпион этому только радовался, обещая тотчас же выпустить второе издание»[332].

В архиве Муромского музея хранятся дневники и документы Е.И. К-ой за 1975–2005 годы[333]. Будучи несправедливо обижен-

ной на работе, она потом всю оставшуюся жизнь посвятила борьбе за справедливость, осаждая письмами самые разные инстанции; этих писем накопилось несколько папок.

***

В самодостаточном пространстве Мурома чужакам всегда было несладко. Те же переселенцы с Северо-Запада, волею Ивана III Васильевича в 1488 году оказавшиеся в Муроме, и после ста лет жизни в Муроме все еще числились «ноугородцами» и в документах отделялись от муромцев[334]. Не то, что освоить это пространство, но и проникнуть в него было сложно. А. Арцыбушев, мальчик из аристократической семьи, в 1930 году попавший из стерильной обстановки Дивеевской обители в Муром, вспоминал: «Мы с братом оказались белыми воронами. Инстинкт самозащиты сильнее, чем все прочитанные нами акафисты. И постепенно я превратился в уличного мальчишку, стал муромской шпаной. Обнаженная правда жизни, тщательно скрываемая от нас в Дивеево, захлестнула меня своей упоительной волной. Моя душа, как сухая губка, впитывала в себя эту "правду", горькую и заманчивую своей новизной»[335]. Драки происходили каждый день, поскольку Муром тогда делился на враждовавшие между собой районы, и в школу Алексею приходилось пробираться через чужую территорию. «Окончив эту драчную школу, – продолжает А. Арцыбушев, – пройдя через все ее классы, я уже больше никого и ничего не боялся… К весне я вырос и окреп, матом ругался изощренно "на распев". На улице был "в законе"… Улице суждено стать моим вторым домом, а в скором времени вожаком и организатором многих моих злоключений»[336]. Через тридцать лет другой мальчик, приехавший в Муром, попал почти в такую же ситуацию: «Свои тонкости вживания в новую среду существуют и для малолеток. "Чужих" не жалуют нигде, тем более, если эти "чужие" говорят чуть-чуть не так и одеты чуть-чуть иначе. "Чужим" надо самоутверждаться – в играх, в спорах, в драках. Не только Москва бьет с носка, но и провинция не церемонится. А город – его улицы и дворы – тебе не помощник, не союзник, не защитник. Он еще не твой, он – их, здесь родившихся. Он им предоставляет укромные уголки, а на тебя недобро щурится подслеповатыми окнами старых изб; он их водит

тайными дорожками и неведомыми тропками, а тебе то и дело перекрывает путь кривыми заборами; он по отношению к ним безмолвно-снисходителен, а на тебя непременно спустит свору бездомных и безжалостных собак»[337].

Муромским подросткам тоже не рекомендовалось из своего района забредать на чужую территорию, о чем свидетельствует запись мальчика с Казанки, сделанная в 1937 году: «В лес пошли… Когда прошли примерно половину пути, из-за совхоза, по дороге, ведущей от депо в лес, показалась толпа ребят, человек 30–40… Эта-то толпа ребят пришлась нам совсем не по вкусу. Если это ребята деревенские, еще хорошо. А вот если поселковские – совсем плохо»[338]. Обыкновение драк между подростками враждующих районов исчезло в Муроме только в двухтысячные годы. В восьмидесятые-девяностые на такие драки, по городским рассказам, сходилось до 400 человек[339]. Работник милиции, занимавший в эти годы высокий пост в Муромском ОВД, уклончиво сказал мне, что официально эти драки по отделу не проходили, но доходили слухи, что были схватки «на бытовой почве». Причиной их прекращения, как представляется, послужила «демографическая яма», в которую Муром вместе со всей страной упал к началу двухтысячных, а дети исчезли с улиц и дворов. Во-первых, на десятилетие город остался без драчливого подросткового контингента, а, во-вторых, те, кто сейчас подрастает, оказались выключенными из ранее существовавшей системы дворового воспитания: они уже не знают тех игр и правил, которыми жили их сверстники чуть раньше[340], а их отношения строятся на иной основе.

Конечно, далеко не всегда дело доходило до драк, но многие приехавшие на жительство в Муром, как В. Стратонов, помнят обиды первых дней: «Мое прямое начальство, управляющий отделением Александр Александрович Восленский – или, как его прозвали, "Осленский" – ленивый, хитрый и злой человек, из поповичей. Находится всецело в руках своей жены, могилевской купчихи, также злой, властолюбивой, мстительной и падкой на лесть… Она лепит из мужа, точно из воска, любую фигуру.

Слабостью Восленской ловко воспользовался бухгалтер Лек. Лестью, подлипальничеством и угодничеством он приобрел ее фавор, а с ним и фактическую власть в банке. В нем делается все по указке Лека, управляющий ему подчиняется под давлением жены.

Лек – личность темная, подозрительная. Говорят, что он принимает подарки от клиентов и выхлопатывает им кредиты у Восленского. Выдает себя по фамилии за англичанина. На самом деле – типичный еврейчик, уши и черты лица выдают.

Контролера Демуцкого (предшественника Стратонова. – *Ю.С.*) Лек третировал. Не только не признавал в нем начальство, но позволял себе его при всех служащих вслух и в лицо бранить: "негодяй!", "дурак!"… Когда уходил Демуцкий, Восленский хлопотал о назначении на его место Лека. Между тем, назначили меня. Отсюда наперед ко мне возникло у Восленских и Лека враждебное отношение…

Оказалось, что за денежную компенсацию Демуцкий уступил свою квартиру бухгалтеру (квартира предназначалась для Стратонова. – *Ю.С.*)»[341].

Стратонову предоставили двухкомнатное полуподвальное помещение, в котором у него обострилась полученная на Кавказе малярия. С большим трудом ему удалось добиться освобождения законной жилплощади. «Началась открытая агрессивная политика против меня. Истории возникали за историями и все из-за таких пустяков, о которых и говорить-то не стоило. Обо всех этих мелких случаях, в своей пристрастной обстановке, Восленский сообщал в центральное управление банка… При всех своих недостатках, Восленский хорошо владел пером, и он это свое умение направил на нечестную борьбу…

В верхнем этаже надо мной лопнула канализационная труба. Зловонная жидкость стала широко разливаться, и в трех комнатах моей квартиры стало невозможно жить. Восленский категорически запретил производить ремонт. Пришлось половину квартиры очистить и запереть на ключ»[342]. Единственные люди, с которыми Стратонов сошелся в Муроме, были работник того же банка Гофман и его жена. Гофман родился и вырос в Новороссийске, где в свое время работал Стратонов…

В шестидесятые годы прошлого века семья молодых специалистов приехала с Урала. Восьмого марта старшую дочку-первоклассницу повели в школу (тогда этот день еще не был выходным). На одном из уроков детям раздали «праздничные» шоколадки, и все, во главе с учительницей – опытной и заслуженной – стали их поедать. Надо ли говорить, что новенькой лакомства не досталось, но никто – опять же

во главе с учительницей «опытной и заслуженной» – даже не подумал о том, чтобы поделиться… Через некоторое время эта семья получила квартиру и переехала в только что отстроенный дом, во дворе которого зримо ощущался строительный беспорядок. Бабушка-активистка обошла соседей и предложила всем вместе посадить деревья. Ответа не последовало. Тогда с помощью зятя на свои деньги она «озеленила» двор. Наутро все деревца оказались срубленными, а соседка снизу сказала: «Мне здесь под окнами деревья не нужны. Вам надо – вы и сажайте у себя на третьем этаже». Еще одна история произошла совсем недавно. В Муром из Казахстана переехала русская семья. Когда выпал снег, дедушка во дворе соорудил горку для детворы. На беду рядом с горкой росло деревце, у которого был «хозяин». То ли малышня по неосторожности, то ли какие-то балбесы постарше обломали у дерева несколько веточек… Думаю, нет нужды говорить о том, что произошло с горкой. Ее разрушение сопровождалось комментариями типа «живут тут без году неделя, а свои порядки заводят».

Когда лет сорок назад в Муроме открылась новая больница, то, естественно, на работу в нее пригласили новых врачей, значительная часть которых приехала из других городов, поскольку в Муроме мединститута не было. Медсестры же были местные, окончившие городское медучилище. В больнице сразу же сложились два клана, и далеко не всегда врачи, стоявшие, казалось бы, на более высокой социальной и административной ступени, могли играть первую скрипку во взаимоотношениях внутри коллектива. Чужаков не то чтобы не любят – им просто указывают на их место и роль в муромском социуме. Не избежал этой участи и А.М. Горький. Правда, когда это случилось, его еще звали Алеша Пешков, и работал он в муромской булочной. Как это произошло, он рассказал С.Н. Сергееву-Ценскому в письме из Италии от 7 сентября 1927 года: «"Сказительный" стих я хорошо знал с малых лет от бабушки, час и более мог говорить этим стихом "бунтарские" речи, так что даже один мужичок в Муроме спросил меня: "Ну, а – по-человечьи можешь ты говорить, ероха-воха?" А затем он меня побил, прочитав мне изумительную чепуху о романе Ильи Муромца с "князь-барыней" Енгалычевой, изумительно прочитал»[343]. Забегая вперед, скажу, что барынька Енгалычева, с именем которой Алеша был знаком еще по стихам о Богородице, рассказанным ему

бабушкой, появляется в Муроме не случайно. Это упомянутая даже в «Полном географическом описании нашего Отечества» В.П. Семенова-Тян-Шанского «энергичная и отважная княгиня Мария Алексеевна Енгалычева, прославившаяся в 1740-х годах своими разбоями. Она со своими дворовыми била смертным боем и грабила не только соседних крестьян, но и помещиков»[344]. Промышляла она в Мордовии, в Темниковском уезде, неподалеку от Мурома («Темниковский уезд – название нарочитое, словно сказочником выдуманное специально для разбойничьего действа», – пишет один из потомков окаянной лиходейки)[345].

***

Вежливость и деликатность не являются отличительной чертой муромцев. При этом невежливость и порою даже грубость до поры до времени не воспринимаются как таковые – это норма общения, как в том анекдоте про мат: «Я матом не ругаюсь, я на нем разговариваю». Л.И. Зиновьева, восемнадцатилетней девушкой поступившая в 1960 году на работу кондуктором, вспоминает: «Я в основном работала по городу, самый плохой маршрут был № 1 – "клуб Ленина – РИП" (это маршрут между двумя муромскими заводами. – *Ю.С.*). Пассажиры обманывали кондуктора, за проезд платили не полностью… Самая легкая линия была "площадь – Вербовский" (несмотря на то, что маршрут был самым длинным, соединял он город и еще один завод, расположенный в пригороде. – *Ю.С.*), пассажиры на ней платили очень добросовестно, кондуктора не обижали, а если кто-нибудь начинал грубить, то остальные в обиду никогда не давали»[346]. Такое разительное отличие в поведении пассажиров двух маршрутов объясняется просто: в штате оборонного завода в поселке Вербовском, строительство которого было начато еще до Великой Отечественной войны, состояло много специалистов, приехавших и эвакуированных из Ленинграда, города, население которого и в дореволюционные, и в советские времена на фоне других городов отличалось изысканной вежливостью; работали здесь также большие группы из Бессарабии и Смоленской области[347]. В пятидесятые годы прошлого века на городском транспорте типичными были такие случаи, когда, например, водитель, не дождавшись окончания посадки пассажиров, закрыл двери и прищемил женщине пальто. Автобус тронулся, жен-

щине пришлось бежать за ним. Не обращая внимания на возмущенные требования пассажиров, водитель продолжал движение и остановился только тогда, когда пальто оборвалось, и женщина упала[348].

Бывали и обратные случаи. Правда, не для всех. Как-то в 1914 году снизу по Оке к Мурому шел пароход «Нижний Новгород». Неожиданно он резко остановился, а потом дал задний ход. Пассажиры перепугались, полагая, что случилась авария. Однако все оказалось гораздо прозаичнее: с головы контролера сдуло шляпу. И пароход пустился за ней вдогонку!.. Как только спасательные работы были завершены, «пароход снова пошед вперед»[349]…

За долгие годы жизни в Муроме я, пожалуй, ни разу – на улице, в автобусе, в магазине, на рынке и проч. – не слышал фразы: «Я вам не мешаю?». Гораздо чаще раздается: «Чё стоишь?» – или – «Ишь, расселся!..» Правда, если посмотреть, как муромские мужчины, независимо от их возраста и комплекции, сидят в автобусе, такая реакция становится понятной. Невольно вспоминаешь Чонкина у В. Войновича: «Ты, Вань, на всю жопу садись…» Именно так, утвердившись на всю базу, откинувшись на спину и гордо развернув плечи (так слон распахивает уши в минуты опасности, чтобы казаться еще больше), торжественно подняв голову, как знамя на параде, монолитно расставив ноги, словно борец сумо, и оттопырив согнутые в локтях руки, муромец занимает плацдарм автобусного кресла. И если найдется безрассудный смельчак и попытается осадить выглядывающий из-под базы краешек сиденья, неприступная твердыня не дрогнет даже кончиком ресницы.

Один мой знакомый, хорошо знавший И. Губермана, очень остроумного человека, автора знаменитых четверпостиший-«гариков» (и, поговаривают, анекдотов про Чапаева), рассказывал, что когда в советское время Губермана – в ту пору человека независимых взглядов, автора научно-популярных книг – посадили по какой-то надуманной экономической статье, на зоне к нему дружескими чувствами проникся некий уголовный авторитет. «Ты, – учил он Губермана, – "мужиком" отмотаешь срок нормально. Но если ты, падла, еще раз скажешь "пожалуйста", я сам тебя убью». Вот и в Муроме слово «пожалуйста» продавцы стали произносить только в последние годы.

Так или иначе, но сами муромцы считают вежливость своей отличительной чертой[350]. Между тем в «невежливом» общении муромцев существует некая грань, которую я никак не могу уловить, поскольку для моего уха все звучит грубо. При пересечении этой грани мирный диалог превращается в свару. Однако муромцы такого зла долго не держат: повздорив между собой, они уже через несколько минут могут вполне мирно общаться.

В центре мироздания для муромца стоит сам муромец. Он чрезвычайно любит свои авторитетные идеи, которые, по его мнению, могли бы стать панацеей от всех бед. Любит в неофициальных разговорах критиковать начальство всякого рода – от собственного шефа до Генерального секретаря ООН (больше всех достается, конечно, президенту РФ), но на официальных собраниях, как правило, молчит. Правда, уж если выступит открыто, то дальше идет до последнего: жизнь на это положить может. Любит критиковать и того, кто что-то делает, потому что все всё делают не так (в том числе и начальник): «Вот я бы… Если я этого не люблю, не делаю или мне это не надо, – значит это не любит и не делает никто и никому это не нужно». Знает, кто, чем и как должен заниматься. Например, когда по телевидению пошел сериал «Институт благородных девиц», в музей стали звонить жители, настоятельно требовавшие, чтобы сотрудники музея бросили все дела и срочно занялись историей рода Воронцовых (генерал-аншеф граф Р.И. Воронцов при Екатерине II был генерал-губернатором Владимирской губернии). Однако нередко бывает так, что при назначении на должность аналитические и организаторские способности критика куда-то деваются, а как раз то, что любит и делает свежий кавалер, никого не интересует.

На земле муромец – в буквальном и переносном смыслах – стоит прочно. Он привязан к своему садовому участку или к дому в деревне. Выходя из автобуса, муромец твердо встает на обе ноги, гордо расправляет плечи и осматривается по сторонам, не сделав шагу ни вперед, ни в сторону. И неважно, что на плечах у него виснут вываливающиеся пассажиры. Он – главный. Ходьба муромца по тротуару не поддается никакому описанию с точки зрения законов динамики. В Муроме тротуары широкие, но, идя по тротуару, муромец умудряется заполнить его целиком, так что ни обойти, ни обогнать его не-

возможно. Излюбленное место для разговоров двух встретившихся знакомых – входные двери какого-либо заведения. Здесь, невзирая на осаду, муромцы стоят долго: «Пусть весь мир подождет!».

К муромской ментальности следует отнести и желание все или как можно больше знать об окружающих (и это даже не ради провинциальных сплетен и мелкого шантажа, хотя, что греха таить, случается и такое); просто, обладая информацией такого рода, он увереннее себя чувствует. О себе же муромец даже друзьям рассказывает крайне неохотно, утаивая многое из того, что можно было бы рассказать безо всякой опаски. В телефонном разговоре с незнакомым человеком, который, кстати, может звонить тебе по интересующему его делу, приходится приложить очень много усилий, чтобы узнать, с кем разговариваешь, и далеко не всегда эти усилия приводят к положительному результату. Подобные ситуации Е.А. Жданова связывает с наличием в языке/культуре базовых метафор, программирующих поведенческие стереотипы. Поэтому «передачу знаний человек воспринимает (в русском языке) как факт передачи из рук в руки чего-либо от одного человека к другому. Естественно, базовая метафора откладывает свой отпечаток и на более сложное понятие. Так, в ситуации с передачей данных важно понимать, что в базовой метафоре при передаче предмета у передающего в руках ничего не остается. Отсюда у человека подсознательно возникает ощущение, что при передаче знаний он сам тоже чего-то лишается. Не удивительно что, в результате, это ощущение негативно сказывается на эффективности коммуникаций»[351]; то есть применительно к муромцам можно сказать, что и здесь срабатывает их скупость. М. Крылов, проводивший исследования региональной идентичности жителей европейской части России, в современной самооценке жителей городов выявил целый логический ряд, в котором жители Мурома и Арзамаса своими качествами считают жадность («куркули»), прагматичность, доброжелательность, любовь к сплетням[352].

***

С давних времен Москва оттягивала к себе лучших представителей муромского социума, в первую очередь купцов и мастеров, достигших определенных высот, и тех, кому в Муроме уже было тесно и душно, и тех, кто просто не мог найти в Муроме достойного применения. По данным С.Б. Веселовского, уже в 1597 году в Москве

служило 200 человек из Мурома[353]. В начале XVII века по указу царя Михаила Федоровича в московскую гостиную сотню были зачислены состоятельные муромские купцы С. Болховитинов, С. Черкасов, Ф. Веневитин, Б. Цветной, в 1613 году в царскую Оружейную палату Кремля был вызван искусный мастер-оружейник Никита Давыдов. «С XVIII века Муромский округ… поставлял рабочих для московских, шуйских, ивановских, нижегородских фабрик и заводов… посылал в Москву и другие места строительных рабочих, снабжал Оку и Волгу водниками, Астрахань – рыболовами»[354]. В разруху 1919 года родственница из Москвы пишет муромской девушке: «Я уже тебе кажется и раньше писала и теперь пишу приезжай к нам, я тебя надеюсь устроить где я служу (у нас много медичек курс слушают), т.е. в Травматологический Институт… не хочешь туда поступать, то можешь еще куда-нибудь поступить скорее, чем в Муроме. Кресный тоже так советует»[355]. По весеннему опросу 1929 года в отхожие промыслы уходило 1,1% населения, а в предыдущем году – 2, 38%, что являлось самым высоким показателем по Нижегородскому краю[356]. При этом в 1923–1926 годах Муром, бывший до революции наиболее крупным и развитым периферийным городом Владимирской губернии, показал очень незначительный рост населения, в то время как население Павлова, Выксы, Кулебак интенсивно прирастало[357]. Это свидетельствовало о том, что Муром уже переставал быть торговым городом, а промышленным еще и не думал становиться, хотя молодая советская власть пыталась творить свой миф. В 1920 году Л. Троцкий выступал в муромских железнодорожных мастерских. Предполагалось, что именно с них начнется по стране победное шествие борьбы с разрухой. «В области транспортной разрухи нам также нужно прорвать фронт, т.е. выбрать пункт для нас наиболее удобный и там направить крепкий кулак против разрухи, – взывал пламенный оратор. – Товарищи, Народный Комиссариат Путей Сообщения после обсуждения вопроса пришел к выводу, что Муром должен быть одним из таких пунктов, где мы прорвем фронт транспортной разрухи. Поэтому мы и приехали к вам»[358]. В качестве отправной точки Муром был выбран не случайно, поскольку пущенный в ход в 1917 году муромский паровозоремонтный завод по оборудованию являлся одним из лучших

в стране[359]. Однако сказка так и не стала былью, тем более что железная дорога жила своей, отдельной от города, жизнью.

Активно расти население Мурома стало в послевоенные годы. В 1959 году здесь было 72 тыс. чел., в 1979 – 114, в 1989 – 145360. Затем население опять стало убывать: 1999 год – 143,7 тыс., 2011 – 116 078 человек[361], и это несмотря на то, что с конца 1990-х гг. в состав города вошли около десяти сел, деревень и поселков[362]. Связано это не только с естественной убылью – увеличением смертности, снижением рождаемости – но и оттоком жителей в сельскую местность или крупные города. Нередки случаи, когда человек, поездивший на заработки в ту же Москву, через несколько лет закрепляется там и увозит семью. Однако отношение муромцев к Москве неоднозначно: «Мужиков у нас нет! Все в Москве. Потому что работы никакой… У нас в Муроме если мужчина получает 10 тысяч – это уже, считай, олигарх. Вот поэтому все в столицу и намыливаются, на 15–20 тысяч, охранниками. А где деньги, там и разврат. Семьи рушатся»; «Если в Москву отпустить – это все. Или жена, или Москва. У соседки муж нашел в вашем (т.е. московском; разговор идет с интервьюером из Москвы. – *Ю.С.*) "Перекрестке" уборщицу какую-то, и все, с концами. Тут оставить мужика – тоже проблема. Сопьется»[363].

Таким образом, на протяжении очень многих лет город регулярно лишался наиболее одаренной и творческой части населения, прежде всего потому, что здесь она не была востребована, не было условий для реализации творческого потенциала и амбиций.

«Рассказы муромлян о Москве во многом обусловлены русским провинциальным дискурсом, – пишет М.В. Ахметова, – предполагающим одновременно и притягательность столицы, и отрицательное отношение к ней, и утверждение собственного превосходства перед ней»[364]. Отрицательные качества столицы в представлении муромцев сводятся к тому, что «Москва всю Россию обобрала», там слишком быстрый ритм жизни, по отношению к провинциалу столица холодна и негостеприимна, а москвичи – хитрые, недружелюбные и невежливые. И вообще в некоторых отношениях Муром круче, чем Москва: «Дома XIX века в Москве-то памятники истории и архитектуры, а мы в этом живем. В этих памятниках»[365]. О качестве жизни в этих домах умолчу. «Есть такие случаи, что москвичи… своих детей привозят

сюда, чтобы они здесь учились. Здесь, поскольку здесь дают системное, качественное, хорошее образование»[366].

Современный Муром дает слишком малый выбор возможности получения высшего образования и реализации амбиций после его получения. Если с технической и экономической специальностями еще можно устроиться на работу, то гуманитариям и естественникам податься некуда, кроме, как учителем в школу; но и школы не резиновые, тем более что во многих школах недобор учеников, и профессия по нашим дням не престижная. Это одна из причин, почему молодежь уезжает из города. В советское время, где-то с шестидесятых годов XX века, получение образования во Владимире не котировалось среди муромских абитуриентов – и по причине снисходительного отношения к областному городу, и потому что во Владимире не было университета, и потому что Муромский пединститут (ранее – учительский), перевели во Владимир, объединив с областным педом. Муромские выпускники, имея весьма неплохую школьную подготовку, ориентировались на университетские города и престижные технические вузы. Однако в родной город возвращался minimum minimorum обученных специалистов – в основном по каким-то личным обстоятельствам: по семейным причинам, болезни или потому, что в столицах что-то «не склеилось», – т.е. возвращались в обывательском представлении «неудачники». Это тоже накладывает определенный отпечаток на городской менталитет. Поэтому уехавшие из Мурома цепляются до последнего. Вот типичная современная история: «Всего 4 месяца назад со своего маленького города Мурома переехала в Москву. Сначало въехала к парню. Пожила с ним две недели и после конфликта пришлось уехать к тетке родной.

По-началу все было хорошо. Потом начались часто задаваемые вопросы: "Сколько за квартиру платить мне будешь?! А за еду сколько?!" Договорились мы с ней, за квартиру отдаю 4 тыс. руб., а питаемся мы отдельно. Потому что были упреки с ее стороны, что я много ем и все съедаю. Хотя уезъжала я на работу в 6 утра и приезъжала в 9 вечера. Ничего не ела. Так, если иногда только по мелочи, салатик из помидор.

Она сама не замужем, но ребенок у нее есть. Сестра моя, ей 15 лет. Так вот дошло дело вплоть до того, что я приезжаю к ней, а она с муж-

чиной сидит играет в шиш-беш. Открывая дверь мне, она посмотрела таким проницательным взглядом. А на след. день мне выдала, мол, ты такая глупая, что не догадалась не приезжать ночевать. Дочь у меня и то ушла. Дочери было, куда идти, подумала я. А мне надо было на Казанском вокзале ночевать? И сейчас она мне звонит, когда я иду гулять с подругой и говорит: Кать, ты сегодня не придешь ночевать. У нас Николай остается просто. И мне не резон к ней ехать. Потому что мою подушку и одеяло она отдает жениху своему!

Тетя снимает квартиру. Ее выселяют в сентябре. И она мне поставила условие: Ищи квартиру, или комнату, или общежитие (с намеками на то, что я им на фиг на новой квартире не нужна).

Не знаю, что делать, девочки. Жить с ней не хочу. Она мне сильно нервы потрепала. Этот мой рассказ, вкратце. На самом деле все было гораздо хуже! ЗП у меня маленькая. 20 000 руб. С подработкой проблемы, жилье уже месяц ищу. Все безрезультатно. Одни риелторы. Суммы на квартиру огромные. Даже общежитие стоит 1000 руб./сутки. Опускаются руки. Все хочется бросить и уехать. Но знаю, что тут есть перспектива. Но вся фишка в том, что деньги уходят на учебу – 5 курс, в общаге на сессии живу, потому что это необходимо + деньги на квартиру уходят все. На себя я давно уже ничего не тратила. Есть молодой человек. Он сам деревенский, но работает в Москве. ЗП тоже 20 тыс. Все обязанности и поиски квартиры в основном на мне. Я УСТАЛА!»[367] (Долго думал, исправлять ли ошибки в этом вопле души. Решил оставить – это тоже показатель менталитета).

Те же, кто остается, рассуждают так: «Как грустно, но все это еще мягко написано. Тяжело жить в Муроме. Из четырех крупных заводов худо-бедно работают только два, один на войну. Вот кончится война в Чечне и останется только стрелочный. Мясокомбинат закрылся, ликероводочный тоже, хотя сейчас, может, и работают, только продукцию их можно употреблять с большой опаской. Мебель собственного производства повезли на выставку, развалилась по дороге.

Уровень общей культуры очень низкий, потому что не до культуры, когда зарплата 5 тыс.

Любовь… Ну если парень купил тебе бутылку пива на свидании, то, считай, повезло. Это самый шикарный вариант ухаживания. Мужчины пьют и наркоманят, женщины терпят и рожают детей.

Я люблю этот город, я там родилась, и вся моя родня там живет. Но… он хорош только для кратковременных визитов.

Это российская несчастная глубинка. И так неожиданно, что муромляне (если верить администрации) задумались о любви и романтике (речь идет об учреждении праздника Дня семьи, любви и верности. – *Ю.С.*). Может быть, поэтому я и люблю Муром»[368].

***

По российским представлениям Муром – городок небольшой, сейчас, правда, чаще стали говорить – средний, что верно. Однако попробуйте где-нибудь в Западной Европе город с населением больше ста тысяч назвать маленьким. В лучшем случае вас не поймут, потому что там город и в десять, и в пять тысяч обладает набором той инфраструктуры, который делает город городом, а чем-то может и превосходить город большой; например, наличием престижного университета или количеством замечательных театров. У нас же все по-иному. Пожалуй, единственный раз в литературе мне встретилась оценка Мурома как большого города: «большим и многолюдным» назвал Муром Дон Хуан Персидский, проезжавший через него в самом конце XVI века[369].

Средневековые города Западной Европы имели определенные привилегии («городской воздух делает человека свободным» и проч.), свое городское право, которые им приходилось отстаивать, подтверждать, за которые приходилось бороться. Специфика становления городов в России заключается в том, что город мог или мешать, или способствовать укреплению монархического строя в России[370]. Поэтому многие поселения становились городами не по своему историческому, промышленно-экономическому, военному или административному развитию, а, так сказать, назначались городами свыше, в силу каких-то устремлений и чаяний правителя/правительства. Положение обывателя в таком городе, если и менялось, то не резко и не кардинально. Во Владимирском крае «назначенными» городами стали бывшее дворцовое село Меленки; экономические села Киржач, Покров, Судогда и Ковров; преобразованные из государственной слободы Вязники, и, наконец, Александров, являвшийся ранее слободой ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии[371]. Муром, в отличие от таких городов-неофитов, – город по происхождению. Однако, как

опять же многие российские города, он не закончил свое городское сложение, не приобрел все необходимые социальные институции, делающие город городом, оставшись одной ногой в «огороде». В 1729 году, например, когда Мурому был пожалован герб, городу он был совершенно не нужен, а его описание завалялось где-то в бумагах магистрата и обнаружилось только через несколько десятилетий[372]. А в 2005 году, когда Совет народных депутатов округа Муром (именно так до сих пор называется орган городской власти. – *Ю.С.*) принимал нынешний герб, он сохранил, вопреки блазону (правилам составления гербов), символическую структуру подчиненности областному центру[373].

Если не считать того, что муромцы любят поговорить о том, каким был бы их город, если бы он был областным, они совершенно спокойно соглашаются с тем, что город небольшой, провинциальный[374]. Однако я никому бы не рекомендовал в присутствии муромца назвать город глубинкой, или, тем паче, захолустьем. На это обидятся даже те, кто, кто сетует на «бесперспективность» провинциальной жизни. Для муромца Муром – центр. Возможно, что это связано с тем, что Муром действительно на протяжении столетий был фактическим центром вернакулярного региона, сборным пунктом для войск, узлом, связывающим торговые коммуникации.

***

В конце семидесятых я работал в экспедиции в Армении. Стояла самая холодная на моей памяти зима. Целыми днями мы мотались по горам, а к вечеру, иззябшие и голодные, приезжали в Ереван, где в полной мере прочувствовали армянское гостеприимство. Нас приглашали в разные дома – от рабочих до академиков. И в каждом застолье обязательно заходил разговор об истории. Нам рассказывали о родословной семьи, эпизоды из драматической истории армян, о том, как строился Ереван, и еще много интересного. В одной семье меня спросили, кто я по профессии, и очень удивились, узнав, что историк: «Разве история может быть профессией? Историю должен знать каждый культурный человек». Если судить с этих позиций, то в Муроме культурных людей очень мало.

Как это ни странно и ни прискорбно, но живущие в одном из старейших городов России люди напрочь лишены ощущения истории.

Не считая опусов городского головы А.А. Титова, попытавшегося в первой половине XIX века связно изложить историю Мурома (изданы труды были только в самом начале XX в.)[375], первый такой опыт был предпринят только в 2001 году[376]. «История им – ни к чему», – горько, но справедливо заметил еще в начале XX века В. Стратонов[377]. Более-менее стройной истории Мурома – пусть даже в отдельных значимых для города событиях или исторических анекдотах – в городском предании не сохранилось. Единственная дата, которой с гордостью оперируют городские жители – 862 год, дата первого летописного упоминания (по непоколебимому убеждению муромцев – основания) города, хотя исторического подтверждения как дата основания она не получает[378]. По большей части в муромском менталитете история города представлена отдельными эпизодами с недостоверной хронологией, перепутанными названиями и очень приблизительной топонимикой, элементами современного мифотворчества. Это, скорее, квазиистория, в которой основной интерес, если не ажиотаж, составляют точки соприкосновения каких-либо известных людей с Муромом – одно из проявлений провинциальной гордости.

На этом же квазиисторическом поле произрастает и городская мифология, яркий пример которому – контаминация мифов об Илье Муромце и рассказов о графине Уваровой. По рассказам одной из жительниц с. Карачарова, Илья Муромец «тут по лесу ездил, а раньше графиня была, а потом Илья Муромец. У нее белый был конь, легкий, а у него красный, тяжелый, гребень черный, здоровы ноги». А жила графиня «не то в 1900-е, не то в 1700-е… В одно время они жили, только не знаю, кто из них вперед умер»[379]. Есть даже свидетели поездок Ильи Муромца: «Он все время ездил на лошади, сама-то я не видала, а старшая сестра видала. Говорит: "Вон проехал, все время на коне, то конфеты, то печенье ребятам бросал"»[380]. Гуляют по городу и слухи о подземных ходах – один, как это водится, якобы между двумя рядом стоящими монастырями, мужским и женским, другой ведет с территории бывшего кремля за реку, и о кладах. В последние годы, в связи с празднованием в Муроме Дня семьи, любви и верности, в городе распространилась информация о Петре и Февронии, хоть в какой-то степени соответствующая первоисточнику. Но и здесь обывателя в первую очередь интересует вопрос, вступала ли княжеская чета

в интимные отношения и были ли у них дети? Дело доходило до курьезов: один раз к нам с О.А. Суховой как соавторам книги о Петре и Февронии[381] с планерки у главы администрации прибежали запыхавшиеся журналисты: «Мэр распорядился, чтобы сегодня окончательно внесли ясность – были у них дети или нет». А наиболее ретивые поборники православия, усмотрев в научно-популярной книжке для семейного чтения крамолу, грозили нам отлучением от причастия. Более того, эта книга, которую издавала городская администрация, должна была называться «Петр и Феврония Муромские: мифология, история, культ». Местное духовенство ужасно испугалось слова «мифология». Подзаголовок пришлось снять.

Еще один пример местного мифотворчества приводит Л. Синицына. Создатели мифа в очередной раз подчеркивают особенность Мурома. Это рассказ, записанный в Карачарове А. Епанчиным в 1972 году: «Графиня Уварова была родственницей Гитлеру. Из-за этого Муром во вторую мировую войну немцы не бомбили, чтобы не разрушить графского имения, а сбрасывали с самолета листовки, в которых говорилось: "Москву сделаю полем… Ленинград – морем, Муром – столицей". Мать Гитлера родилась в Муроме»[382]. Дело в том, что Муром действительно не бомбили. До 1944 года едва ли не каждую ночь над Муромом «по определенному курсу и всегда точно над мостом»[383] пролетали немецкие самолеты – бомбить Горький. Железнодорожный мост через Оку охранял 236 Отдельный зенитный артиллерийский дивизион, в котором служило много муромских девушек. В дивизион «поступали беспрестанные команды: "Огня не открывать". Командованием было все продумано и решено правильно: если бы Муром дал хоть один выстрел, мост, конечно, не уцелел»[384].

Однако этот миф получил неожиданное развитие. «Когда я пересказала его своим московским друзьям, – пишет Л. Синицына, – один из них заметил:

– А мне помнится, что в каких-то стенографических записях бесед Гитлера с его приближенными есть упоминание о том, что он собирался сделать Муром столицей России.

– Зачем менять столицу – понятно. А вот почему именно Муром? Наверное, просто ткнул пальцем в карту, – высказал предположение другой.

– Да нет, возразил третий. – Гитлер так просто ничего не делал. Все-таки Муром в свое время занимал особое место в истории»[385].

Трудно, конечно, утверждать что-то наверняка, но есть косвенные свидетельства, что Гитлер проявлял к Мурому интерес, возможно, связанный с его мистическими увлечениями. Во-первых, «Абвер» разработал операцию по созданию в Муроме резидентуры и шпионской сети. Однако советская контрразведка задержала и перевербовала немецких агентов, через которых дезинформировали руководство «Абвера» о нецелесообразности создания разведцентра в Муроме[386]. Во-вторых, по некоторым сведениям именно в этот регион в поисках Агрикова меча (того самого, которым князь Петр убил змея и который, якобы, делает своего владельца непобедимым)[387], Гитлер отправил специальную поисковую группу, которая была уничтожена нашими контрразведчиками. Поговаривают, – но это эта информация пока не поддается проверке, – что в библиотеке «Аненербе» хранилась некая муромская летопись, откуда, собственно, Гитлеру и стало известно об Агриковом мече. Эти, в общем-то типичные для Мурома, опусы я привел для того, чтобы показать, как в ситуации недостаточной информации – а в истории Мурома таких ситуаций очень много – рождаются фантастические байки, замещающие в городском менталитете достоверную историческую картину.

Все это не мешает, а, скорее, помогает муромцам быть «большими патриотами своего города»[388]. В. Зимин вспоминает: «Средь первых усвоенных уроков не забылось, не затерялось пусть и не самое главное из школьной программы, но для меня, тогдашнего, уж точно самое сакраментальное – нас учили строить предложения, в которых ключевыми фразами были: у нас в городе… в нашем городе… наш город!..»[389] По рассказам, даже уехавшие в столицу не забывают особой ауры, присущей Мурому: «Но даже если уезжают, с любовью говорят о своем городе. Мои выпускники, пять лет назад я их выпустила, они заканчивают и учатся в московских вузах, но мы когда встречаемся, они всегда говорят, что у нас в Муроме – особый воздух, особые люди, особая аура»[390]. («И они, муромцы, этим охренительно гордятся, как будто в Вавилоне каком-то живут», – иронизирует по этому поводу Ю. Кисина в рассказе «Невеста из Мурома»)[391]. В моих школьных воспоминаниях этого нет (с В. Зиминым мы учились в одно время,

но в разных районах города). По некотором размышлении вдруг понял, что в нашей тогда новой 20-й школе подавляющее большинство учителей, которых директор подбирал специально, во всяком случае, те, у кого довелось учиться мне, были приехавшими, и Муром был не их городом.

Вместе с тем историческая атмосфера города, если можно так сказать, буквально насыщена реальными и легендарными образами, которые, однако, практически не используются ни в топонимах, ни в названиях гостиниц, магазинов и проч., хотя могли бы стать замечательными брендами[392]. Вместо этого тиражируются поразительные по своему дурновкусию и безграмотности ярлыки – от социальной рекламы «Муром – колыбель православия» до названий кафе «Винтаж» (винтаж – в том случае, если речь не идет об элитных винах – это «оригинальная или аутентичная вещь не моложе двадцати лет») и гостиницы «Вирсавия» или ночного клуба «Венеция». Создается впечатление, что муромцам при их самодостаточности совершенно безразлично восприятие города со стороны, зато они ощущают себя на передовых позициях времени приобщенными к ценностям европейской культуры. В то же время исследования М.В. Ахметовой показывают, что для муромца в первую очередь важна принадлежность к русскому: «"Русскость" Мурома обыгрывается и его урбанонимами, многие из которых содержат национальные, исторические, фольклорные и квазифольклорные аллюзии (гостиницы "Русь", с 2006 г. – "Муром"), "Лада"; кафе и рестораны "Иван да Марья", "Теремок"», "Жар-птица", "Сирин", "Славянское", "Княжеский двор" и т.д.)»[393].

М. Крылов считает, что важным аспектом исторического сознания в рамках региональной идентичности является имидж города как старинного ("в котором много примет старины") или же как нового ("благоустроенного")[394]. В этом смысле – и только в этом – муромский менталитет несомненно можно считать историческим. Однако такая историчность в нашем случае не означает не только представления об истории как о процессе, как о причинно-следственных связях, но даже не предполагает элементарной хронологии. Для нее важно существование некоего глубинного пратекста – неважно, реального или мифического, – который подтверждает право на «древность»,

а сто лет для муромца – это уже глубокая древность. Таким пратекстом для города, базовой платформой ментальной историчности стало упоминание его в былинах как родины самого популярного русского богатыря – Ильи Муромца. Образ этого богатыря с закономерной противоречивостью, определяемой природой жанра, сочетает в себе реальные и фантастически черты, на которые еще накладывается печать его принадлежности к сонму святых[395]. Я не рискну даже предположить, что былинный Илья так повлиял на восприятие истории муромцами, однако в местном менталитете история – это такая же противоречивая смесь. Со всей определенностью можно говорить лишь о том, что этот герой несомненно повлиял на фольклорное восприятие Мурома и его жителями, и жителями других мест, придав ему сказочно-былинный окрас. М. Ахметова приводит рассказ студентки из Мурома, которую однокурсницы в Москве спросили: «А ты откуда?» – «А я из Мурома». – «Ах, господи, а мы думали, что это только в сказках»[396]. Похожий случай был и со мной, когда администратор гостиницы в Санкт-Петербурге спросила меня: «И вправду есть такой город? А я думала, что только в сказках». Мой коллега, собираясь ехать к нам на конференцию, сообщил об этом своей знакомой. Та ответила: «Боже, я это название с детства не слышала. Муром. Это где? И что ты там будешь делать»?

В самом же Муроме его сказочно-былинный имидж эксплуатируется нещадно, но во вполне определенной сфере. Это всякого рода массовые сборища: фестивали, праздники, «культурная программа» встречи полуофициальных гостей, поздравления, чествования, экскурсионные тексты и т.п. Редкое из них обходится без самодельных текстов а’la «ох ты, гой еси, добрый молодец». Фольклорные инверсии нередко встречаются в городской журналистике и даже в научных статьях местных гуманитариев, причем, авторами они не воспринимаются как фольклорные.

Ощущение истории у муромца все-таки есть, но проявляется оно весьма своеобразно и касается его личностного пространства. Я не взялся бы утверждать, что он большой знаток своих родовых корней, хотя какие-то сведения в этой области он получил через семейные предания. Однако в его сознании они, как правило, несколько видоизменяются – почему-то большой популярностью пользуются

рассказы, что предки (если они не из родовитых купцов) так или иначе соприкасались с Уваровыми. Конечно, булгаковская версия «наверное, моя бабушка согрешила с водолазом» здесь не муссируется, но в уваровском имении якобы работали многие, и все на «руководящей работе». Видимо этим можно объяснить, что, когда местные жители приносят в музей на определение старинные вещи, то едва ли не половина из этих вещей легендируется ими как «уваровские». В реальности дело обстоит по-иному. Добиться от муромца сведений о достоверном происхождении вещи – от кого она получена, где куплена или найдена – чрезвычайно трудно, информация утаивается, даже когда дело касается палеонтологических находок. Вообще муромские жители ужасно обижаются, если принесенная ими вещь оказывается совсем не той по возрасту, качеству, значимости, исторической или художественной ценности, нежели они предполагали. И вот тогда-то сотрудники музея узнают много нового и интересного о себе, о том, чем они занимаются и чем им надо заниматься, о своей квалификации и о том, куда им следует отправиться. Со старинными вещами же – даже для музея – муромцы расстаются крайне неохотно, и далеко не всегда дело упирается в те деньги, которые музей может заплатить.

Муромский музей был создан в 1918 году стараниями группы местной интеллигенции[397]. Реноме музея в городе весьма своеобразно. Городские жители, даже сотрудники городской администрации, до сих пор по инерции называют его «краеведческим», хотя свой статус и название музей сменил лет сорок назад. Есть люди, которые знают, что в городе есть музей, но где он находится – ответить не могут; другие же начинают спрашивать, какой музей, поскольку занимает он четыре здания в разных местах города: «четыре в одном» никак не укладывается в провинциальной голове. Большинство коренных муромлян, хотя бы в школьные годы, бывало в музее. Более того, сложилось обыкновение, по которому коренные жители своих иногородних гостей – и из чувства местнического патриотизма, и просто потому, что Муром не может похвастать обилием мест публичного досуга, – водят в музей, а вот многие из приезжих, прожив в городе несколько десятилетий, заглянуть туда не удосужились.

В глазах муромского обывателя музей есть учреждение крайне сомнительное с точки зрения его прагматики. Самое же главное,

что совершенно непонятно, чем заняты его сотрудники: разложил вещи по витринам и сиди. Бездельники, одним словом, за которыми нужен глаз да глаз – ценности-то в музее большие, хотя даже городская администрация не в состоянии осознать их подлинную стоимость. Однако жители порою проявляют бдительность. Вот, например, в 1962 году на 1100-летие города Гусь-Хрустальный подарил Мурому хрустального гуся в натуральную величину. Постоял гусь какое-то время в экспозиции, а потом его убрали в запасники. Тут-то и пришел в музей посетитель, которому этот гусь так понравился, что захотелось полюбоваться еще раз. А птицы в экспозиции нет! Посетитель в дирекцию: «Где гусь с красными лапками?!» Объясняют ему, так, мол, и так. Он не верит: «Украли!» Опять объясняют, и опять не верит. Дело кончилось тем, что бдительный визитер написал письмо в министерство культуры о том, как музей разворовывается. Бывает, что даже знакомые, многозначительно подмигивая, говорят: «А вот стояла у вас такая-то вещица. А теперь ее нет! Ну, скажи честно, – продали?» – даже не представляя, что в экспозиции любого музея выставляется в самом лучшем случае 6% от общего количества фондов.

Несмотря на подобные «непонятки», муромский житель испытывает к музею уважение сродни тому, которое древние испытывали по отношению к жрецам, поскольку музей оказывается хранителем некоего «сакрального» знания. Проявляется это в том, что жители и организации обращаются в музей со всеми вопросами, имеющими хоть какое-то отношение к истории, причем и круг лиц, и спектр этих вопросов невероятно широк. Здесь исторические справки самой невероятной тематики; вопросы родословной и установление родства; подтверждение прав собственности; поиск какого-то человека; история зданий, улиц, селений; конкретные даты рождения или события; попытка найти изображение чего-то или кого-то; история церквей и монастырей; определение непонятных артефактов; разного рода экспертизы и прочая, и прочая, и прочая, вплоть до разгадывания кроссвордов. Музей представляется чем-то средним между передачей «Что? Где? Когда?», энциклопедией и адресным столом. Причем, чаще всего вопросы задаются крайне неопределенно: «Ну, мне что-нибудь про что-нибудь». Естественно, не получив ответа на вопрос,

на который в музее он и не мог получить ответ, человек начинает сетовать, что не тем, мол, вы здесь занимаетесь.

Есть страстное желание загрузить этих бездельников какой-нибудь полезной для общества деятельностью. Приезжает, например, человек из Франции, где уж очень ему понравились цветники, клумбы, альпийские горки. «Давайте, – говорит, во дворе музея сделаем такое же. – У меня фотографии есть». «Давайте, – отвечаем. – Для этого нам нужны инвентарь, земля, рассада и проч. по такой-то смете и единицу цветовода в штатное расписание». «Какая смета? Зачем цветовод? Сами сделаете». Или наоборот: хочет человек заграницу съездить, а у него никак не получается. И пишет человек письмо: «Давайте мы с городом Вормсом, что в Германии, побратимами сделаемся. У нас много общего: у них река – и у нас, у них набережная – и у нас, у них Тристан, а у нас Илья Муромец». «Ладно, – отвечаем. – А в чем смысл побратимства?» «А я детей, с которыми немецким языком занимаюсь, буду туда возить». «Ну, хорошо. А деньги где найдете? Официальным оформлением отношений заниматься кто будет?» «Вот вы и будете, вы и найдете». В это трудно поверить, но я не утрирую.

Время от времени появляются посетители, которые начинают уговаривать кассира пропустить их в музей бесплатно, а когда им пытаются возразить, что, мол, в магазине тебе и в голову не приходит выклянчить буханку хлеба, резонно отвечают: «Но то ж магазин!..»

Официальная – назовем ее так – история Мурома тоже не так проста, как кажется на первый взгляд. Точнее, ее просто нет, она не написана. Причин этому множество. Во-первых, нет отдельной муромской летописи. По некоторым сведениям, она существовала, но была утеряна Петром I[398]. Во-вторых, Муром очень часто упоминается в других летописях и исторических документах, на которые ссылаются исследователи. Своеобразным доказательством этого является то огромное количество ссылок, которые мне приходится делать в этой работе. Это создает впечатление изученности муромской истории. Лет пятнадцать назад, когда я только начинал заниматься Муромом, я попросил совета у одного известного археолога, академика, как лучше подступиться к теме. Ответ был закономерным, но неожиданным: «А что им заниматься? Про него и так все известно». На самом деле

известно крайне мало. До революции Муром в ряду других городов был равноценным объектом исследования, его изучением занимались и профессиональные историки, и любители[399]. В то время сложилась – пусть и со значительными лакунами – картинка Мурома, в общем соответствовавшая уровню развития исторической науки своего времени. Хотя, вынужден оговориться, и в ней вопросов оставалась больше, чем ответов.

В советское время проявлялся интерес не столько к истории, сколько к археологии Мурома, но он возникал время от времени, носил какой-то рассеянный характер и, в конце концов, заглох; масштабных раскопок в городе так и не производилось, настоящей охранной археологической службы создано так и не было. Возможно, это произошло потому, что город не раскрывал свои тайны; быстрого результата исследований не было, а вопросов возникало все больше. С письменными источниками дело обстояло не лучше: архивы в Муроме не сохранились, и документы оказались разбросаны по хранилищам многих городов: Москвы, Ленинграда, Владимира, Горького, Рязани, Шуи и т.д. Так что те очень немногочисленные работы обобщающего характера, которые изредка выходили в это время, строились на изысканиях дореволюционных исследователей, о некоторых недостатках которых я уже сказал. Когда в 2000 году коллективу нашего музея в очень ограниченное время предложили написать учебник по истории Мурома и края, мы оказались заложниками той же схемы: новых исследований еще не было, возможность работы в архивах нам не предоставили. Кстати о менталитете: тогдашнее руководство управления образования округа, которое благодаря учебному пособию оказалось «впереди планеты всей», поскольку такого рода изданий в стране еще не было, авторскому коллективу не то, что официального, даже «простого человеческого» спасибо не сказало. В последние годы в городе, наконец-то, появились профессиональные историки, а не любители-краеведы, опубликованы сотни работ, которые позволяют по-новому взглянуть на многие эпизоды муромской истории. Об одном из них, связанных с наименованием города, я уже говорил. Второй – в ментальном смысле еще более важен: он связан со временем возникновения города. Это, по сути, тот фактор, который определяет «русскость» Мурома в сознании горожан.

Еще в конце пятидесятых годов прошлого века на страницах журнала «Советская археология» прошел диспут о возрасте Мурома. Подавляющее большинство участников сошлось во мнении, что 862 год – слишком ранняя дата для Мурома. За нее ратовал только один человек – И.П. Богатов, археолог-любитель, бывший тогда директором Муромского музея. Несмотря на то, что научная общественность этой даты не признала, Муром через несколько лет отпраздновал свое «тысячестолетие». Дальнейшие изыскания показали, что в это время не существовали и другие, упоминавшиеся в Начальной летописи вместе с Муромом, города – Новгород, Ростов, Белоозеро, поскольку этот «список городов» является вставкой XI века в летопись. Реальный возраст Мурома оказывается лет на сто меньше[400].

***

Вид города с Оки у многих вызывал восхищение. 19 мая 1798 года император Павел I, переправившись через Оку, «изволил сказать: "Весьма я доволен этим городом; в нем нашел я все лучшее, нежели думал… Не ошибся тот архитектор, который сначала располагал этот город; посмотрите, с этой стороны, как степь, а отсюда такой прекрасный вид строений и садов"»[401]. Расположение города хвалил и Николай I[402]. «Красивое местоположение города, утопающего в зелени садов… с высившимися церквами» заставило и цесаревича Александра много раз выразить свое удовольствие[403]. «Город занимает красивейшее местоположение и из-за Оки представляет великолепную картину; таковый вид открывается более нежели за три мили. Вообще г. Муром принадлежит к лучшим городам сей губернии. В нем находятся хорошие строения, но всего более придают ему украшение монастыри и каменные церкви; первых считается 3, а последних 13»[404]. М. Горький, в юности работавший в одной из пекарен Мурома, вообще заявил: «Кто не видел Мурома с Оки, тот не видел русской красоты». Режиссера Глеба Панфилова, по его собственному признанию, этот вид вдохновил на съемку в Муроме двух фильмов – «В огне брода нет» и «Начало»[405]. «Город Муром – старинный, великолепный, восхитительный. На берегу полноводной Оки. С белоснежными монастырями и храмами»[406]. «И все-таки Муром был красив весною. Утопал в садах, особенно окраины», – признавал и В. Стратонов[407], не жаловавший Муром, как, впрочем, и тот его. Однако так впечатляет только

береговая панорама. Сам же Муром как город не имеет узнаваемого архитектурного облика. Деревянный городской кремль, являвшийся архитектурным ядром города, в конце XVIII века был разобран для безопасности жителей «за ветхостью» и, собственно, ненадобностью[408].

Некоторое своеобразие Мурому, конечно же, придает регулярная планировка. «Город разделяется на 81 правильный квартал, из которых совершенно обстроены 61; имеет прямые и широкие улицы, из коих главная Московская, идущая от Московской заставы до перевоза, и боковые: Нижегородская, Касимовская и Рождественская вымощены камнем («Мощеных улиц в городе почти не было. Вымощена была, хотя и плохо – неровными камнями, небольшая главная торговая артерия, Московская улица», – саркастически замечает Стратонов[409]); 4 площади, из коих две хлебные у гостиного двора мощены камнем, а другие две, дровяная и сенная, немощеные; через овраги… устроено 2 моста, один каменный… сверх того есть земляная насыпь с каменною аркою, мощеная камнем»[410]. «Улицы города, если посмотреть на карту в путеводителе, это школьный листок из тетрадки в клеточку», – заметила одна из туристок[411]. Однако выделить хотя бы одно здание, которое могло бы стать репрезантом города, весьма проблематично: и старая, и новая части города застроены в основном типовыми домами – каждая по своему времени. Связано это с тем, что в 1792 и 1805 годах деревянный Муром выгорел в двух больших пожарах[412]. («Домы обывательские все деревянные», – отмечено в 1771 году в «Топографических известиях»)[413]. После этого он стал застраиваться по регулярному плану, конфирмованному еще Екатериной II. Однако деревянные дома по-прежнему преобладали в застройке. В 1852 году отмечено 989 деревянных домов и 85 каменных[414], а вот на 1869 год количество и тех, и других почему-то значительно уменьшилось: деревянных до 704, каменных – до 22[415]; в 1904 году 87% домов были деревянными[416]. Каменная застройка преобладала в центре города.

До 1857 года, когда был принят Строительный устав, установивший санитарные, противопожарные и прочие нормативы, город застраивался по «образцовым», т.е. типовым проектам, разработанным губернским архитектором. Н. Киселева, принадлежавшая к муромскому роду купцов Вощининых, вспоминала, что дома купцов, заводчиков, чиновников были довольно однообразны с виду[417] («оба-

ятельные купеческие и мещанские дома… резные наличники с умопотрясающими знаками из древнего-предревнего прошлого», – умиляется современный турист)[418].

Регулярную застройку муромцы восприняли без особого энтузиазма[419], однако к тому времени, когда появилась возможность строить по собственным проектам, у них уже сложилась привычка к двухэтажным домам с мезонином. К тому же в это время благосостояние купцов покачнулось: почти заглохло кожевенное производство, прежде дававшее большие прибыли[420]; текстильная промышленность, достигшая своего расцвета в 1840 году[421], испытывала острую конкуренцию; резко снизились, как уже говорилось, обороты ярмарки. До первой мировой войны оборот Мурома по торговле составлял около 3,5 миллионов рублей, в 1925 – 100–120 тысяч, а в 1928 ярмарка «показала свою нежизненность и отсутствие в ней нужды в условиях советской системы товарораспределения»[422].

Очевидец пишет: «В Муроме все постройки были деревянные (1912 г. – *Ю.С.*). И потому, как только где-либо начинался пожар, люди бросали все и бежали тушить. В городе была только одна пожарная часть. В день нашего бенефиса ударил набат. Вся публика моментально бросилась вон из цирка. Не осталось ни одного человека. Мы не доканчивали спектакля. На другой день шла пантомима… и вдруг слышу опять набат. В минуту цирк опустел… Я… наскоро снял грим и помчался с другими артистами на пожар. Прибежали мы, смотрим – пожарных нет. Оказывается, загорелось сразу в двух концах города. Жители бегают, тушат сами. Искры сыплются на соседний дом, и он вот-вот загорится. Тогда мы, циркачи, бросились на крышу дома, нам подали туда простыни, одеяла и из рук в руки начали передавать ведра с водой. Мы сидели на крыше и поливали одеяла и простыни. Таким образом, пока тушили пожар, нам удалось отстоять соседний дом, и пожар был ликвидирован. К концу пожара приехал исправник и благодарил нас. Когда же, наконец, приехала пожарная команда, толпа встретила ее смехом и тюканьем»[423].

Денег на архитектурные изыски в городе не было, но при этом намечалась тенденция к строительству каменных и, особенно, полукаменных домов. Если в 1900 году каменных был построен 1, то в 1912 – 5, соответственно полукаменных – 8 и 45, а деревянных – 31 и 0[424].

В начале XX века последовало несколько робких попыток освоить стиль модерн, однако разразившиеся социальные катаклизмы пресекли их. Общественные здания строили добротно, но также «без архитектурных излишеств». Так что Муром, в отличие от окружающих его Арзамаса, Гороховца, Касимова, Павлова (ср. воспоминания Д.С. Альперова о поездке 1912 года: «На пароходе мы перебрались в Касимов; город красивее Мурома»[425]), оказался, по сути, без стилевой архитектуры XIX – начала XX века.

Первые десятилетия советской власти прозябающий и ненужный меняющемуся областному начальству Муром оставался без крупного строительства. Городские власти констатировали: «По материалам постройки жилища наших городов в большинстве – одноэтажные, деревянные домики». На 1930 год в городе были следующие дома:

Одноэтажные Двух- и более этажные
Каменные 96 120
Смешанные 19 111
Деревянные 1382 254[426].

В целом город выглядел так: «Мостовые… никуда негодны. То же можно сказать и о тротуарах, которые, кстати сказать… имеются только в центре города. Особенно плохо дело обстоит с набережной реки Оки… Из-за ее неблагоустроенности из двух спусков (Соборного и Спасского) открыт для проезда только один…

Общая площадь улиц и площадей 766 746 (кв. м).

Замощено 220 270(кв. м) улиц 28,7%.

Асфальтовые тротуары только на лучш. улицах, всего 13 556 кв. мтр.»[427].

Многоэтажное каменное строительство стало приходить в город по мере начинки его оборонными предприятиями. Но и здесь удалось ухватить лишь слабые отзвуки позднего советского конструктивизма (в отличие, скажем, от Коврова, где есть его великолепные образцы) и редкие ошметки так называемого «сталинского ампира». Дальше началось активное строительство коммунизма, и город покрылся серыми кирпичами хрущевок, к которым применять понятие «архитектура» просто безнравственно. В крупных городах подобные микрорайоны – по разным причинам – являлись резервациями маргинального мировоззрения. То же произошло и в Муроме, так как едва ли

не основным населением микрорайонов стали бывшие жители близлежащих деревень, а ныне рабочие заводов. Уйдя от деревенской жизни, но не порвав с ней, они были вынуждены по мере своего разумения приспосабливать к городу свои деревенские установки и связи. Городские же жители, попавшие в новые кварталы, также лишались привычного уклада, хотя бы потому, что прежняя жизнь проходила за заборами и глухими воротами, а в новой планировке вместо традиционных дворов были «междомовые пространства». Все это влияло на установление межличностных отношений, и, соответственно, требовало выработки новых форм поведения, в котором уживались бы и городские, и деревенские модели.

Если в ряду серых коробок появлялось здание, мало-мальски – своим ли расположением, незначительными изменениями в проекте – отличавшееся от унылого однообразия, оно тут же получало имя собственное: «Корабль», «Пентагон», «Рейхстаг», «Крокодил»[428].

В организации пространственного образа города важную роль играют вертикали. Для малоэтажного русского города это, в первую очередь, крепостные башни и храмы с колокольнями. Поскольку муромский деревянный кремль был в конце XVIII века разобран, архитектор И. Лем[429] при разработке регулярного плана использовал вертикали церквей. Улицы по новому плану прокладывались так, чтобы их перспективу замыкала одна из уже существующих церквей, что придавало городу завершенный вид и даже некоторую торжественность. В богоборческом угаре первых десятилетий советской власти центр города неузнаваемо изменился: были уничтожены Христорождественский собор, замыкавший перспективу Московской улицы, и стоявшая за ним Николо-Зарядская церковь. Богородицкий собор на Кремлевской горе, композиционно организовывавший панораму Мурома с реки, был взорван, а его раскрошившимися кирпичами засыпали колодобины на городских улицах, Вознесенский храм на ул. Московский, от которого брала начало Касимовская (ныне Льва Толстого) улица, лишился главок и колокольни. Позднее многоэтажными казармами была закрыта панорама Спасо-Преображенского монастыря. (Как не вспомнить устроителя Троицкого монастыря Б. Цветнова, который в XVII веке «усмотрел, что от стоящих весьма близко от монастыря… приходской… церкви и бобыльских дворов…

имеется застень, вред и опасность, потому что видимость красоты монастыря и церквей Божиих тем отняло»)[430]. И город сразу потерял свою стать, съежившись, как провинившийся и наказанный щенок.

Да и с главными архитекторами городу в советское время явно не везло. Если регулярный план XVIII века учитывал предыдущую планировочную структуру, сложившиеся центры, завершения уличных перспектив, трассировку улиц, дорог и проч., то во второй половине XX века, мало того что было снесено много старых зданий, были еще предприняты попытки перепланировки городского центра. В шестидесятые годы прошлого века, когда благодаря оборонке город прочно стоял на ногах, у муромской администрации родилась амбициозная идея: пустить в городе троллейбус. Почему-то было задумано, что троллейбус должен ходить по «проспекту», но поскольку такового в городе не наблюдалось, его решили сделать. При наличии прямых улиц – наследии лемовского плана – дело представлялось совсем несложным. Ради прокладки «проспекта» по ул. Ленина просто перерезали часть перпендикулярных улиц, ведущих к реке. В результате нормальные внутригородские коммуникации оказались нарушенными, а что касается троллейбуса, то власти сверху запретили его: не по Сеньке шапка – статус у города не тот. За годы советской власти в городе было построено только одно здание, которое с полным правом можно отнести к понятию архитектура – здание театра, но театром оно так и не стало, а существует как Дворец культуры им. 1100-летия Мурома. Мне могут возразить, что есть еще здание городской администрации, но, на мой взгляд, это не архитектура, а эпигонство, дурное подражание московскому Дворцу съездов, в которое в те времена ударилась вся провинция.

Из-за необходимости строительства типовых хрущевок меняли рельеф местности: засыпали овраги, нивелировали спуски. Можно привести много доводов и за, и против. Бесспорно одно: именно рельеф придает городу уникальность, узнаваемость, неповторимые черты, а выглаживание рельефа делает его образ усредненным, похожим на множество других городов.

Еще в позапрошлом веке маркиз де-Кюстин назвал Россию «страной фасадов», имея в виду, что «у русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности»[431]. В отношении муромской архитектуры можно сказать, что у нее и фасадов нет. Те, более чем скром-

ные, фасады, которые украшали город на рубеже XIX–XX веков, или не сохранились, или дошли до нас в сильно искаженном виде. Сейчас они поддерживаются в весьма сомнительном косметическом порядке, однако стоит пройти через подворотню, некогда закрываемую глухими муромскими воротами, как попадаешь в странное пространство, где по замыслу И. Лема десятилетия назад росли сады и возделывались огороды. Ныне это нечто среднее между зоной из «Соляриса» А. Тарковского и городской свалкой. Здесь можно встретить блиц-компанию с пластиковыми стаканчиками или стеснительно курящих девушек с бутылкой пива. Архитектурными вертикалями на фоне никогда не ремонтировавшихся задних фасадов служат щелястые и покосившиеся кабинки отхожих мест; впрочем, нужду справляют рядом с ними, ибо зайти в них по вполне очевидным причинам невозможно. Все это в трех десятках метров от центральной улицы, по которой, бывало, и президент РФ проезжал, и патриарх Всея Руси… А муромцы каждый день проходят…

И дело здесь не столько в работе коммунальных служб, сколько в организации городского пространства и отношении к нему. «Уже упоминалось о составе моих муромских сослуживцев, – сетует Стратонов. – В большинстве – безотрадная некультурность и моральная неряшливость. Коробила и действительная неряшливость.

Не мог я переносить, что за барьером, где публика не видит, каждый день заводится свинство: весь пол около конторок забросан окурками, порванными бумажками и всем мусором, которым место в сорных корзинах, стоявших, однако, пустыми… Чиновник, сорящий вокруг себя, подобен ребенку, пачкающему на себя в люльке»[432].

Городское пространство массированно влияет на психологию, менталитет, модель поведения, вкусы жителей и даже на уровень преступности[433]. О том, как и почему это происходит, уже достаточно много рассказали социологи и психологи.

В течение столетий на муромских улицах отсутствовали архитектурные образцы, достойные быть примерами для подражания. Это, конечно же, снижает пространственную конкуренцию внутри городской среды, если вообще не сводит ее на нет. Поэтому по большому счету архитектура в Муроме понимается как строительство по принципу «сойдет и так» (кстати сказать, это одно из любимых выраже-

ний муромцев). Отсюда и неразвитость вкусов, не только архитектурных. Пространственная среда создает, а иногда и диктует, и модели поведения, и манеру одеваться. Согласитесь, что, идя по центральной улице красивого города в грязной одежде, волей-неволей испытываешь чувство неловкости даже при самом демократичном отношении к тебе со стороны окружающих. Однако чаще всего такая ситуация провоцирует настороженность и агрессию и с той, и с другой сторон.

В связи с этим же часто возникают проблемы с историческим позиционированием и просветительским освоением пространства города, с которыми сталкиваются экскурсоводы, будь то профессионалы или радушные родственники, ведущие по городу своих гостей: кроме церквей и монастырей смотреть-то в городе нечего. Обычно еще одним объектом показа и, как правило, гордости горожан, является городская скульптура, также являющаяся композиционным центром локального пространства – площадей, скверов, набережных. По большому счету, за исключением двух-трех памятников, она стала появляться в городе недавно и художественная ценность ее отнюдь не всегда однозначна; но речь даже не об этом. Несколько лет назад в Муроме был проведен симпозиум скульпторов, на который приехали художники из разных мест. Месяц они жили в городе, из хорошего фактурного известняка ваяли свои работы. Перед их отъездом все скульптуры, подаренные городу, установили на центральной площади. Прошел, наверное, год, и городские власти решили повысить эстетическую ценность работ: их выкрасили белой краской. С тех пор и пошло: к каждому празднику скульптуры «обновляют».

Еще несколько лет назад Муром входил в список исторических поселений Владимирской области[434]. Однако сейчас самого древнего города региона, насколько я знаю, в этом списке нет. Объясняется все это достаточно просто: мало того, что включение города в этот список требует от администрации усилий, контроля и финансовых затрат по поддержанию статуса исторического поселения, оно еще и мешало бы осуществлению принятой концепции туристического развития Мурома, поскольку, согласно этим планам, Муром должен быть застроен псевдоисторическими архитектурными декорациями.

Самобытность, которую придавали городу рядовые жилые и общественные здания XIX – начала XX века, исчезает вместе с разру-

шением или искажением этих сооружений. Таким образом, Муром остался городом без гражданской архитектуры. Не случайно при характеристике города и приезжие, и местные чаще всего говорили и говорят: «Зеленый»; «Муром – город красивый. Много зелени»[435]. Еще в 1768 году побывавший в городе академик П.С. Паллас отметил муромские сады: «О содержании садов в Муроме стараются больше, чем в других малых российских городах»[436]. Однако и здесь не всегда все было просто. 1930 год: «Имеющиеся зеленые насаждения запущены. Например, в Муроме еловый питомник, могущий быть прекрасным местом отдыха рабочих, почти со всех сторон окружен свалкой нечистот и совершенно неблагоустроен. Окский сад, сад общественного клуба тоже самое, скорее напоминают собой заброшенные сады разоренных помещичьих усадьб: они сплошь заросли крапивой, лопухом и репьем. И это в окружном городе, при том же имеющем прекрасное месторасположение на реке Оке»[437]. Только в 1967 году, к пятидесятилетию советской власти, этот питомник превратили в парк. «Муром он очень такой вроде бы как тихий город. Муром чистый город. И Муром очень зеленый… И он тихенький такой городок, он компактный город. И конечно же, хорошо, что он расположен вот на этой, на реке… Ну, а про церквушки… там изобилие»[438]. Об архитектуре речь обычно не идет, не считая, опять же, церковных памятников.

Давно и не мной сказано, что архитектура – самый мощный вид пропаганды и самый идеологичный вид искусства; в архитектуре невозможно скрыть реальные цели за словоблудием. Муром – прекрасное тому свидетельство. На усредненно-безликом фоне светских строений ярко и празднично выглядят памятники церковной архитектуры XVI–XIX веков, многие из которых являются уникальными. Кстати сказать, в начале XX века владимирское епархиальное начальство отдало распоряжение, чтобы церковные причты и старосты без предварительного разрешения не приступали к ремонту храмов, построенных до 1800-х годов и находящихся в них памятниках старины[439].

«Обилие в городе архитектурных памятников – церквей и монастырей, помноженное на "русскость", рождает восприятие Мурома как города церковного, православного», – отмечает исследователь[440]. Однако представляется, что настрой на особую «православность» создает не столько количество церквей само по себе, сколько архитектурная диспропорция между светскими и церковными построй-

ками. Особенно это проявляется в ситуации, когда немногие уцелевшие памятники светской провинциальной архитектуры находятся в ужасном состоянии, а религиозные – многие из которых в годы советской власти были разрушены или использовались не по назначению – восстанавливаются, реставрируется, приводятся в порядок. Действующих монастырей в Муроме сейчас больше, чем до революции: тогда было три и процветающими их назвать было нельзя, а сейчас четыре, и все они не бедствуют. «Храмов в Муроме было много, слишком много по сравнению с количеством населения небольшого уездного города, – писал уже в начале XX века известный нам В. Стратонов. – Некоторые несомненно были старые. Жизнь горожан сильно сосредотачивалась своими интересами около церковных дел. Духовенства было очень много, и оно пользовалось в Муроме значительным почетом и влиянием»[441]. Судя по дневникам А.И. Гладкова и М.И. Антонова, существовало обыкновение одному человеку ходить в разные храмы, причем, за одну службу он иногда мог обойти три-четыре церкви. Это вполне понятно, поскольку, кроме сугубо религиозной, церковь играла большую роль в повседневной жизни горожан: в ней можно было встретиться с нужными людьми, обсудить наболевшие вопросы.

***

Пережив тяжелые советские годы, православие в Муроме вступило в эпоху ренессанса. Однако и здесь не все так гладко, как кажется со стороны. Отец Николай Стройков, всю жизнь, в том числе и в те самые советские времена, прослуживший в Муроме священником, бывший благочинный, словно продолжает традицию обличения, заложенную еще протопопом Логгином, и по-муромски идет до конца: «Город древний, город славный… Это слава Святой Руси. Отголоски этой славы мы слышим и теперь, но в какие формы они вписываются? Что мы наблюдаем теперь?.. Что же касается до священства, то сделаем обзор церковной жизни в храмах и монастырях Московской Патриархии, расположенных на территории Мурома и в ближайших селах.

Говорят, что в Москве среди священнослужителей мало лиц русской национальности, все больше евреи и украинцы, та же картина

и в Муроме… В годы коммунистического режима в Муроме был открыт единственный храм Муромского Благовещенского монастыря.

С приходом демократического строя стремительно начали открываться храмы как в Муроме, так и в его окрестностях (я был в те дни благочинным). В храмы нужны священники – их набрали с улицы совершенно безграмотных в богословии и в Церковь они пришли (понятно!) "не ради Иисуса, а ради хлеба куса". Это в настоящий момент "слепые вожди слепых"… Вот эти батюшки, кое-как окончив Владимирскую семинарию, и окормляют в наши дни православных христиан, ничего не знающих о МП и Истинной церкви Христовой, и по незнанию вынужденных посещать имеющиеся в городах храмы.

Благовещенский мужской монастырь

В годы советской власти почти не закрывался. Функционировал в качестве Соборного храма. С началом перестройки вновь стал мужским монастырем.

Первым его игуменом стал некий Сильвестр, у которого вскоре появился новорожденный сын. На его место был назначен (поставлен) игумен Кронид… Еврей, выпить "не любит" и братия ему под стать. Отслужив в праздник… до следующего праздника в монастыре отсутствует, братия предоставлена сама себе. Первый набор монахов весь разбежался.

К монастырю приписан скит в селе Борисо-Глеб. Туда был поставлен настоятелем… иеромонах Александр, друг Кронида. Спился и вскоре умер, а братия (как говорят) приела всех кур в близлежащих домах. После них в храме осталось лишь кресло-качалка… Братии там больше нет…

Муром посещают довольно много паломников. Так некоторые из братии, видя подходящий автобус, одевают епитрахиль, вешают на шею ящик с фотографией разрушенного скита и бросаются навстречу паломникам. В иные дни набирают до семи тысяч рублей и пьянствуют.

Спасо-Преображенский мужской монастырь

Настоятель архимандрит Кирилл (не так давно трагически погибший. – *Ю.С.*) (архимандрита получил по ходатайству Степашина – председателя Счетной палаты Российской Федерации, который

является попечителем монастыря). То ли цыган, то ли молдованин. С братией текучка, говорят сейчас в монастыре один монах, а так трудники. Монастырь выглядит богато, кругом цветы; больше похож на городской парк: здесь можно покатать детишек на пони, отдохнуть у небольшого (искусственного) озера, есть свой небольшой зоопарк, и даже могут вас бесплатно покормить (монастырь печет хлеб и булочные изделия). Есть при монастыре гимназия. Странная. Говорят, что в ней даже Закон Божий не преподается…

В Рождество Христово и на Пасху устраивается (после крестного хода, перед Богослужением) шикарный фейерверк, посмотреть на который собирается "полгорода", но после этого народ отправляется домой, а не на богослужение…

Монастырь интересен следующим… гроб, в котором лежит высеченный из дерева (в рост человека) Илья Муромец, на груди у него лежит шашка (как у городовых в царское время). В этом истукане, наверное… мощи. Верующие люди рассказывают, что во время Богослужения, посвященного преп. Илие Муромцу, когда приходит время елеопомазания, икона преподобного убирается, и люди вынуждены целовать статую…

В течение нескольких лет в монастыре целенаправленно сокращается чин Божественной Литургии… Похоже, подгоняется время под католическую мессу.

Свято-Троицкий новодевичий монастырь

Этот монастырь заслуживает особого внимания. Его возглавляет игуменья Тавифа. Кто она по национальности, не знаю… Важнее всего то, что она масонка. Все в этом монастыре "за семью печатями". Дисциплина строжайшая… Кругом камеры слежения и прослушки…

Нельзя обойти молчанием и значение о. Благочинного – это человек игуменьи Тавифы. Она однажды при мне рекомендовала его как весельчака и анекдотиста. Он и сейчас в алтаре рассказывает анекдоты, может выругаться нецензурно. Я убежден, что его назначение – подыскивать так или иначе негодных ставленников, а потом, рукоположив их, спаивать, тем самым делая их "своими людьми". Я сам наблюдал это, и другие свидетельствуют.

Выводы:

Каждый монастырь выполняет свое задание.

1. Благовещенский – разлагает братию;

2. Спасо-Преображенский – приучает православных к католичеству;

3. Воскресенский – лицемерно-показное православное богослужение с ложным монашеским уклоном…

4. Свято-Троицкий закрыт по-масонски»[442].

В последние годы Муром столкнулся с непривычным для него явлением – массовым паломничеством. Казалось бы, для города, который гордится своей православной сущностью, наконец-то наступил миг торжества. Однако и здесь все не так просто. Паломничество оказалось каким-то странным. Понятно, когда в День семьи, любви и верности поклониться мощам Петра и Февронии приезжает много народа. Но все остальное время паломники едут не в Муром, а через Муром, поскольку их основная цель – Дивеево, а в Муром, случившийся быть по дороге, заскакивают на часок-другой, взмыленно галопируют по монастырям и проносятся дальше. Благочестивые пилигримы твердо знают, о какой камень надо потереться, чтобы избавиться от одной напасти, куда поставить свечку – чтобы от другой, и к чему приложиться – чтобы от третьей. А мужчинам надо успеть в определенные дни окунуться в источник Ильи Муромца, что в Карачарове – и тогда на весь год никаких проблем с сугубо мужскими способностями. Но через год – опять пожалуйте купаться! Самое странное, что муромские жители узнают об этом от паломников, а Муром из «колыбели православия» превращается в распространителя языческих суеверий. Большинство муромцев этого совершенно не осознает.

Очень верно описал сложившуюся ситуацию священник В. Праздничный, руководитель паломнической службы Воронежской епархии: «Меня, как православного священнослужителя, весьма тревожит деятельность частных предпринимателей, занимающихся религиозным туризмом. Не все из них остаются в рамках приемлемого для такой формы деятельности культурологического рассказа. Порой в религиозно-туристических поездках распространяются нелепые россказни околодуховной тематики, ведется торговля "чудесными" предметами, пропагандируются псевдоправославные "духовные практики". В результате у туристов создается карикатурное представление о православном паломничестве и церковной жизни в целом. Формируется потребительский подход. Например, в автобусах нашего города мож-

но встретить рекламные объявления такого содержания: "Поездка в город Муром к святым Петру и Февронии для тех, кто хочет выйти замуж". Далее предлагается список паломнических поездок, которые помогают в лечении глазных болезней, бесплодия, беснования и даже пристрастия к шоколаду»[443].

Если учесть, что едва ли не все организаторы подобных туров, дабы избежать налогов, оформляют их как частные поездки, что, не обращаясь к квалифицированным муромским структурам, сопровождают эти поездки рассказами очень низкого уровня, что до города и его истории им нет никакого дела, что основной доход монастырям приносят как раз те самые «чудесные» предметы, то ценность такого паломнического потока во всех отношениях выглядит весьма сомнительной. Не стоит забывать, что к этому потоку подключаются и светские туристы, поскольку монастыри – это основные объекты показа в городе.

Да и прием в некоторых монастырях неласковый: «и до кучи на меня еще и рявкнули в одном из монастырей»[444], – подобные сетования в интернете встречаются нередко. «С суровым нравом муромских православных пришлось познакомиться и нам, – пишет Н. Радулова, опубликовавшая желчный очерк о Муроме в "Огоньке". – В монастырь, к мощам якобы Февроньи и Петра, приходит очень много женщин. Кто-то просит об удачном замужестве, кто-то хочет вернуть мужа в семью, кто-то умоляет отвратить благоверного от пьянства или игровых автоматов. Семейных пар, которые просто явились поклониться главной православной чете, не так уж и много. Одна такая пара стояла на улице, возле скамеечек. Ждали своей очереди. Муж немного приобнял жену, пытаясь защитить ее от холодного ветра. И тут как по команде откуда-то выбежал отряд монашек. "Что вы делаете? – закричали монашки. – Как вы смеете! Тут Петр и Февронья лежат, а вы! Обниматься вздумали!" Перепуганные влюбленные пытались оправдываться: "Так мы женаты!" Но монашки были неумолимы: "Какая разница? Это разврат! Вон отсюда!"»[445].

Несколько неожиданным и странным выглядит размещенное в Википедии утверждение, что «Муром всегда был городом, где национальные меньшинства мирно соседствовали с представителями коренного населения»[446] – хотя бы потому, что практически на про-

тяжении всей своей истории Муром был городом моноэтничным. О биэтничности Мурома можно говорить только на начальном этапе его существования, когда проходил процесс слияния муромы и славян[447]. В остальные периоды в городе, судя по всему, проживали лишь отдельные немногочисленные представители других национальностей, равно как и представители неправославных конфессий. «Повесть о водворении христианства в Муроме» упоминает о приверженцах «Моаммефа», т.е. мусульманах. И в середине XIX века Муром оставался мононациональным и монорелигиозным городом. Из 10 026 жителей православных было 9983, раскольников – 22, католиков – 8, протестантов – 2, иудеев – 10, мусульман – 1[448]. В 1913 году в городе упоминается первый (и тогда единственный) последователь баптистской церкви[449]. К тридцатым годам XX века ситуация практически не изменилась. Я не располагаю отдельной статистикой по Мурому, но в Муроме и Павлове (совместно) тогда проживало 24 человека мордвы, 48 татар и 548 представителей других национальностей. Всего же на территории округа русские составляли 99,71 %[450]. Относительно заметный рост «других национальностей» произошел за счет тех миграций Первой мировой и гражданской войн, о которых уже шла речь.

В настоящее время русские составляют 95 % горожан. Есть и другие национальные группы: татары, мордва, украинцы, белорусы, евреи, поляки, чехи и проч.,[451] а также более трехсот иностранцев[452]. С 2007 года работает мечеть[453].

Проведенное в августе 2011 года Администрацией Владимирской области социологическое исследование этноконфессиональной ситуации в регионе показало, что, с одной стороны, Муромский район самый «православный» по области: к этой конфессии отнесли себя 91,5 % (в среднем по региону – 82,6 %; в 2004 году – 51 %). С другой – здесь же отмечается и мировоззренческое многообразие, и наибольшее количество опрошенных не связывают себя ни с какой религией. По национальной и религиозной толерантности, насколько можно судить по приведенным данным, Муром находится в середине между самой низкой в Собинском районе (соответственно, 0,4 % и 2,1 %) и самой высокой в Суздальском (68,5 % и 66 %)[454].

***

О культурном пространстве Мурома говорить сложно. Оно есть, и его нет, как и почти все в Муроме. Управление культуры города работает с полной отдачей: и фестивали, и конкурсы, и акции, и выставки, и дни города, и всякие прочие мероприятия. Но беда в том, что культурное пространство – это несколько больше, чем «клуб и художественная самодеятельность». Вот того, что выходит за эти пределы, в Муроме и не хватает. Стоит, видимо, еще раз обратиться к В. Стратонову: «Общественной жизни в Муроме тогда не было заметно почти никакой. Да и интеллигенции было очень мало. Небольшое число чиновников и учителей, очень малое число дворян с их уездным предводителем, а все остальное покрывалось муромским купечеством.

Разумеется, были где-то и другие люди, с более высокими культурными запросами, со стремлением к знанию, но их заметить было нельзя.

В общем городская жизнь была настолько мало культурной, что, например, прочитать тогда в Муроме публичную лекцию показалось бы бестактностью, совершенным непониманием обстановки»[455].

Газета «Искра» в 1903 году поместила корреспонденцию из Мурома: «Если бы вы знали, какое провинциальное болото представляет наш город! При самом въезде в город, в улицы, заросшие бурьяном, – непривычный человек вывихивал челюсти от зевоты и умирал от смертельной скуки, которая лилась из-под всех муромских подворотен, из всех окон. Муромских мещан вы сразу узнавали по их деревянным, тупым физиономиям, по их мешкообразным фигурам, от которых пахло калачами, постным маслом, лошадьми и св. мощами»[456].

Много позже местная газета подтвердила эту сентенцию:

Снег, сугробы, тьма ночная.
Редкий огонек.
Где-то, волком завывая,
Лает кобелек.
Клуб. Братишки. Черви. Бубны.
Богатырский сон.
Не поднимет и глас трубный
Мирных граждан он.
Сани. Тумбы. Свист метели.

На столбе фонарь.
……
Вьюги тихо песни пели,
Точно пономарь[457].

Официальные и официозные издания утверждали иное. «Общественное образование городского сословия развито гораздо более в гг. Владимире и Муроме; в них мало по малу развивается уже вкус к изящным искусствам[458], – в середине XIX века писал Талызин, понимая под общественным образованием не столько обучение в школах и т.п., сколько отношение общества именно к «изящным искусствам». Через пятьдесят лет В. Добрынкин конкретизирует пассаж Талызина: «Для общественных гуляний и развлечений в Муроме есть городские сады и клубы. Около Собора расположен городской бульвар… Неподалеку от вокзала железной дороги существует ярмарочный сад, в котором устроен летний театр. Для увеселений в зимнее время город имеет два клуба: один из них – дворянско-купеческое собрание на Московской улице в д. О.Д. Епишевой, а другой, всесословный в д. Е.П. Зворыкиной неподалеку от башни. В течение зимнего сезона в дворянско-купеческом собрании фигурирует главным образом местный любительский музыкально-драматический кружок, существующий в Муроме более 15 лет… Городская общественная библиотека открыта в 1866 году в здании городской думы. Выдача на дом книг производится за плату… Александро-Невского братства при Спасском монастыре, бесплатная Библиотека для членов клуба при дворянско-купеческом собрании»[459]. Современный краевед пополняет этот список: 13 июня 1869 г. открыта первая в Муроме частная типография; в 1875 г. – реальное училище и женская гимназия; в 1909 – стационарный кинематограф; в 1913 – местная газета «Муромский край»; в 1914 в городе было восемнадцать различных обществ – от страховых до любителей спорта[460]. В данном случае статистика не врет. Однако она показывает, так сказать, «количественный состав» общественной жизни, т.е. созданные для жителей Мурома возможности. Стратонов же обращает внимание на качество, на то, насколько эти возможности используются муромцами. А используются они слабо, как, впрочем, и сегодня. Парадокс в том, что, начавшись относительно рано, «общественное образование»

остановилось на уровне конца девятнадцатого века, ну, может быть, начала двадцатого.

Через двадцать два года после революции местный автор в газетной статье описывал прежнюю жизнь муромского общества. Если отвлечься от пролетарского классового сарказма, которым пропитано описание, вполне можно представить, что она собой являла: «Трудно представить нам, гражданам счастливой советской действительности, ту допотопную каторжную жизнь трудящихся. Но такая жизнь была до самой Великой Октябрьской социалистической революции и в нашем городе.

Нещадно эксплуатируемые заводчиками, фабрикантами и торговцами, рабочие и служащие города не видели радостных дней. Черная нужда висела петлей на шее. И единственным «развлечением» в часы отдыха для трудящихся были: "синематограф", как называли здесь кинотеатр, в котором шли скабрезные картинки, летняя ярмарка, с не менее скабрезными балаганами, и трактиры. О насаждении трактиров особенно заботились "отцы города", наживаясь на последних трудовых копейках рабочего и еще сильнее эксплуатируя его при помощи пьяного дурмана.

Единственным "общественным" местом в городе было дворянское собрание, куда, конечно, всем "посторонним лицам" вход был запрещен. Даже в общедоступном кинематографе сословное различие играло существенную роль.

Интеллигенция Мурома – бедное учительство, немногочисленный медицинский персонал, служащие промышленных и торговых предприятий – также была оторвана от общественной и культурной жизни. Редкие постановки спектаклей самодеятельности – единственные культурные потуги интеллигенции. Остальное же свободное время она проводила (с раннего вечера и до утра) за картами, играя в "железку", "двадцать одно", в лото. Или же, получив порцию удовольствия» в кинематографе, рано ложилась спать.

И вот представьте такой город вечером. В дворянском собрании идет блестящий бал. Интеллигенты, собравшись у кого-нибудь на квартире, режутся в "двадцать одно". Рабочие топят свое горе в трактирном вине. В темных закоулках по волчьи завывают собаки.

На площади стоит "блюститель порядка" – городовой, охраняя розовую жизнь "отцов города"…

О чем же заботились "отцы города", думцы, стоявшие у кормила городской власти? Забота у них была глубоко жизненная, своеобразно материальная. Есть такая меткая пословица: "В думу попал – в комиссию норови; в комиссию попал – гонорара требуй". Властвуй и наживайся за счет трудового народа – под таким негласным лозунгом составляли свои многочисленные проекты гласные городской думой. (Многочисленные, но не все. Лев Сергеевич Голицын, чрезвычайно активный деятель муромского земства, будущий создатель российского шампанского, который, кстати, не был муромцем ни по рождению, ни по воспитанию, всегда отказывался от каких-либо возмещений собственных трат на земском поприще[461]. – *Ю.С.*).

Горы проектов, достойных гоголевского Манилова! Тут и проект о строительстве в Муроме электростанции, и о трамвайных линиях, о путепроводах на железной дороге, о благоустройстве мостовых…

Февральская революция 1917 года… Но… мало что изменилось в жизни города Мурома… Все та же сонливая провинция обволакивала и рабочих, и служащих, и интеллигенцию города. В восторге перед мнимой для народа свободой, которую провозгласило временное правительство, местная эсеровская печать клеветала и на муромскую интеллигенцию, доказывая, что она не способна к широкой общественной жизни.

К какой общественной жизни, для кого работать? – вот можно было задать вопрос клеветнику-журналисту, скрывавшемуся под псевдонимом "Изгой". Он "призывал" интеллигенцию стать чертежниками архитектуры по строительству новой России. Но этой новой России еще не было… Положение муромских интеллигентов, как и рабочих, оставалось крайне неудовлетворительным.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная пролетариатом под руководством ленинско-сталинской партии большевиков, смыла все язвы старого мира, обновив и оживив жизнь широких слоев трудового народа. Под мудрым руководством коммунистической партии и великого вождя всего прогрессивного человечества товарища Сталина советский народ – архитектор строит прекрасное и величественное здание коммунизма, и выросшая из на-

рода советская интеллигенция великолепно выполняет обязанность чертежников коммунистической архитектуры. Вместе со всей страной социализма растет, ширится, бурлит жизнью и наш город Муром»[462].

Тогда же, в 1939 году, другой местный автор с гордостью подсчитал количество интеллигенции в современном ему городе: «Сейчас Муром имеет свою армию интеллигенции. В районе – до шестисот учителей, на заводах и фабриках – сотни инженеров и техников. Работников каких профессий нет сейчас в городе! Врачи, учителя, инженеры, художники, техники, агрономы, плановики, бухгалтера, актеры, журналисты, руководители партийно-советских организаций, – людей всех профессий имеет новый Муром. На предприятиях – 4,5 тысячи стахановцев»[463]. (Особенно впечатляют тысячи интеллигентных стахановцев. – *Ю.С.*). Качество такой интеллигенции я смог оценить спустя ровно восемьдесят лет после поголовного подсчета. В марте 2014 г. в мужском туалете городской библиотеки на обратной стороне двери был прикреплен лист бумаги с выведенной на принтере надписью: «Если ты Интеллигент (именно так, с прописной буквы. – *Ю.С.*), смой за собой».

Конечно, сегодня возросло количество разных обществ, кружков, студий и проч.; конечно, много больше стало людей т.н. «интеллигентных профессий» – учителей, врачей, инженеров, журналистов, преподавателей вузов, художников, музыкальных и музейных работников, работников сферы культуры и телевидения, литераторов и т.п.; конечно, не осталось неграмотных и несравнимо выросло число людей с высшим образованием, но ведь и население стало значительно больше. Однако все они существуют как бы сами по себе; каждое из созданных формальных объединений (назовем их «творческими») существует в своем ментальном пространстве, и редкие из них соединены узенькой тропочкой. На менталитет муромлян они если и оказывают влияние, то крайне незначительное. В шестидесятые годы прошлого века появился в Муроме молодой специалист, инженер П. С., человек, всем увлекающийся и всем увлеченный. Его прозелитская натура требовала, чтобы появляющиеся устремления тут же становились достоянием широких масс и, завладев умами, объединили всех. В стране тогда шла всеобщая дискуссия о «физиках» и «лириках», т.е. о том, кто важнее – «технари» или «гуманитарии»,

за кем из них будущее или, может, будущее – это синтез того и другого? Высказывались новые идеи, возвращались к забытым. Вспомнили и о светомузыке А.Н. Скрябина. На муромском заводе РИП, где, кстати, работал наш герой, стали выпускать радиолы со светомузыкальным экраном – «Гамма» и «Самоцвет». И тогда у П.С. возникла мысль: муромские художники должны создать новое направление в живописи, а их картины вписаться в свето(цвето)музыкальную гармонию. Капитально подготовившись, П. С. уговорил художников прослушать его лекцию. Пришел к ним в мастерскую – а тогда они коллективно работали в помещении городского Дворца культуры – и, пока те занимались живописью, просве(цве)щал их. После того, как лекция закончилась, художники смущенно сказали П. С.: «Знаешь, ты к нам больше не приходи…»

Поражает неразвитость художественных вкусов – во всем: от вывесок и одежды до восприятия живописи. Хотя Муром нередко называют «городом художников» – а по-настоящему интересных художников здесь немало, – общественные вкусы остались на уровне предметно-реалистического искусства. Виной тому, пожалуй, еще один парадокс: присутствие в городе до начала сороковых годов прошлого века маститого художника, ученика И.Е. Репина, академика живописи И.С. Куликова. Поставленный революцией в условия выживания, Куликов взял художественное образование горожан в свои руки. Понимая, видимо, в условиях советской власти бесперспективность и даже опасность любого, кроме соцреализма, направления, он воспитывал общественный вкус в духе реалистической школы. Это хорошо легло на купеческий консерватизм, что в обывательских суждениях чувствуется до сих пор, чего нельзя сказать о профессиональных муромских художниках.

***

Отношение к детям – одна из существенных характеристик менталитета. Здесь очень трудно не поддаться соблазну и не впасть в сравнение с тем, как родители и общество в целом относятся к взращиванию молодой поросли, например, в Англии, Испании, Японии, Армении – это совершенно разные, скажем так, системы пестования. Однако я обещал не сравнивать, не давать оценок и рекомендаций.

Судя по немногим муромским мемуарам, в дореволюционное время детей не баловали. Даже в зажиточных семьях на игры и заба-

вы отводилось небольшая часть свободного времени, основная же его доля предназначалась для помощи по хозяйству. Работать дети начинали достаточно рано; это касалось и купеческих семей[464].

Воинствующего чадолюбия у муромцев не наблюдается. Впрочем, неуправляемых и капризных до истерики детей от этого меньше не становится: я исхожу из тех эпизодов, которые почти каждый день вижу на улицах и в городском транспорте. Насколько можно судить, такое поведение – не избалованность детей, а педагогическое невежество родителей. Под невежеством я имею в виду даже не специальное педагогическое образование, а элементарное отсутствие здравого житейского смысла. Основной прием общения с детьми, к которому прибегают родители, это постоянное одергивание, запрет самых безобидных действий, угрозы заведомо невыполнимого наказания («Никогда не пойдешь гулять!»). Часто все это сопровождается криком, сквернословием или матом. Даже когда в музей приводят группы малышей, главной проблемой для экскурсовода становятся сопровождающие их вместе с воспитателями родители, которые, не переставая, одергивают детей.

Как-то поздней осенью, когда ударил первый морозец и «превратились лужицы в прозрачное стекло», утром я шел на работу. Во дворе молодая мамаша, «круто упакованная» (по самым скромным подсчетам одежда и украшения на ней стоили не меньше двух моих годовых зарплат), гуляла с мальчиком лет четырех. Мальчишка с восторгом топал по хрустящим льдинкам – кто же из нас не делал этого в детстве, да что греха таить, иногда и сейчас… Мамаша включила талант воспитателя, заревев, как сирена: «Ты что делаешь?! Гулять не умеешь, п….с маленький!» Еще одна не менее расфуфыренная мамаша с дочкой лет четырех прохаживалась по центральной улице. Малышка бегала вокруг мамы, хохотала, прыгала и вдруг, споткнувшись, упала. Мамаша стала надуваться, выпучила глаза, открыла рот, чтобы заорать, но не успела. Девочка, стоя на ободранных коленках, сдерживая слезы, тянула к ней ручонку с вертикально поставленной, словно для защиты, ладошкой: «Мамочка, мамочка, не надо, – и в полный голос, переходящий в рев, – я не ё……ь!»

Если со своим так, то что уж говорить про чужих: «Жилищное управление еще в прошлом году организовало на Комсомольской

улице, возле дома № 22, детскую площадку. Но жильцы Рудаковы – Мария Михайловна и ее дочь Тамара всячески мешают детям, оскорбляют их. Их огород не загорожен. И вот когда ребенок зайдет, а Рудаковы устраивают целый скандал, осыпают детей бранью. "Они нам спать не дают", – жалуются Рудаковы. 22 июня Тамара Рудакова дошла до того, что побила мальчика крапивой. На крик выбежали соседи, прибежал и отец ребенка. Мне кажется, такое отношение к детям не советское. Надо призвать к порядку грубиянов»[465].

Примерно с год, возвращаясь с работы, я на автобусной остановке каждый вечер наблюдал одну и ту же картину. Автобуса ждали хорошо упитанный розовощекий мальчик в спортивной форме и с рюкзачком и его так же упитанный дедушка, видимо, забиравший внука после тренировки. Остановка конечная, время не пиковое, народу не много. Но, как только подходил автобус, юный спортсмен бросался к дверям и, расталкивая всех – стариков, беременных – прорывался в салон и занимал места. Дед наблюдал за штурмом с довольной ухмылкой. Ехать, кстати, им было три остановки. Попытки сделать замечание ни у деда, ни у мальца не вызывали никакой реакции – глухие муромские ворота.

***

«В центре интересов муромской жизни стоял базар»[466]. Базар был половинкой первого кита, на котором зижделось мировоззрение дореволюционного Мурома; второй половинкой была купеческая промышленность («Район был действительно промышленным, – отмечал В. Стратонов. – В самом Муроме было несколько фабрик и заводов… В окрестностях было развито производство мешков – они изготовлялись массами и давали хорошую прибыль. Затем – картофеле-паточные заводы, металлических изделий и пр.»[467]). Вторым китом была церковь. Третьим – застолье. Все остальное крутилось вокруг этих исполинов, как рыбы-прилипалы. Загарпуненные революцией, два кита на плаву оставались недолго, однако круги от них до сих пор расходятся и по поверхности, и по глубинам муромского менталитета, задерживаясь и иногда бушуя у непотопляемого третьего кита. Вместо базара и купеческой промышленности советская власть запустила в муромский бассейн дредноут оборонной промышленности, наспех скомплектовав его экипаж из жителей деревень и приезжих специалистов,

чьи ментальные установки раздражали коренных жителей, как, впрочем, и наоборот. По населению, по насыщенности промышленностью Муром, несомненно, стал городом. Однако менталитет его городским от этого не стал, а только приобрел маргинальный характер.

Торпедированная перестройкой, пошла на дно и оборонка. И опять на поверхность выплывают потомки старых китов…

Поразительным образом люди, сделавшие что-то заметное для города и оставшиеся в памяти горожан – это, в основной массе, приезжие. Тем же людям, которые добились известности российской или мировой, для достижения своих целей пришлось из Мурома уехать.

***

В 1970 году вышла великолепная книга В. Овчинникова «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы». Это было едва ли не первое произведение, познакомившее советских читателей с японским менталитетом. В Японии, кстати сказать, оно тоже стало бестселлером. Через девять лет мы зачитывались другой книгой того же автора – «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах». Прекрасно понимая несоразмерность моих способностей и таланта Овчинникова, а также разницу в жанрах наших опусов, я с большим трудом избежал соблазна назвать свое сочинение «Заросли осоки». Или чертополоха. А очень хотелось…

Примечания

[1] См., например: Автор неизвестен. Трансформация ценностно-смысловых составляющих менталитета поколений в условиях социокультурного кризиса России / Диссертация кандидата психологических наук. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pslog.net/study-96–1.html; Агеева Г.М. Воспоминания интеллигенции Мордовского края как репрезентация провинциального менталитета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regionsar.ru/node/670; Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – Москва, 1996; Русская история: проблемы менталитета. – Москва, 1994; Современные проблемы российской ментальности. – Санкт-Петербург, 2005.

[2] Ефремова Ж.Д. Формирование и функционирование менталитета населения малого провинциального города / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Москва, 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.smalltown.siteedit.ru/.

[3] Маслова И.В. Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Казань, 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sc-comm.ru/conf_fil.php?id=34.

[4] Там же.

[5] См.: Осипова Е.В. Некоторые проблемы теории личности // Социальные исследования. – Москва, 1970. – Вып. 3. – С. 92.

[6] Маслова И.В. Указ. соч.

[7] Стратонов В.В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. II // НА МИХМ. – Ф. 8. – Оп. 1. – № 94. – С. 2. Подлинник (рукопись) хранится: ГАРФ. – Ф. Р-5881. – Оп. 2. – Д. 668.

[8] Ахметова М.В. Городское пространство в локальном тексте (г. Муром). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alt-forum.ru/threads/8163/; она же. Образ Мурома в сознании горожан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova8.htm; она же; «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://student.km.ru/ref_show_frame.asp?id=2600A2E552BE45BF90A80B733DCD257A.

[9] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[10] Словарь названий жителей РСФСР. – Москва, 1964.

[11] См.: Грибов Н.Н. Сельская округа средневекового Мурома на правобережье р. Оки // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 18–22; он же. Структура русского расселения в Нижегородском Поволжье на рубеже XIV–

XV веков // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. – Н. Новгород, 2000; Пашуто В.Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. – Москва, 1966. – С. 96.

[12] Географические зоны антропологических типов русских. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bigfrol.livejournal.com/36828.html.

[13] Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Москва – Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 82–95; он же: Муром: этно-демографические контакты // Уваровские чтения – VI. – Муром, 2006. – С. 289–300.

[14] Альквист А. От мурома до муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения – III. – Муром, 2001.

[15] Ср. также: Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. – Москва, 1983. – С. 116.

[16] История села Муром // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://thm0791.narod.ru/history.htm; Славное село Муром // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://guru1.murom.edusite.ru/p28aa1.html.

[17] Муром – село с развитой инфраструктурой // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.murom.ru/node/6606.

[18] Язык народа мурома восстановят. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://merjamaa.ru/news/jazyk_naroda_muroma_vosstanovjat/2010–12–01–112.

[19] См., например: Чувашия: история и культура. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://surskiezori.narod.ru/history.htm.

[20] Сывороткин М.М. Муромский язык: был ли он?// Уваровские чтения– VIII. – Муром. В печати.

[21] Татищев В.Н. Лексикон российский исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения. – Ленинград, 1979. – С. 183.

[22] Де Ерлезунд Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. – Москва, 1867. – С. 28, 88.

[23] Цит. по: Рыдзевская Е.А. О названии Руси Gardariki // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. – Москва, 1978. – С. 146; см. также: Мельникова Е.А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. – Москва, 1976. – С. 148–149, 154: она же. Древнескандинавские географические сочинения / Тексты, перевод, комментарий под ред. В.Л. Янина. – Москва, 1986; Родина М.Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очер-

ки. – Владимир, 2004. – С. 9, 87; Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 108.

[24] Фоменко И.К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения –V. – С. 58.

[25] Там же. – С. 59, 60–61.

[26] Там же. – С. 62–63.

[27] Военно-статистическое обозрение Российской империи, Владимирская губерния / Сост. полковник Генштаба Талызин. – Санкт-Петербург, 1852. – Т. VI. – Ч. 2. – С. 141–142.

[28] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 2.

[29] Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). – Санкт-Петербург, 1993. – С. 34.

[30] Военно-статистическое обозрение Российской империи, Владимирская губерния. – С. 284.

[31] Там же.

[32] Цит. по: История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001. – С. 208.

[33] Арсеньев К. Статистические очерки России. – Санкт-Петербург, 1848. – С. 413.

[34] Де Ерлезунд Петр Петрей. Указ. соч. – С. 2.

[35] Путешествие Корнилия де Бруина через Московию. Глава XV. – Отд. оттиск. Б/м., б/г. (1872?). – С. 57.

[36] Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. – Москва, 1905. – С. 200.

[37] См., например: Волостнов С.А. История голода и продовольственного обеспечения до середины XIX в. (по материалам Владимирской и Костромской губернии) // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 233–239.

[38] Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. – Москва, 1967. – С. 152.

[39] Ахметова М.В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома.

[40] См., например: Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР. – Вып. 94. – Москва, 1961; Смирнов Ю.М. «Русский» Муром…

[41] Макаров Н.М. Муром и Мурома [30-е гг. XIX в.] // НИОР РГБ. – Ф. 203. – Кн. 228. – Ед. хр. 2. – Л. 1–4.

[42] Гераклитов А.А. К вопросу о национальности летописной «муромы» // Известия Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. – Саратов, 1931. – Т. IV.

[43] Лимборская С.А. Использование новейших технологий геномного анализа для изучения генофонда народов восточно-европейского региона, включая Муромский район Владимирской области // Уваровские чтения–IX. – Владимир, 2014. – С. 205.

[44] Балановская Е. В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. – Москва, 2007.

[45] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopic=8978. Рец. на данное исследование см.: Савельев А.Н. Рецензия на книгу «Русский генофонд на Русской равнине». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.savelev.ru; «Русский генофонд на Русской равнине». О книге Е.В. Балановской и О.П. Балановского. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.duel.ru/200823/?23 9 2.

[46] Голденков М. Забытые корни русской нации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rodoslav.wordpress.com/2011/01/09/%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B5-%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%BD%D0%B0%-D1%86%D0%B8%D0%B8/.

[47] Генеалогический форум ВГД. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.vgd.ru/7/11358/.

[48] Богданов А.П. О красоте русских типов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskolan.xpomo.com/liter/bogdanov.htm.

[49] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 2.

[50] Казанкова М.А., Лаптева Т.А. Купеческий род Жадиных в истории города Мурома и его генеалогические связи // Уваровские чтения – VIII. Владимир, 2012. – С. 208.

[51] Казанкова М.А., Насонова Н.В., Сазонова Е.И. Из истории рода муромских купцов Гундобиных // Сообщения Муромского музея 2012. – Владимир, 2014. – С. 60.

[52] Муромский край. – 1914. – 9 февр.

[53] Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому). Путеводитель. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: год.http://www.mabiu.ru/student/ump/otech_istoria/12/Liter/Solov6.htm.

[54] Зимин В. Вниз по лестнице, ведущей наверх. – Магнитогорск, 2008. – С. 46. Об авторе: Владимир Александрович Зимин (р. 10 ноября 1951) – прозаик, член СПР. Родился в Москве. Школу закончил в Муроме. После окончания актерского отделения Горьковского театрального училища работал в Магнитогорском театре куклы. Затем Пермь, Кинешма, Иваново.

[55] См.: Епанчин, А.А. Топонимика Мурома и его окрестностей. – Москва, 2000.

[56] Ахметова М.В. Городское пространство в локальном тексте (г. Муром).

[57] Зворыкин Н.М. (Торский-Железный). Откуда пошли, есть Зворыкины Муромские // http://www.zvorykins.ru/publication/otkuda_poshli/#.

[58] Нечипоренко Ю. Калачи да коты в древнем Муроме. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epampa.narod.ru/nech/kalachi.html.

[59] Ахметова М.В. Указ. соч.

[60] Ахметова, М. В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома.

[61] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[62] См.: Смирнов Ю.М. К истории муромского герба. – Владимир, 2011.

[63] См.: Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – Москва, 1880. – С. 577; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Санкт-Петербург, 1890–1907; Епанчин А.А. Краеведческий сборник. – Муром, 2005. – С. 45; Смирнов Ю.М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет. – С. 82.

[64] См.: Вальтер Х., Мокиенко В.Н. Большой словарь русских прозвищ. – Москва, 2007. – С. 137.

[65] Маслова И.В. Указ. соч.

[66] См. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bibliotekar.ru/rusSaltykov/26.htm.

[67] См.: Можаев Б. История села Брехова, писанная Петром Афанасиевичем Булкиным // Можаев Б. Собр. соч. в 4-х т. – Москва, 1990. – Т. 3.

[68] Там же.

[69] Можаев А. Поэты лугового края. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.port-folio.org/2006/part170.html.

[70] Цит. по: Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. – Москва, 1967. – С. 36.

[71] См.: Книга записная мелочных товаров Московской Большой таможни 1694 г. // Сакович С.И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. – Москва, 1956. – С. 25, 46, 47, 50, 58–59, 65, 66, 67, 68, 72–73, 90; Купряшина Т.Б. Муромский огурец: от производства к досугу // Уваровские чтения–IX. – Владимир, 2014. – С. 83–89.

[72] Бахрушин С.В. Торговые крестьяне в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – Москва, 1954. – Т. II. – С. 124.

[73] Епанчин А.А. Топонимика Мурома… См. также: Смирнов Ю.М. Муром: этно-демографические контакты. – С. 291.

[74] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 1.

[75] Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – Москва, 2000. – Т. I. – Ч. II. – С. 24.

[76] См. об этом: Ю.М. Смирнов. Еще раз к вопросу о христианизации города Мурома // Материалы областной краеведческой конференции. – Владимир, 2007. – Т. 1. – С. 132–137; он же. Крест, меч и золото. Еще один взгляд на христианизацию Мурома // Владимир: Литературно-художественный и краеведческий сборник. – Владимир, 2008. – Кн. 21. – С. 149–152.

[77] Карев А.В., Сомов К.В. Христиане в одиннадцатом веке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.church.kiev.ua/Librery/htm/00208.htm#12.

[78] См.: Смирнов Ю.М. Крест, меч и золото; он же. Об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома // Рождественский сборник. – Ковров, 2009. – С. 16–24.

[79] ПСРЛ, 1, 158. Цит. по: Самоквасов Д.Я. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. – Варшава, 1886. – С. 53.

[80] Беляев И. Рассказы из русской истории. – Москва, 1865. – С. 342.

[81] Татищев В.Н. История Российская. – Москва–Ленинград, 1963. – Т. 2. – С. 177.

[82] Токмаков И. Материалы для историко-статистического описания города в связи с церковно-археологическим обзором священных достопамятностей этого края с IX по XIX столетие. – Москва, 1887. – С. 5–6.

[83] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aworld.ru/maska/forumsp5999a.htm.

[84] Муромский промышленный округ (Проект организации округа). – Муром, 1923.

[85] Аксенова А. История. Судьба. Музей. – Владимир, 2001. – С. 170, 177.

[86] Крылов М.П. Региональная идентичность населения европейской России // Вестник Российской Академии наук. – 2009. – № 3. – Т. 79. – С. 270.

[87] Подробнее см.: Смирнов Ю.М. «Русский» Муром… – С. 87.

[88] См.: Кривошеев Ю.В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI – начала XIII вв. по материалам повестей. – Гатчина, 2003.

[89] См.: Аверьянов К.А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Мурома // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003.

[90] См., например: Брыкин В.А. Реорганизация административно-территориального деления РСФСР в 1944 году на примере Горьковской, Ивановской и Владимирской областей // Уваровские чтения–VI. – Владимир, 2011. – С. 464–465.

[91] Крылова А.В. О том, как военные комиссары губернии делили (Территориальные споры между Владимирской и Нижегородской губерниями

в 1918–1929 гг.) // Материалы межрегиональной конференции. – Владимир, 2009. – С. 87.

[92] Данченкова Н. Пространственный образ в крестьянском фольклоре Восточной Владимирщины // Творчество. – 1994. – № 1–4. – С. 47–49.

[93] Там же. – С. 48.

[94] Там же. – С. 49.

[95] Муромский округ перед 5-леткой. – Муром, 1930. – С. 127.

[96] Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Исмагилов Н.Н. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/84_territorialbnaq_identifikaciq_v_geografii.pdf.

[97] Там же; см. также: Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/11.pdf.

[98] С материалами экспедиций можно познакомиться: Глазычев В. Глубинная Россия: 2000–2002. – Москва, 2003.

[99] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova8.htm1.

[100] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.murom.info/cgi-bin/docshow.cgi?art=1291.

[101] См., например: Турусов И.В. Нижегородские предания о разбойнике Кузьме Рощине: от фольклора до литературы // Жизнь провинции как феномен духовности. – Н. Новгород, 2004. – С. 118–121; он же. Окские предания о разбойнике Рощине: от исторического факта к фольклору, литературе и массовой культуре // Традиционная культура. – 2005. – № 17. – С. 90–95; он же. Окский разбойник Рощин в нижегородских и владимирских преданиях // Уваровские чтения–VI. – Муром, 2006. – С. 141–147; Балакирева Л.М. Бюрократические принципы в деятельности Петровских судебных органов: дело о «Пограблении Пензенской казны» в муромском лесу (1721–1726 гг.) // Уваровские чтения–VIII. – В печати.

[102] Ключевский В.О. Собр. соч. – Т. 22. Глава первая. Продолжение царствования императрицы Елисаветы Петровны. 1745 год.

[103] Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому).

[104] Сонин Л.М. Тайны седого Урала. Кто ты, Ермак Тимофеевич? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oldrushistory.ru/library/Taynysedogo-Urala/16.

[105] Ершов В.Е. Характеристика и территория Унженского стана Муромского уезда по состоянию на первую треть XVII века // Сообщения Муромского музея – 2014. – В печати.

[106] Есипов Г.В. Ванька-Каин (Из подлинных бумаг Сыскного приказа) // Семнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. – Москва, 1860. – Кн. третья. – С. 301.

[107] Балакирева Л.М. Бюрократические принципы в деятельности петровских судебных органов: дело о «пограблении пензенской казны» в муромском лесу (1721–1726 гг. // Сообщения Муромского музея 2012. – Владимир, 2014. – С. 153, 154.

[108] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%8C%D1%8F%D1%87%D0%B8%D0%B9.

[109] Бунин И.А. Дубки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bunin.niv.ru/bunin/rasskaz/temnye-allei/dubki.htm.

[110] Русская история. Лекция 14. Союз Благоденствия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oldru.com/vorobiev2/14_03.htm.

[111] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/4787/%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.

[112] Фоменко И.К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 63.

[113] Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 355–356.

[114] Макаров Н.М. Муром и Мурома [30-е гг. XIX в.] // НИОР РГБ. – Ф. 203. – Кн. 228. – Ед. хр. 2. – Л. 2.

[115] Военно-статистическое обозрение Российской империи… – С. 143.

[116] Там же. – С. 144.

[117] Экспедиция МОЛА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.molas.ru/marchs/Poezdka_v_Murom.htm.

[118] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 3.

[119] См.: Добрынкин Н.Г. Державные гости в городе Муроме 1445–1837. – Владимир, 1887. – С. 33–35; 54. Речь идет о том, что Павла I городничий встречал у заставы без «фрейлин», т.е. без муромских дам, поскольку «не позволено было фрейлинам во дворец ходить».

[120] Тюрина Е.К. Новые поступления 2012 года в коллекции археологии, металла, фарфора и фаянса, керамики, тканей // Сообщения Муромского музея 2012. – Владимир, 2014. – С. 268.

[121] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 4.

[122] Журналы Муромского чрезвычайного уездного земского собрания за 1911 год // Муром, 1911. – С. 5.

[123] Быт великорусских крестьян-землепашцев. – С. 48.

[124] Альперов Д.С. На арене старого цирка. Глава XV. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscircus.ru/alper15.

[125] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 5.

[126] Записки мещанина А.И. Гладкова. 1860–1862 // Эпистолярное наследие провинции: история повседневности. – С. 76. НА МИХМ.

[127] Дневник Дмитрия Михайлова // Эпистолярное наследие провинции: история повседневности. – С. 181. НА МИХМ.

[128] Орлова Е. Детективная история из Углича. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tourblogger.ru/blog/detektivnaya-istoria-iz-uglicha.html.

[129] Стратонов В. Указ. соч. – С. 4.

[130] Записки мещанина А.И. Гладкова. 1860–1862. – С. 73.

[131] Кузнецов С.К. Русская историческая география. Вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь). – Москва, 1910. – С. 108.

[132] Там же. – С. 149.

[133] Ряжский Г.А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. – Владимир, 1906. – С. 8–9.

[134] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[135] Маслова И.В. Указ. соч.

[136] Сазонова Е. И., Смирнов Ю.М. Обыкновенная история «маленького человека» (Записки муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова) // Русский архив. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 14–29; Т. 3. – № 1. – С. 10–50; Т. 4. – № 2. – С. 139–148.

[137] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 2.

[138] Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому).

[139] Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. – Москва, 1967. – С. 40.

[140] Генеральная ведомость по всем Владимирского Наместничества городам и округам // Ряжский Г.А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. – С. 8–9.

[141] Титов А.А. Историческое обозрение города Мурома. – Муром, 1991. – С. 80.

[142] Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому).

[143] См., например: Книга записная мелочных товаров Московской Большой таможни 1694 г. // Сакович С.И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. – Москва, 1956. – С. 25–90; Важинский В.М. Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России. – Москва, 1966. – С. 302–303; Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVII в. – Москва, 1958. – С. 53, 206.

[144] Сидорова М. В., Щербакова Е.И. Высочайшие путешествия. Остановка в Муроме // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 212.

[145] Там же. – С. 145–146.

[146] Еленский О. Мысли и воспоминания поляка. – С. 681. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archive.org/stream/russkaiastarina35assogoog/russkaiastarina35assogoog_djvu.txt.

[147] Титов А.А. Указ. соч. – С. 73.

[148] Добрынкин Н.Г. Державные гости в городе Муроме 1445–1837. – С. 33–35.

[149] См.: Устав Муромского Общества охотников конского бега. – Муром, 1884.

[150] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 3.

[151] Косый Б.С. Интересное о постройках, улицах, купцах, о живых старожилах Мурома и др. материалы // Рукопись. 1970–80-е гг. (хранится в архиве В.Я. Чернышева). Цит. по: Чернышев В.Я. Московская улица (Социо-экономическая история XVII – начала XX вв.). – Муром, 2005. – С. 103–104. Б. Косый ссылается на воспоминания младших современников Голубева: Т.А. Суздальцевой, В.В. Булыгина, А.А. Славянского, Е.П. Суздальцевой.

[152] Челищев Н. Голос из прошлого. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/24_ch/chel/ischev.html.

[153] Титов А.А. Указ. соч. – С. 63–65.

[154] Астахина Л.Ю. Письменные памятники города Мурома XVII века как источник по истории русского языка и быта // Уваровские чтения–III. – Муром, 2001. – С. 218–219.

[155] Муромскому уездному земскому собранию гласного князя Л.С. Голицына заявление // Журналы очередного Муромского уездного земского собрания 1875 г. – Б. м., б.г. – С. 288–289.

[156] Смирнов А.С. Первая русская революция и семья Уваровых // Уваровские чтения–IX. – Владимир, 2014. – С. 192–197.

[157] Сахаров А.Д. Воспоминания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/sohist/memory/sakhmem/1–3.htm.

[158] См.: «Живой журнал» современника Гоголя или «Ежедневные записки» муромского купеческого сына Егора Ивановича Перлова 1830-х годов / Публикация О.А. Суховой, Ю.М. Смирнова // Повседневная жизнь российской провинции. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 6. – С. 25–123; Сазонова Е.И., Смирнов Ю.М. Обыкновенная история «маленького человека» (Записки муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова) // Русский архив. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 14–29; Т. 3. – № 1. – С. 10–50; Т. 4. – № 2. – С. 139–148.

[159] См., например: Журнал или ежедневные записки муромского купеческого сына Егора (Георгия) Ивановича Перлова. 1833–1837 гг.; 1839 г. // Муромский историко-художественный музей. Инв. № М-9729; Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 5.

[160] Записки мещанина А.И. Гладкова. – С. 95.

[161] Там же.

[162] Альперов Д.С. На арене старого цирка.

[163] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – Санкт-Петербург, 1809. – Ч. 1. Цит. по: Путешественники. Нижний Новгород, 2009. – С. 130–132.

[164] Грачева И. Муром – «сей град прославлен бысть». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www/old/nkj/ru/11/0401/11401050–2/html.

[165] Журналы очередного Муромского уездного земского собрания 1875 года. – Б. м., б.г. – С. 439.

[166] Там же. – С. 439, 440.

[167] См.: Смирнов Ю.М. Муром, любовь и шампанское (князь Лев Сергеевич Голицын) // Сообщения Муромского музея 2010. – Владимир, 2011. – С. 35–57.

[168] Муромский округ перед 5-леткой. – Муром, 1930. – С. 134–135.

[169] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[170] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Владимирская губерния. – Санкт-Петербург, 1852. – Т. VI. – Ч. 2. – С. 284.

[171] История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – С. 148–150.

[172] См. об этом: Смирнов Ю.М. Фортификация средневекового Мурома // Сообщения Муромского музея – 2009. – Муром, 2010. – С. 5–15; он же. Город Муром и его кремль // Русская старина. – 2013. – № 2 (8). – С. 80–90; Смирнов Ю.М., Ценилов И.А., Горская А.А. Муромский кремль 1679 года: реконструкция. – Владимир, 2014.

[173] Богатов И. // Муромский рабочий. – 1939. – № 220. – 23 сент.; об интимной жизни муромлян см.: Смирнов Ю.М. Секс в маленьком городе // Сообщения Муромского музея – 2012. – Владимир, 2014. – С. 170–193.

[174] Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому). Путеводитель.

[175] Альперов Д.С. Указ. соч.

[176] Стратонов В. Указ. соч. – С. 4.

[177] Там же. – С. 1.

[178] Там же. – С. 3.

[179] Субботина Е.А. Из частной переписки муромской семьи начала XX века // Сообщения Муромского музея 2009. – С. 57.

[180] Муромский край. – 1914. – № 6. – С. 3.

[181] Муромский край. – 1914. – 6 июня; Не состоявшийся полет авиатора // Муромский рабочий. – 1939. – № 286. – С. 4.

[182] История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – С. 295.

[183] Добрынкин Н.Г. Древняя Козмодамианская церковь в г. Муроме // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. – Владимир, 1883. – Т. IV. – С. 45–60.

[184] Чернышев В.Я. Шатровая церковь Козьмы и Демьяна в Муроме. – Муром, 2008. – С. 12.

[185] Письмо А.П. Извольскому. 31 мая 1908 г. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 186. – Д. 11. – Ч. I. – Л. 224–224об. Опубл.: Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX вв. Сб. документов. – Москва, 1978. – С. 181–183. Цит. по: Письма П.А. Столыпина А.П. Извольскому. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn_izvol.html.

[186] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 1, 2.

[187] Летопись Свято-Троицкого женского епархиального монастыря г. Муром. – Муром, 2011. – С. 145.

[188] Кочкина М.В. Ктиторы муромского Спасского монастыря Кравковы // Муромский сборник. – Муром, 1993.

[189] См.: Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому). Путеводитель.

[190] См., например: История Мурома и Муромского края… – С. 116–117.

[191] Там же.

[192] Грачева И. Указ. соч.

[193] См.: Смирнов Ю.М. К вопросу о семантике посвящений престолов Муромских храмов // Позднесредневековый город: археология и история. – Тула, 2007. – Ч. 2. – С. 157–164.

[194] Журнал или ежедневные записки… – Л. 20–21.

[195] Дневник А.И. Гладкова. – Л. 251.

[196] Там же.

[197] Клубков П.А. «Замками славен Тверь, а Новгород сыртями…» // Провинция как реальность и объект осмысления. – Тверь, 2001. – С. 52.

[198] См. подробнее: Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[199] Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Уч. зап. МГУ. Вып. 99. – Москва, 1946. – С. 75.

[200] См.: Сухова О.А. и др. Иконы Мурома. – Москва, 2004; Смирнов Ю.М. Город в аспекте культурологии // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII вв. – Москва, 2003. – С. 345.

[201] Руди Т.Р. Муромский цикл повестей в рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 207–214.

[202] Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Исторические очерки русской народной словесности и искусства». – СПб.,1861.

– Т. 2. – С. 238–268; Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. – Москва, 1896.

[203] Сухова О.А. «Святые семейства». Особенности почитания муромских чудотворцев // Уваровские чтения–VII. – Муром,2011.

[204] Беспалов Н.А. Илья Муромец – первый русский воин-святой // Уваровские чтения–IV. – Муром, 2003. – С. 34–35.

[205] См.: Сухова О.А., Смирнов Ю.М. Илья Муромец. – Москва, 2007.

[206] Там же.

[207] Сухова О.А. «Града Мурома святые» // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 60–61. Автор использовала запись устных рассказов, сделанную А.А. Епанчиным в 1960-е гг.

[208] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[209] Дневник А.И. Гладкова.

[210] Круиз осуществлялся в июне 2001 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://georfed.narod.ru/texts/2001.htm.

[211] Муром, Муром-городок. Ч. 1я. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://story.travel.mail.ru/story/show/226372/.

[212] Тарасевич С. Муром. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2008/15/murom/.

[213] Fiascko. По святыням древнего града Мурома [MV/7143]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=7143.

[214] Муром, Муром-городок. Ч. 1я.

[215] Зимин В. Указ. соч. – С. 39–40.

[216] Нечипоренко Ю. Калачи да коты в древнем Муроме. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epampa.narod.ru/nech/kalachi.html.

[217] Грачева И. Указ. соч.

[218] По святыням древнего града Мурома [MV/7143]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=7143.

[219] Зимин В. Указ. соч. – С. 45.

[220] Там же.

[221] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aworld.ru/maska/forumsp5999a.htm.

[222] Пашуто В.Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. – Москва, 1966. – С. 96.

[223] ПСРЛ. Т. V. – С. 134. Цит. по: Травчетов Н.П. Город Муром и его достопримечательности. – Владимир. – 1903. – С. 2.

[224] Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. – СПб., 1889. – Т. 1. – С. 172, 173; Добрынкин Н.Г. Державные гости… – С. 5–9.

[225] Черепнин Л.В. К вопросу о роли городов в процесс образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. – Москва, 1966. – С. 109.

[226] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. – Москва–Ленинград, 1947. – Т. I. – С. 284.

[227] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/club1872200; История и значение фамилии Голенищев-Кутузов // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.amandine.ru/ezo/istorija_i_znachenie_familii_goleniwev_kutuzov.html; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9,_%D0%98%D1%81%D0%B0%D0%B0%D0%BA_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.

[228] Веселовский С.Б. Указ. соч. – С. 286.

[229] Юстен Павел. Посольство в Московию в 1569–1572 гг. – Санкт-Петербург, 2000 // http://krotov.info/acts/16/3/1569iust.html.

[230] См., например: Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 161; Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – Санкт-Петербург, 1909. – С. 361.

[231] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=455892; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biblio.sotik.ru/11857.part.xhtml?part=1&jb_size=large.

[232] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарии. – Ленинград, 1987. – С. 190.

[233] Об устроении тюрем в городах Владимирской губернии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ufsin33.ru/index.php/history.

[234] Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. – Чебоксары, 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/PRAWO/timofeew.txt_with-big-pictures.html.

[235] На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://wap.fictionbook.ru/author/samuil_shtutman/na_straje_tishinyi_i_spokoyistviya_iz_is/read_online.html?page=7.

[236] Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа://http://www.dissercat.com/content/shvedskie-voennoplennye-v-sibiri-v-pervoi-chetverti-xviii-v.

[237] Демкин А.Д. Могила светлейшей княгини Дарьи Михайловны Меншиковой в селе Верхний Услон // История Петербурга. – 2011. – № 2 (60).

[238] Пушкин А. История Пугачева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ekaterina2.com/persone/pug/pug2.php.

[239] Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – Москва, 1994. – Т. I. – С. 47–95. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=495078&PORTAL_ID=7779&SECTION_ID=7779.

[240] Признанный гений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tv7.ru/items_2233.

[241] См.: Сухова О.А. «Завитая пожарская чаша»: Андрей Вознесенский в пространстве музея // Сообщения Муромского музея – 2014. – Владимир, 2014. – В печати.

[242] Отчет Муромской уездной земской управы о доходах уездного земства за 1912 год. – Муром, 1913. – С. 14.

[243] Цит. по: Волкогонов Д. Триумф и трагедия Сталина // http://1001.ru/books/stalin2/issue14/; см. также: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. – London, 1989. – С. 65.

[244] Красный террор в годы гражданской войны по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. докторов исторических наук Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.book-ua.org/FILES/politology/4_12_2007/polit0571.htm.

[245] Мавлиханова Е.А. Вето на религиозное наследие. Из истории г. Мурома прошлого века в воспоминаниях и документах // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 292–304.

[246] Бахарева Н.Н. Икона «Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление» // Уваровские чтения–III. – Муром, 2001. – С. 73; Абрамов Ф.Н., Жукова Т.И. Муромский период жизни патриарха всея Руси Пимена (Извекова) // Уваровские чтения–VI. – Муром, 2006. – С. 444–448.

[247] Проханов А. Люди с чистой совестью. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/337369/read.

[248] Митрофорный Протоиерей Николай Стройков. Муром и его святыни в наши дни. http://www.eshatologia.org/component/content/article/626-murom-i-ego-sviatini-v-nashi-dni.html/.

[249] См.: Арцыбушев А.П. Милосердия двери. – Москва, 2001.

[250] Керзум А.П. Род предпринимателей Печаткиных и их потомков в историческом контексте: к проблеме муромских связей // Уваровские чтения – VII. – Муром, 2011. – С. 284–287.

[251] Моя жизнь. Дневник княгини Голициной // Взор. – 2005. – № 17. – С. 38.

[252] Арцыбушев А. Милосердия двери. – С. 40–43.

[253] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rpczmoskva.org.ru/oficialnye-dokumenty/arxierei-katakombnoj-cerkvi-rasstrelyannye-ili-pogibshie-

v-tyurmax-lageryax-i-ssylkax.html; Алленов А.Н. Власть и Церковь. Тамбовская епархия 1917–1927 гг. – Тамбов, 2005. – С. 196–207.

[254] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/put/040317121413.htm.

[255] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://days.pravoslavie.ru/Life/life4898.htm.

[256] Протопресв. М. Польский. Новые мученики Российские: Первое собрание материалов (По изданию: Джорданвилль, 1949). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.white-guard.ru/go.php?n=58&aa1=560&aa2=1.

[257] Онисим (Пылаев). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://drevo-info.ru/articles/2769.html.

[258] Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/ans/nm? HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcGUse0EdO0Ve8icse1ae8VyAXAiA1QiAHYpBbu2dOiUTawnAWslAU*.

[259] Болховитинов С.А. Воскресенско-Покровский женский монастырь в Нежадово // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. – Вып. 32. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://plussa-region.narod.ru/library/bolhovitinov/sobor.htm.

[260] Вера Бобринская // Мемориал. – Муром, 1996. – Вып. 1. – С. 114.

[261] Щеглов С. Отсидел за Маркса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dm-b.ru/articles/3740.html.

[262] Щеглов Л.С. Муромский благочинный Иоанн Гладышев и другие страдальцы за веру Христову // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 290.

[263] Там же.

[264] Там же.

[265] Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века.

[266] Щеглов Л.С. Указ. соч. – С. 292.

[267] История церкви ЕХБ «Воскресение» – /г. Муром/. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ehbmurom.ru/o-czerkvi/istoriya-czerkvi.html.

[268] Епанчина Н.С. Муромский краевед Александр Александрович Епанчин (1948–1998) // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 263.

[269] Маслов А. Сподвижник Рериха – доктор Рябинин из Мурома // Мемориал. – Муром, 2006. – Вып. 4. – С. 96; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%8F%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD,_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%

82%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.

[270] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tsarselo.ru/content/0/read2722.html.

[271] Дворяне: Книга памяти // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Go.html.

[272] Д.Д. Кузьмин-Караваев // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://museumsh20.ucoz.ru/index/kuzmin_karavaev_slava_i_gordost_rossii/0–41; Заклейменные властью // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ku.html.

[273] Калинкин В. Путь длиной в жизнь // Мемориал. – Муром, 1996. – Вып. 1. – С. 10–12.

[274] Мятлевский Ю. Мать-и-мачеха //Мемориал. – Муром, 1997. – Вып. 2. – С. 55–56.

[275] Антонова Н. Черный шлейф // Мемориал. – Муром, 1997. – Вып. 2. – С. 71.

[276] Тюрина Е.К. Из истории комплектования коллекции археологических предметов Подболотьевского могильника // Уваровские чтения – IX. – Владимир, 2014. – С. 215.

[277] Удалов А. Место ссылки – Муром // Мемориал. – Муром, 1999. – Вып. 3. – С. 59–62; Дойков Ю. Архангельские тени (По архивам ФСБ). – Т. 1 (1908–1942). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.doykov.1mcg.ru/data/1/Arkhangelsks%20shadows.pdf; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/Karelia/526/t/526_6.htm.l.

[278] Челищев Н. Указ. соч.

[279] Галина Иванова. «Жемчужный свет не угасает» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.history-ryazan.ru/node/14861; Сушкова О. Литературное обозрение. – 1993. – № 1–2; Серебряный пепел // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%80%D1%8F%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D0%BB; Сытник П. Забытые имена. «Твоя любовь была как иней…» // Муромский край. – 2013. – 25 дек. – № 100. – С. 11.

[280] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3750908; Евтушенко Е. Завтрашний ветер. – Москва, 1987. Цит. по: Беседы о Риге / Sarunas par Rīgu > Рига / Rīga > Люди / Cilvēki // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://forum.myriga.info/index.php?showtopic=1572; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hanguest.narod.ru/rudolf.htm; Илья Фаликов / Евтушенко: Love story //[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://territa.ru/load/1–1–0–7843; Евтушенко Евгений Александрович;

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%9A%D1%82%D0%BE%20%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%BA%D1%82%D0%BE%20%D0%B2%20%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5/%D0%95%D0%B2%D1%82%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%-D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87/.

[281] Там же.

[282] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tsarselo.ru/content/0/read2722.html.

[283] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 12.

[284] Стратонов, Всеволод Викторович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2,_%D0%92%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87; Стратонов Всеволод Викторович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ihst.ru/projects/emigrants/stratonov.htm; см. также: Бронштэн В.А. Изгнание Стратонова // Природа. – 1991. – № 1.

[285] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 2.

[286] Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. – Владимир, 2003. – Т. 2.

[287] Солдатов А. «Время осудило политический террор». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://repressii.avo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2&Itemid=4.

[288] Сидоров А.Л. Железнодорожный транспорт России в первой мировой войне и обострение экономического кризиса в стране // Исторические записки. – Москва, 1948. – Вып. 26. – С. 26.

[289] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://repressii.avo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5&Itemid=7.

[290] Шаповал Ю. Апогей террориады // Зеркало недели. – 2007. – № 29. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zn.ua/SOCIETY/apogey_terroriady-50852.html.

[291] См.: Тельман И. Утопленник в бегах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kontinent.org/article_rus_4c8691c7ddb90.html; Федосеев С.М. Александр Иванович Успенский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pseudology.org/Abel/Uspensky_AI.htm.

[292] Водянский Григорий Давыдович. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iremember.ru/desantniki/vodyanskiy-grigoriy-davidovich/stranitsa-2.html.

[293] Воспоминания В.И. Малых // НА МИХМ.

[294] Муром, Муром-городок. Ч. 2-я. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://100dorog.ru/club/stories/140336/0/.

[295] Проханов А. Люди с чистой совестью. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/337369/read.

[296] Арбатова Мария. Мне 40 лет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://obuk.ru/audiobook/12134-marija-arbatova.-mne-40-let.html.

[297] Рохленко Б. «Я вам построил Исаакиевскую арку…» (Кто такой Исаак Зальцман?). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-8991/.

[298] ПСРЛ. – Т. 23. – С. 152.

[299] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://volna.permlink.ru/volna/knigi/knigi/bib/bib/17/SOLOVIEV/solv8.html.

[300] Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. – Москва, 1959. – С. 191; Хроники Смутного времени. – Москва, 1998. – С. 240–241. См. также: Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как социокультурное пограничье // Уваровские чтения–VI. – Муром, 2006. – С. 62.

[301] Соловьев С.М. История России с древнейших времен.

[302] См., например: Тихонов А.К. Владимирский край в Смутное время с 1608 по 1612 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vladregion.info/articles/vladimirskii-krai-v-smutnoe-vremya-s-1608-po-1612-god; Алябьев Андрей Семенович (конец XVI – начало XVII вв.). Энциклопедия знаменитых россиян. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://clow.ru/a-ruspeople/011.htm.

[303] Лосева А.В. Религиозность русских в XVI–XVII веках глазами иностранцев // Уваровские чтения–VI. – Муром, 2006. – С. 267.

[304] Спасо-Преображенский монастырь (Муром). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BE-%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%80%D1%8C_(%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BC).

[305] Козляков В.Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). – Ярославль, 2000. – С. 149.

[306] Клибанов А.И. Народные противоцерковные движения // Русское православие: вехи истории. – Москва, 1989. – С. 570–571.

[307] См.: Сазонова Е.И. Перемиловы горы // Сообщения Муромского музея – 2010. – Владимир, 2011. – С. 134; Добрынкина Е. Муромская область в ее поверьях, преданиях и легендах. – Владимир, 1900. – С. 6.

[308] См. об этом статью С.В. Сазонова «Из истории муромского кремля XVII века». Уваровские чтения–VIII. – В печати.

[309] Фролов Н. «Владимирские заговорщики» против Российской империи. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prizyv.ru/archives/329394.

[310] Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в. Путеводитель. Том 1. 1994. Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826–1880. Ф. 109, 231 оп., 56564 ед. хр., 1802–1881. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=201&sid=680340.

[311] См.: Фрименков Г.Г. Узники соловецкого монастыря. Политическая ссылка в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Сев.-зап. кн. изд-во, 1965. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruslib.com/HISTORY/FRUMENKOW/uzniki_monastyrya.txt_Piece40.06; Фролов Н. Указ. соч.

[312] Короленко В.Г. К десятилетию со дня смерти Л.Н. Толстого // Короленко В.Г. «Была бы жива Россия!»: Неизвестная публицистика 1917–1921 гг. – Москва, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1070–1.shtml.

[313] Троцкий Л. Перед историческим рубежом. Политическая хроника // Троцкий Л. Сочинения. Москва–Ленинград, 1926. – Т. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm082.htm.

[314] См.: Восстание в Муроме и Муромская организация // Красная книга ВЧК. – Москва, 1990. – Т. 1. – С. 125–153; Капустин Л.Г. Муромский мятеж 8–10 июля 1918 г. Отряд подполковника Н.П. Сахарова (организация, состав, численность, форменные отличия). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://army.armor.kiev/ua/hist/murom-matez.php; Кидяров А.Е. Ярославский мятеж 1918 г. и православная церковь // II Романовские чтения. – Кострома, 2009; Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003; он же. Сутки свободы. Муромское восстание 8–9 июля 1918 года // Свой. – 2010. – № 4. – С. 54–59.

[315] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 4.

[316] Отчет в совет труда и обороны Владимирского Губернского Экономического Совещания. На 1 января 1922 года. – Владимир, б/г. – С. 7.

[317] См.: Капустин Л.Г. Указ. соч.

[318] Красная книга ВЧК. – Москва, 1990. – Т. 1. – С. 79.

[319] Капустин Л.Г. Указ. соч.

[320] Там же.

[321] Черновский А.А. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. Москва–Ленинград, 1929. – С. 420. Цит. по: Миндлин А. «Еврейская политика» Столыпина. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jhistory.nfurman.com/russ/russ003.htm.

[322] Дневник муромского мещанина Михаила Ивановича Антонова // Эпистолярное наследие провинции: история повседневности. – Муром, 2011. – С. 144. НА МИХМ.

[323] См., например: Глущенко Л.И., Смирнов Ю.М. Детские игрушки и взрослая политика. – Уваровские чтения–VIII. – Владимир, 2012. – С. 261–291.

[324] Викторов Е. О беспорядках на Советской площади, или еще раз о бессмысленности русского бунта // Александрова слобода. – Александров, 2005. – С. 306–314; Дорофеев А.А. Массовые волнения в Муроме в 1961 г. // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 306–309; Козлов В.А. Массовые беспорядки при Хрущеве и Брежневе. – Новосибирск, 1999. – С. 259; он же. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/oz/lov_va6.htm.

[325] Солженицын А. «Русский вопрос» к концу XX века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/7/solgen.html.

[326] Дорофеев А.А. Указ. соч. – С. 308.

[327] См.: Дорофеев А.А. Указ. соч.; Сухарев А., Шаталов Ю. Народный бунт в Муроме 1961 г. // Парламентская газета. – 2001. – № 132. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ldo.su/t63718.html.

[328] Обращение Движения «Нет АЭС в Монаково» к политическим партиям, общественным организациям, предпринимателям и жителям города. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aesmonakovo.net/index.php?option=com_content&view=article&id=325:-q-q-&catid=3:newsflash&Itemid=63.

[329] Анисимов С. АЭС сделает Муром безлюдным. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.svobodanews.ru/content/article/1839371.html.

[330] Проханов А. Указ. соч.

[331] Смирнов Ю.М. Муром, любовь и шампанское // Сообщения Муромского музея. – 2010. – Владимир, 2011. – С. 41–42.

[332] Стратонов В. Указ. соч. – С. 16.

[333] Дневники Е.И. Карабановой. 1975–2005 // Эпистолярное наследие провинции: история повседневности. – НА МИХМ.

[334] См.: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. – Москва, 1889. – С. 183–184.

[335] Арцыбушев А.П. Дивеево и Саров – память сердца // Рукопись. Фонд музея «Саровская пустынь». – 1999. – С. 93–94. Цит. по: Мавлиханова Е.А. Вето на религиозное наследие.. – С. 293.

[336] Арцыбушев А.П. Милосердия двери. – С. 39.

[337] Зимин В. Указ. соч. – С. 39.

[338] Дневник Дмитрия Михайлова. – С. 183.

[339] Ахметова М.В. Городское пространство в локальном тексте (г. Муром).

[340] См.: Глущенко Л.И., Смирнов Ю.М. Детские дворовые игровые сообщества: формулы дворового общения (Муром, 1960–1970-е годы) // Повседневная жизнь российской провинции. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 5. – С. 84–90.

[341] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 7.

[342] Там же. – С. 8–9, 11.

[343] С.Н. Сергееву-Ценскому. 7 сентября 1927, Сорренто // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://home.sinn.ru/~gorky/TEXTS/LETTERS/867.htm.

[344] Семенов-Тян-Шанский В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб.,1906. – Т. 6.

[345] Кирилл Серебренитский. Моя тетушка была разбойницей // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base3.vokrugsveta.ru/telegraph/history/245/.

[346] Смирнов Ю. Шел по городу автобус: Очерк истории Муромского пассажирского автотранспортного предприятия. – Муром, 1997 // НА-685. – Ф. 5. – Оп. 4. – Ед. хр. 19. – С. 32–33.

[347] Славный путь Муромского приборостроительного завода. 1941–2006. – Б. м., б.г. – С. 16–19, 39, 44.

[348] Смирнов Ю. Шел по городу автобус. – С. 26.

[349] Муромский край. – 1914. – 29 апр.

[350] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetova8.htm.

[351] Жданова Е.А. Три особенности русского менталитета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2004/05/27/tri_osobennosti_rossijjskogo_mentaliteta.html.

[352] Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России).

[353] Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. – С. 318.

[354] Муромский округ перед 5-леткой. – С. 71.

[355] НА МИХМ. – Ф. 01–51–36.

[356] Муромский округ… – С. 74.

[357] Там же. – С. 29.

[358] Троцкий Л. О трудовой дисциплине (Речь на митинге в Муромских железнодорожных мастерских 21 июня 1920 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl593.htm.

[359] Муромский округ перед 5-леткой. – С. 43.

[360] История Мурома и Муромского края… – С. 377.

[361] Итоги переписи-2011: Горожане переселяются в села, а деревни при этом вымирают. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vladimir.kp.ru/daily/25815/2793961/.

[362] Ахметова М.В. Городское пространство в локальном тексте (г. Муром).

[363] Радулова Н. «Как така любовь?» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ogoniok.com/5043/24/.

[364] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[365] Там же.

[366] Там же.

[367] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.galya.ru/clubs/show.php?id=423645.

[368] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ogoniok.ru/5078/23/.

[369] Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). – Москва, 1991. – С. 176–177.

[370] См.: Валк С.Н. Страничка из историографии древнерусского города // Города феодальной России. – Москва, 1966. – С. 75.

[371] Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. – Москва, 1967. – С. 152.

[372] См.: Смирнов Ю.М. К истории муромского герба. – Владимир, 2011.

[373] Смирнов Ю.М. Герб Мурома – знак самостоятельности или подчиненности? // Бренное и вечное. – Новгород, 2012.

[374] Ср.: Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[375] Титов А.А. Статистическое обозрение города Мурома // Памятная книжка Владимирской губернии, 1900 г. – Владимир, 1900; он же. Статистическое обозрение города Мурома. – Владимир, 1900; он же. Взгляд на город

Муром // Прибавления к Владимирским Губернским Ведомостям. – 1843. – № 13, 14, 15, 16; он же. Историческое обозрение города Мурома // Труды ВУАК. – Владимир. – 1902. – Кн. IV; он же. Историческое обозрение города Мурома. – Владимир, 1901; он же. Историческое обозрение города Мурома. – Муром, 1902.

[376] См.: История Мурома и Муромского края…

[377] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 1.

[378] См.: Смирнов Ю.М. Муром IX–XIII веков как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Москва–Сыктывкар, 2006. – С. 68–80; он же. Средневековый Муром по письменным источникам // Историческая демография. – Москва–Сыктывкар, 2008. – № 1. – С. 10–13; он же. Об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома. – С. 16–24; он же. Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности (об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома) // Уваровские чтения–VII. – Муром, 2011. – С. 308–319.

[379] Сухова О.А. Муромский миф о богатыре Илье: история и современность // Уваровские чтения–IV. – Муром, 2003. – С. 14.

[380] Там же. – С. 15.

[381] См. Сухова О.А., Смирнов Ю.М. Петр и Феврония Муромские. – Москва, 2008.

[382] Синицына Л. Тайна супружеской жизни. Город Муром и его обитатели // Дружба народов. – 2002. – № 7. – С. 127–148; то же см.: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/7/sinic.html.

[383] Воспоминания однополчан 236 Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона // Эхо прошедшей войны. – Москва, 1995. – С. 132.

[384] Там же.

[385] Синицына Л. Указ. соч.

[386] История Мурома и Муромского края… – С. 375.

[387] См.: Сухова О.А., Смирнов Ю.М. Петр и Феврония Муромские.

[388] Стратонов В. Указ. соч. – С. 2.

[389] Зимин В. Указ. соч. – С. 41.

[390] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[391] Кисина Ю. Невеста из Мурома. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.labirint.ru/fragment/143909/.

[392] См., например: Николаева Е.В. Образ Ильи Муромца в культуре и повседневности современной России // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 310–313; она же. Социокультурные метафоры в пространстве повседневности рубежной эпохи // Уваровские чтения–VI. – Муром, 2006. – С. 470–476.

[393] Ахметова М. В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома.

[394] Крылов М. Указ. соч.

[395] См.: Сухова О.А., Смирнов Ю.М. Илья Муромец. – Москва, 2007.

[396] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[397] См., например: Иванов А.И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Труды Владимирского Госуд. Областного Музея. – Владимир, 1926. – Вып. II. – С. 3–40; Лукина О.А. От советского музея к историко-художественному (Муромский музей: взгляд изнутри) // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. – Ярославль, 1997. 328 с. – С. 40–45; Сенчурова Т.Е., Купряшина Т.Б. Музейное строительство в Муроме (1918–1950-е гг.) // Там же. – С. 294–307; Смирнов Ю.М. Интеллигенция, революция, музей (страницы муромской истории) // Рождественские чтения. – Ковров, 2006. – Вып. XIII. – С. 69–74; Смирнов Ю.М. Дитя четырех эпох или Идентификация музея в постиндустриальном мире // Золотая осень: Материалы конференции Российской музейной провинции. – Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, 2009. – С. 52–57.

[398] См.: Введенский С.Н. Следы существования особой Муромской летописи // Труды 3-го областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20–26 июня 1906 года. – Владимир, 1909. – С. 1–15; Смирнов Ю.М. Средневековый Муром по письменным источникам. – С. 10–13.

[399] См., например: Анучкина А.А. Муромские историки-любители из среды духовенства (Вторая половина XIX – начало XX вв.) // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003; Смирнов Ю.М., Смолицкий В.Г. Об изучении традиционной культуры Муромского края // Традиционная культура Муромского края: Экспедиционные, архивные, аналитические материалы. – Москва, 2008. – Т. 1. – С. 21–42.

[400] См. сн. 304.

[401] Добрынкин Н.Г. Указ. соч. – С. 62. См. также: Титов А.А. Историческое обозрение города Мурома. – С. 82.

[402] Добрынкин Н.Г. Указ. соч. – С. 79.

[403] Там же. – С. 93.

[404] Владимирский историко-статистический сборник. – Владимир, 1869. – С. 29–30.

[405] Белов Ю.В. Муром снимается в кино // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003.

[406] Проханов А. Указ. соч.

[407] Стратонов В. Указ. соч. – С. 2.

[408] Смирнов Ю.М., Сухова О.А. Муромский кремль: история, мифология, иконография // Пятые Яхонтовские чтения. – Рязань, 2010. – С. 219–234; Смирнов Ю.М., Баранов А.А. Реконструкция плана муромского кремля XVII века // Сообщения Муромского музея-2010. – Владимир, 2011. – С. 5–28; они же. К вопросу о реконструкции муромского кремля первой половины XVII века // Рождественские чтения–XVIII. – Ковров, 2011. – С. 6–14.

[409] Стратонов В.В. Указ. соч. – С. 1.

[410] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Владимирская губерния. – С. 284.

[411] Муром, Муром-городок. Ч. 2 я.

[412] См.: Титов А.А. Историческое обозрение города Мурома. – С. 80, 83–84; Описание бывших пожаров в г. Муроме и более сильных в прочих городах Российской империи и разных достопамятных событий как в г. Муроме, так и в прочих городах с 1777 г. (Составленное бывшим городским головой Владимиром Макаровичем Емельяновым, брандмейстером Иваном Павловичем Стуловым и писарем мещанского общества Николаем Федоровичем Гладковым). – Муром, 1909.

[413] Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – Т. 1. – С. 131.

[414] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Владимирская губерния. – С. 284.

[415] Владимирский историко-статистический сборник. – Владимир, 1869. – С. 20.

[416] История Мурома и Муромского края… – С. 251.

[417] Вощинина-Киселева Н.П. О Муроме. Воспоминания (Семейная хроника купцов Вощининых). – Муром, 2007.

[418] Муром, Муром-городок. Ч. 1я.

[419] См.: там же. – С. 181.

[420] См.: Смирнов Ю.М. О выделке кож в средневековом Муроме // Позднесредневековый город II: Археология. История. – Тула, 2009. – С. 199–205; он же. О выделке кож в Муроме // Уваровские чтения–VII. – Владимир, 2011. – С. 330–338.

[421] Муромский округ перед 5-леткой. – С. 50.

[422] Там же. – С. 134–135.

[423] Альперов Д.С. Указ. соч.

[424] История Мурома и Муромского края… – С. 252.

[425] Альперов Д.С. Указ. соч.

[426] История Мурома и Муромского края… – С. 161.

[427] Муромский округ… – С. 163.

[428] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[429] См.: Беспалов Н.А. Новые материалы об авторе генплана Мурома И.М. Леме // Уваровские чтения–V. – Муром, 2003. – С. 208–212.

[430] История Мурома и Муромского края… – С. 117.

[431] Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. – Москва, 1990. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000088/st006.shtml.

[432] Стратонов В. Указ. соч. – С. 13.

[433] См.: Смирнов Ю. Человек в городском пространстве: традиции и современность // Памир. – 1987. – № 2.

[434] Истомина Э.Г. Культурное пространство малого исторического города: проблемы изучения // Материалы межрегиональной краеведческой конференции (16 апреля 2010 г.). – Владимир, 2010. – С. 69.

[435] Альперов Д.С. Указ. соч.

[436] Паллас П. Указ. соч.

[437] Муромский округ… – С. 164.

[438] Ахметова М.В. Образ Мурома в сознании горожан.

[439] Муромский край. – 1914. – № 7. – С. 3.

[440] Ахметова М. В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома.

[441] Стратонов В. Указ. соч. – С. 2.

[442] Митрофорный Протоиерей Николай Стройков. Муром и его святыни в наши дни. http://www.eshatologia.org/component/content/article/626-murom-i-ego-sviatini-v-nashi-dni.html/.

[443] Интервью со священником Виктором Праздничным. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/guest/4715.htm.

[444] Орлова Е. Детективная история из Углича. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tourblogger.ru/blog/detektivnaya-istoria-iz-uglicha.html.

[445] Радулова Н. Указ. соч.

[446] Муром. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BC.

[447] См.: Смирнов Ю.М. «Русский» Муром: очерк этнодемографических контактов за тысячу лет. – С. 82–95; он же. Муром: этнодемографические контакты – С. 289–300.

[448] Владимирский историко-статистический сборник. – Табл. II.

[449] История церкви ЕХБ «Воскресение» – /г. Муром/. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ehbmurom.ru/o-czerkvi/istoriya-czerkvi.html.

[450] Муромский округ перед 5-леткой. – С. 33.

[451] Муром. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BC.

[452] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fms33.ru/.

[453] Муром. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BC.

[454] Из Администрации Владимирской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alexandrov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2601&Itemid=1.

[455] Стратонов В. Указ. соч. – С. 4.

[456] Цит. по: Сонный город // Муромский рабочий. – 1939. – 30 октября. – № 251. – С. 3.

[457] Горюнов В. Лицо старого города // Муромский рабочий. – 1939. – 30 октября. – № 251. – С. 3.

[458] Военно-статистическое обозрение Российской империи, Владимирская губерния. – С. 143.

[459] Добрынкин В. Муром прежде и теперь. – Москва, 1903. – С. 69–70.

[460] См.: Чернышев В. Муром (Прогулки по Мурому купеческому).

[461] Смирнов Ю.М. Муром, любовь и шампанское (князь Лев Сергеевич Голицын) // Сообщения Муромского музея 2010. – Владимир, 2011. – С. 35–57.

[462] Горюнов В. Лицо старого города // Муромский рабочий. – 1939. – № 251. – 30 окт. – С. 3.

[463] Головашкин И. Интеллигенция // Муромский рабочий. – 1939. – № 251. – 30 окт. – С. 2.

[464] Глущенко Л.И., Смирнов Ю.М. «Игра в куклы»: этнография и идеология (на материалах Муромского района) // Рождественский сборник. Материалы конференции «Российская провинция: история, традиция, современность. – Ковров, 2009. – С. 124–133; они же. Взрослые игры в детские игрушки. (Игровые куклы 20–50-х гг. Муромская округа в контексте времени и страны) // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (24 апреля 2009 г.). – Владимир, 2010. – С. 163–168; они же. Детские игрушки в Муроме // Сообщения Муромского музея–2010. – Владимир, 2011. – С. 58–72; они же. Детские игрушки первых десятилетий советской власти // Яхонтовские чтения. – Рязань, 2012; они же. Детские игрушки и взрослая политика // Уваровские чтения–VIII. – Владимир, 2012. – С. 261–291; они же. «Все лучшее – детям» (Детские дошкольные учреждения и детские игрушки по материалам муромской прессы 1920–1930-х гг.) // Рождественский сборник. – Ковров, 2012; они же. Светлая мечта о колбасе: Елочные игрушки начала – середины XX века в фондах Муромского историко-художественного музея // Антиквариат. – 2014. – № 3 (114). – С. 121–124.

[465] Солдатов М.А. Плохо относятся к детям // Муромский рабочий. – 1939. – № 161. – 15 июля. – С. 4.

[466] Стратонов В. Указ. соч. – С. 4.

[467] Там же. – С. 5.

Оглавление

ЧИТАТЕЛЮ, ОТКРЫВАЮЩЕМУ КНИГУ ……...3

МУРОМ: ГОРОД НА ОСОБИЦУ (субъективные заметки о муромском менталитете) ……4

Примечания ……153

Научное издание

Юрий Михайлович Смирнов

МУРОМ: ГОРОД НА ОСОБИЦУ
(субъективные заметки о муромском менталитете)

Повседневная жизнь российской провинции
Выпуск 7

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Оригинал-макет О.Н. Низовцева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Подписано в печать 17.05.2022.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 9,75. Тираж 300 экз.

Информационно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории
Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.